

Л. КВИН

WIEN

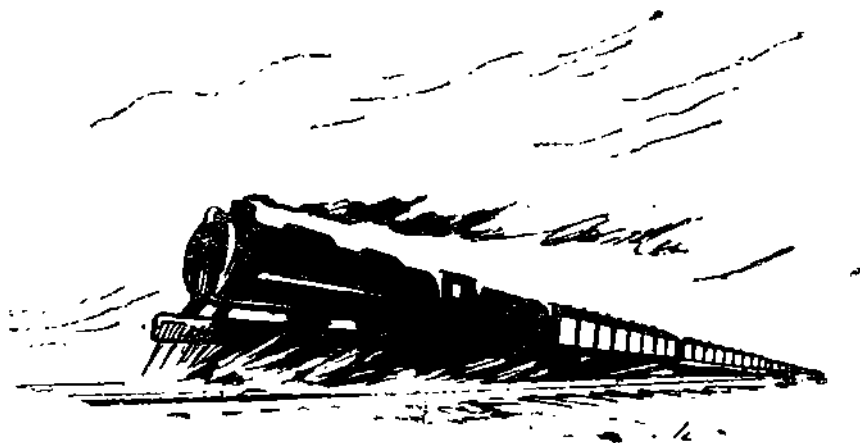
ЭКСПРЕСС
СЛЕДУЕТ
В БУДАПЕШТ

Л. КВИН

ЭКСПРЕСС СЛЕДУЕТ В БУДАПЕШТ

(Приключенческая повесть)

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1955

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Кто поедет в Будапешт?	3	«Тысяча долларов!»	22
Ранние гости	6	Отъезд	25
Томсон докладывает	9	Инспектор Вальнер	
Блестящая идея	12	выполняет задание	30
Откровенный разговор	18	На границе	33

Часть вторая

Генерал Кли беспокоится	38	По свежему следу	72
Новый знакомый	44	Путь предателя	78
В Будапеште	50	Свидание без свидетелей	84
Разговор по телефону	55	Странное несоответствие	92
Мерфи приходит в ярость	60	Новый вариант	97
Такси ИА-328	67	Гупперт исчез!	104

Часть третья

Круг замкнулся	112	Мицци встречает мужа	140
«Спокойной ночи!»	118	Спор в тюремной камере	148
Мерфи парирует удар	124	Человек на экране	155
Услуга за услугу	132	«Кто сеет ветер...»	161

Квин Лев Израилевич
ЭКСПРЕСС СЛЕДУЕТ В БУДАПЕШТ

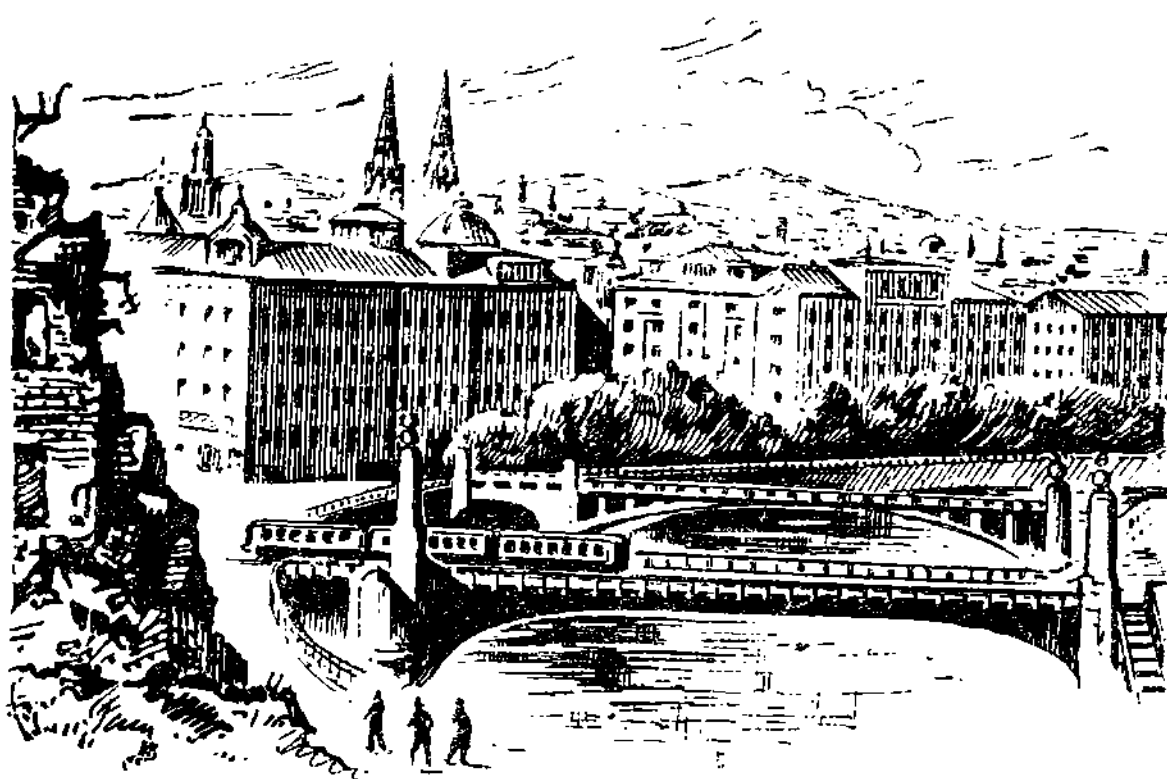
Редактор *В. Серебряный*
Художник *В. Заборский*
Технический редактор *С. Каплан*
Корректор *В. Пиджакова.*

Сдано в набор 4. V. 1955 г. Подписано к печати 9. VI. 1955 г. АГ 01367
Бумага $84 \times 108\frac{1}{32} = 2,62$ б. л., $10\frac{1}{2}$ п. л., 9,19 изд. л.
Тираж 30000 экз. Заказ № 1190. Цена 2 р. 80 коп.

Тип. № 1 Полиграфиздата, Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО ПОЕДЕТ В БУДАПЕШТ?

Было лето 1952 года...

Вторую неделю стояла невыносимая жара. Накаленные солнечными лучами каменные здания не успевали остывать за ночь. Даже раннее утро — обычно прохладное — не приносило облегчения: солнце начинало немилосердно палить, едва только появлялось над горизонтом.

Вена изнывала от зноя. Улицы опустели. Лишь по-прежнему через определенные промежутки времени проползали трамваи, все в разноцветных заплатках реклам, да изредка торопливо пробегали, сердито урча, угловатые длинноносые автобусы, похожие на гигантских черных жуков.

К полудню подул ветер — сухой, жаркий. По городу понеслись тучи пыли, поднятой с развалин, обрывки афиш, клочья старых газет, окурки, месяцами накопи-

вавшиеся на улицах. Все это ветер пригоршнями бросал в лица редких прохожих, заставляя их низко наклонять головы и яростно отплевываться.

Очередной порыв ветра рванул неплотно прикрытое окно районного комитета сторонников мира. Оно распахнулось. В комнату ворвались громкие звуки вальса. Это играл оркестр безработных музыкантов, пристроившийся в тени высокого забора у полуразрушенного здания когда-то знаменитой венской оперы.

Музыка мешала вести разговор. Председатель комитета Курт Киршнер, немолодой мужчина со спокойным, немного усталым взглядом глубоких серых глаз, подошел к окну и захлопнул его. Затем он повернулся к юношам и девушкам, собравшимся в просторной комнате:

— Ну как, друзья, решили?

— Решили.

Ответили вразброд, но уверенно и бодро.

— Значит, идут все?.. Отлично!

Поглаживая по привычке свои седеющие волосы, Киршнер внимательно посмотрел на молодых людей. На их лицах не было заметно ни следа колебаний. Все смотрели ему прямо в глаза, открыто, сосредоточенно. Чудесные ребята! На них можно смело положиться — не подведут... Вот только слишком горячи. Все время приходится сдерживать.

— Прошу вас, друзья, будьте осторожны. МП* страшно разозлена. Если вы сейчас попадетесь ей в руки, да еще с листовками против войны, у вас могут быть большие неприятности. Вчера они так сильно избили Анну Эдер, что ее пришлось отвезти в больницу.

Киршнер помолчал немного, а затем тихо добавил:

— Она до сих пор еще не пришла в себя. Да и вообще неизвестно...

Зазвонил телефон. Киршнер взял трубку. Говорила Грета Эрлих из венского городского комитета сторонников мира:

— Курт? У меня есть новость для вас. Мы получили приглашение в Будапешт, на конгресс венгерских сторонников мира. Мы решили, что ехать должен представитель вашего района.

---

* МП — сокращенное название американской военной полиции («милитери полис»).

У Киршнера в уголках глаз собрались веселые морщинки.

— Что ж, не откажемся... А когда нужно быть в Будапеште?

— Конгресс начинается пятнадцатого. Так что времени осталось немного.

В комнате сразу стало шумно. Услышав новости юноши и девушки начали оживленно переговариваться: В Венгрию! Поехать в Венгрию!

— Тихо, — замахал на них рукой Киршнер и сказал в трубку: — Ну, Грета, пропадаю! Тут уже идут прения.

Эрлих сообщила Киршнеру различные подробности. Завтра же нужно обратиться в министерство насчет загранпаспорта. Цель поездки лучше указать другую: иначе могут вмешаться американцы, и все сорвется.

Киршнер положил трубку. К нему подошел секретарь комитета Карл Хор, все время молчаливо сидевший на стуле у окна. Одетый в короткие, выше колен, кожаные штаны, которые в Австрии носит чуть ли не каждый второй мужчина, он казался очень высоким и худым. В руках Хор держал очки и быстро-быстро протирал их носовым платком. Это был у него верный признак волнения.

— В Будапешт, значит, — сказал он, близоруко шарясь. — Кого же мы пошлем?

— А вот давайте решать... Как думаете, кого следует послать? — обратился Киршнер к собравшимся.

После короткого спора вперед вышел светловолосый юноша в синем комбинезоне:

— Пусть едет Макс Гупперт... Мы так считаем...

— Ну конечно! Ведь вы, кажется, с ним в одном цехе работаете, — нервно улыбнувшись, прервал его Хор.

— Вовсе не поэтому, — спокойно возразил юноша. — Больше подписей под Стокгольмским воззванием, чем Макс, никто не собрал. А ведь у него были самые трудные кварталы. И вообще, что мы ни проводим, Макс всегда впереди. Да что там доказывать! Все его знают.

Юношу шумно поддержали товарищи:

— Правильно!

— Пусть едет Макс...

— Ты не согласен с ними? — спросил Киршнер у Хора. — Так называй своего кандидата. Обсудим.

Хор смешался:

— Да нет у меня никаких кандидатов. Я тоже за Макса. Ведь он еще и мой друг... — Он запнулся на секунду. — Гм... По правде говоря, я и сам был бы не прочь поехать...

Взрыв хохота не дал ему договорить. Он сначала нахмурился, а затем неожиданно рассмеялся сам.

— Отделали тебя... — Киршнер потрепал его по плечу. — В общем, я тоже думаю, что поедет Макс Гупперт. Сегодня у нас заседание комитета, и я предложу его кандидатуру... А теперь, друзья, давайте обсудим сегодняшние дела...

Юноши и девушки окружили Киршнера. Он выбрал из ящика стола большую карту Вены и расстелил ее на столе.

— Ваша задача — распространить листовки вот в этих кварталах. Не пропускайте ни одной квартиры. Население нашего района так истерзано от оккупантов, что охотно выслушает вас и прочитает листовки. А если все же найдется какой-либо прохвост, который попытается задержать вас и передать МП, то... то вас ведь трое в каждой группе...

РАННИЕ ГОСТИ

— Мицци, уже половина седьмого!

В голосе Макса звучали нотки нетерпения. Ровно семь он должен выйти из дому. Ведь ему еще нужно забежать в комитет за листовками. Так немудрено и опоздать на завод.

— Уже готово, Макс!

Занавеска, отделявшая «столовую» от «кухни», раздвинулась, и появилась улыбающаяся голубоглазая Мицци со стареньким, до блеска начищенным кофейником в руках.

— Вот!

Она налила кружку до краев. От густого, черного напитка по комнате распространился приятный аромат. Макс, обжигаясь, отпил глоток.

— А сахар?

Улыбка на лице Мицци исчезла, уступив место растерянному, немного виноватому выражению.

— Я не купила... Понимаешь...

— Понимаю... Забыла.

— Нет... Видишь ли...

Она вдруг решилась и выпалила:

— Просто денег не хватило. На прошлой неделе опять все стало дороже и... ну, просто не на что было купить.

Макс недовольно хмыкнул. Не очень-то приятно пить кофе без сахара. Но Мицци права. Никакого заработка не хватит, чтобы угнаться за растущими ценами.

Мицци присела с ним рядом. Ее большие глаза обычно такие веселые, сделались задумчивыми и печальными. Он обнял ее за плечи.

— Ладно, Мицци, не отчаивайся. Как-нибудь выкрутимся. Ведь не у нас одних такое положение... Придет другое время.

Мицци тяжело вздохнула:

— Да, придет! Но когда оно придет...

В дверь постучали.

— Кто в такую рань? — удивился Макс.

Это были Киршнер и Хор.

— Здравствуй, Макс. Что, не ожидал таких ранних гостей?

— По правде говоря, нет... Я даже перепугался, подумал, не МП ли.

— Ну да, — усмехнулся Хор. — Тебя испугаешь!

Карл Хор — друг детства Макса. В свое время они были неразлучны. Вместе дрались с мальчишками из соседнего двора, играли в одной футбольной команде. В одно время вступили в подпольную комсомольскую организацию.

Затем их пути разошлись. Макса призвали в гитлеровскую армию и, как «недостаточно преданного райху и фюреру», зачислили в рабочую команду, выполнявшую тяжелые и опасные земляные работы на русском фронте. В 1943 году с группой коммунистов Макс дезертировал из ненавистной гитлеровской армии, примкнул к отряду словацких партизан в Карпатах и вместе с ними дрался против фашистов.

От Хора Макс известий не имел. Слышал только, что его арестовало гестапо, и считал своего друга погибшим. Но когда в 1945 году, после освобождения Вены, Макс вернулся в родной город, он узнал, что Хор был в Бухенвальде и чудом уцелел.

Былая дружба не возобновилась, но между ними установились теплые приятельские отношения. Хор часто заходил к Гупперту посидеть, потолковать о том, о сем, и поэтому Макс не удивился его сегодняшнему приходу.

Но вот Киршнер впервые у Макса...

— Выпейте кофе, — предложила Мицци, когда гости уселись.

— С удовольствием, — отозвался Киршнер. — Дома я тоже пил кофе, но, признаться, без сахара.

Мицци весело глянула на Макса и, не выдержав, прыснула со смеху.

— Ага! — догадался Киршнер. — Видимо, вы тоже не очень любите сладости.

Они потолковали о возросших ценах.

— Вот что, — сказал, наконец, Киршнер, заметив, что Макс украдкой поглядывает на часы. — Пришли мы к тебе с таким делом: поедешь от нас гостем на конгресс сторонников мира в Венгрию.

— В Венгрию? Я?

Макс от неожиданности даже привстал.

— Именно ты! Что в этом удивительного?

— Но... но ведь есть более достойные люди. И потом... что я скажу на конгрессе? Мне никогда не приходилось выступать на таких ответственных собраниях. А тут еще за границей. Оратор из меня — сами знаете какой. Просто не смогу... Вот будет картина, — он заговорил, подражая голосу радиодиктора: — «Австрийский гость молчал в течение двадцати минут, а затем, кашлянув, оставил трибуну»...

Никто не отозвался на шутку. Даже Мицци посмотрела на Макса с укоризной.

— Шутки в сторону, Макс. Тебя решили послать — и ты поедешь, — строго сказал Киршнер. — Оратором быть вовсе не обязательно. Зачитаешь приветственное письмо, а затем просто и ясно расскажешь о том, как мы здесь боремся за мир. Расскажешь, как три тысячи подписей под Стокгольмским воззванием собрал, о бесчинствах американской военщины... Рассказать есть о чем.

— Да, конечно... Только...

Макс замялся. На его лице проступил румянец.

— Договаривай, договаривай! Тут все свои.

— Только вот с деньгами у нас с Мицци сейчас туговато. А, ладно, — он пристукнул по столу ладонью. — Займем немного, продадим кое-что из вещей...

Гости переглянулись.

— Ах, я и забыл сказать, — спохватился Киршнер. — Поездку ведь оплачивает городской комитет сторонников мира.

Хор крепко пожал руку Макса.

— Рад за тебя. Поздравляю, дружище.

Он глянул на часы и забеспокоился:

— Ну, пойдем. Еще на работу, чего доброго, опоздаешь. А мы тебя проводим и расскажем все подробно.. Мицци, найди какую-нибудь фотокарточку Макса — для заграничного паспорта.

Мицци сняла с этажерки альбом.

— Эта будет хороша? — спросила она. — Не слишком мала?

Хор повертел фотокарточку в руках.

— Сойдет... Все технические подробности — паспорт и прочее — улаживаю я. У тебя, Макс, и так хватит беготни...

Мицци закрыла за ними дверь. Затем она сказала рыжей кошке, тершейся у ее ног:

— Мы с тобой остаемся одни. Макс уезжает в Венгрию, понимаешь, в Венгрию! Ах, как бы я хотела поехать с ним! Но нельзя, никак нельзя...

Она тяжело вздохнула и принялась за работу. Надо убрать со стола, помыть посуду, сварить обед. И все это нужно успеть сделать за два часа. Ее смена на телефонной станции начинается в половине десятого.

ТОМСОН ДОКЛАДЫВАЕТ

Полковник Оливер Мерфи, начальник венского отдела Си-Ай-Си*, провел рукой по бритой голове. Ладони стала мокрой, как будто ее смочили водой.

* *Си-Ай-Си* — сокращенное наименование специального американского разведывательного и контрразведывательного органа, действующего в оккупированных США странах Европы и Азии.

— Проклятая жара! — выругался Мерфи. — Можно подумать, что ты не в Вене, а в Центральной Африке.

Он встал и, быстро семеня толстыми, маленькими ногами, подошел к круглому столику. Под ним в ведре со льдом стоял сифон с газированной водой. Мерфи налил стакан и жадно выпил. От холодного напитка стало немного легче. «А теперь надо опустить жалюзи, — подумал полковник. — Иначе к полудню здесь будет вообще невыносимо».

У окна внимание Мерфи привлекло огромное яркое панно, выставленное на противоположном тротуаре. Лиловолосатая плакатная красавица беспомощно билась в смертельных объятиях звероподобного джентльмена с лошадиной челюстью, одетого в безукоризненный вечерний костюм. «Кругер-кино. «Убийство в экстазе». Новый американский боевик по пьесе Вильяма Шекспира «Отелло». Продукция Метро-Голдвин-Майер. Голливуд», — гласила надпись.

Проходившая мимо панно старушка-венка остановилась и, спустив на самый нос очки, стала читать текст. Неожиданно она отшатнулась от плаката и, возмущенно размахивая кошелкой, пошла дальше. Полковнику было видно, как шевелились губы старушки. Вероятно, она высказывала вслух свое мнение о рекламируемой продукции «Метро-Голдвин-Майер».

Мерфи с интересом наблюдал за этой сценкой. С чего бы старуха так рассердилась? «Убийство в экстазе». Хм! Вполне современное название. — смелое, беспощадное, в духе Микки Спиллейна. Как это у него сказано в последней книге? Ага! «Дайте возможность радикалам испытать отвратительный вкус внезапной смерти. Убивайте их направо и налево, покажите им, что у нас нет мягкости. Убивайте! Убивайте!» Вот как, мадам! В наше время на пьесах Шекспира да вальсах Штрауса далеко не уедешь. Теперь нужна совсем другая музыка.

Насвистывая какой-то воинственный мотивчик, Мерфи опустил жалюзи. В комнате сразу стало темно. Он добрался до дивана и лег. Жалобно застонали пружины. Полковник блаженно крикнул. Хорошо бы сейчас подремать немного! Нет, к черту этот бридж. С сегодняшнего дня — конец! Сидишь ночь за картами, а потом ползаешь, как червяк, — что за идиотство!..

Но отдохнуть полковнику не пришлось. Послышался осторожный стук в дверь.

— Кого там несет... — вскричал полковник. — Ах это вы, — с неудовольствием сказал он, увидев вошедшего.

— Можно?

— Давайте уж... У вас полное отсутствие логики Томсон. Сначала входите без разрешения, а потом спрашиваете, можно ли.

Майор Гарольд Томсон был полной противоположностью толстому шумному Мерфи. Высокий, худой всегда молчаливый, он, если бы ему приклеить остренькую бородку, был бы очень похож на дядю Сэма, как его рисуют на карикатурах.

Полковник, кряхтя, поднялся с дивана и включил лампу. На письменный стол упал мягкий голубоватый свет.

— Что у вас?

— Вот.

На стол легло несколько бумаг.

— Из управления верховного комиссара. На ваше усмотрение.

— На мое усмотрение... на мое усмотрение... — буркнул Мерфи. — Что они, сами решить не могут?

Он пробежал бумаги глазами и покачал головой.

— Эти чинуши хитры, как черти... Понимаете, Томсон, предположим, мы выпустим в Венгрию этого... ка его...

— Макса Гупперта.

— Да, Макса Гупперта. Мы выпустим, а потом, если что-нибудь случится, то эти, там, в управлении, будут чисты, как ангелы. «Сам полковник Мерфи разрешил», — он скривил рот и выпятил губы, явно передразнивая кого-то.

— А мы не выпустим, сэр.

Мерфи бросил на Томсона быстрый взгляд.

— Гупперт просит разрешить ему выезд по личным делам. У вас другие данные?

— Сообщение «Тридцать шестого» — ответил Томсон. — Гупперт коммунист. Едет на венгерский конгресс сторонников мира.

— Когда он должен быть в Будапеште?

— Через два дня. Конгресс открывается пятнадцатого

— Отказать!

— Ясно. Фотокарточку можно не возвращать? Нужна для картотеки, — пояснил Томсон.

— Оставьте у себя... Ну-ка, дайте взглянуть на этого красного.

Томсон порывлся в бумажках и подал полковнику фотокарточку. Полковник мельком взглянул на нее. Но, заинтересовавшись, он обхватил снимок своими короткими, тупыми, словно обрубленными пальцами, обильно поросшими пучками рыжих волос, и с минуту пристально рассматривал.

— Гм... Вам ничего не бросилось в глаза, когда вы смотрели на снимок, Томсон?

— А я вовсе не смотрел, сэр.

— Напрасно. Вот, взгляните.

Долговязая фигура Томсона перегнулась через стол и низко склонилась над фотоснимком.

— Странно... Очень похоже на нашего капитана...

— Гарри Корнера, не так ли? — торжествующе закончил полковник. — Правда, здорово? Надо позвать его. Пусть посмотрит...

Сняв телефонную трубку, он набрал номер.

— Гарри? Зайдите на минутку ко мне. Вы нужны. Да, да, сейчас же.

БЛЕСТЯЩАЯ ИДЕЯ

Капитан Гарри Корнер с самого утра был занят чрезвычайно важным делом. Разложив по столу таблицы и газетные вырезки, он пытался определить шансы лошадей, участвующих в предстоящих скачках на венском ипподроме. В прошлый раз, по совету знакомого австрийского жокея, он поставил сотню шиллингов на малоизвестного «Принца Уэльского». Тот, действительно, пришел первым, и Корнер получил кругленькую сумму.

В нынешнее воскресенье предстояли скачки двухлеток. Корнер решил рискнуть тысячей. Но у знакомого жокея совсем некстати заболела мать, и он срочно выехал к себе на родину в Штирию. Без него капитан никак не мог определить, на кого сделать ставку. Он не был знатоком лошадей.

Между тем, играть нужно было непременно. У Корнера наклеывалось участие в прибыльном, хотя и не со-

всем чистом предприятии с сигаретами. Для этого требовалось внести крупный вступительный пай.

Корнер пытался добыть нужную сумму, используя свои любовные связи с женами некоторых военных начальников. Но тщетно: почтенные миссис оберегали чековые книжки и шкатулки с драгоценностями больше, чем свою честь.

Пришлось переключиться на тотализатор. Австриец по отцу, Корнер, хотя родился и жил в США, в совершенстве владел немецким языком. Он сумел завести некоторые полезные связи на ипподроме и надеялся, используя их, добиться цели...

Звонок полковника Мерфи оторвал Корнера от изучения таблиц прошлых скачек. Сложив бумаги в ящик письменного стола, Корнер привел в порядок свой костюм и спустился на лифте на второй этаж.

...При виде Томсона у капитана мелькнула тревожная мысль. Уж не пронюхал ли этот ходячий скелет о проделках с сигаретами и не доложил ли полковнику? От него всего можно ожидать. Но тогда и Томсону не сдобровать. Корнер знает о нем кое-что похлеще. Кокаин — это не сигареты, и к тому же сфера приложения капиталов самого полковника Мерфи.

Но опасения Корнера оказались напрасными.

— Полюбуйтесь! — Полковник передал ему снимок. — Держу пари, что вы даже не заметили, когда вас щелкнули.

Корнер впился глазами в фотокарточку.

— Это не я, — наконец, сказал он. — Я такой прически никогда не носил. Да и разрез глаз у меня несколько иной. Но, клянусь своим счетом в банке, чертовски похоже! Поместите этот снимок в мой проездной документ — и даже ФБР* беспрепятственно пропустит меня в Штаты.

— Как вы сказали? ФБР? Гарри, да вы же гений!

Полковник с неожиданной для его полноты быстротой подскочил к Корнеру, выхватил фотокарточку, посмотрел на нее, затем на Корнера. Размахивая руками, он зашагал по комнате.

— Гарри, вы гений, будь я проклят, если это не так!

---

* ФБР — федеральное бюро расследований (американская охранка).

Вы сейчас подали такую идею, такую идею — сто миллионов долларов ей цена.

— Что вы, шеф! Меня вполне устраивает десятая часть. Платите — чеком или наличными — и идея ваша, — пошутил Корнер.

Он хорошо изучил характер своего начальника. Мерфи в настроении, и, значит, можно дать волю языку.

Полковник внезапно остановился напротив Томсона. Голос его теперь звучал повелительно и резко.

— Майор Томсон!

— Слушаю, сэр!

Томсон вытянулся и щелкнул каблуками.

— Через десять минут все ваши данные о Максе Гупперте должны быть у меня на столе. В первую очередь меня интересует, бывал ли он когда-нибудь в Венгрии. Это раз. Второе. «Тридцать шестой» в три часа должен быть у меня в кабинете. Я лично дам ему задание.

— Но...

— Никаких но... В-третьих. Не препятствуйте выдаче заграничного паспорта Макс Гупперту... Все ясно?

— Все, — неуверенно произнес Томсон. У него было довольно растерянный вид.

— Выполняйте. Только отбросьте в сторону вашу вечную флегматичность, Томсон. Видит бог, дело стоит этого. Шевелитесь же, черт вас возьми!

Томсон заспешил к двери. Теперь покоя не жди! Полковник заболел очередной идеей.

Корнер тоже был озадачен. Не ожидая приглашения, он присел на кожаное кресло. Полковник задумал нечто касающееся его, Корнера... Это сходство с каким-то типом... Шеф говорил о поездке в Венгрию...

Его сердце забилось быстрее. Чтобы скрыть волнение, Корнер вытащил из кармана пачку «Честерфильда» привычным щелчком выбил сигарету и прикурил от серебряной зажигалки, лежавшей на столе у полковника.

Мерфи стоял, широко раздвинув толстые, как тумбовые ноги, и, посмеиваясь, наблюдал за медленными, степенными действиями Корнера. Оба молчали.

— Честное слово, Гарри, вы же прирожденный разведчик, — покачивая головой, произнес, наконец, Мерфи. — Бывают минуты, когда я просто завидую вашей выдержке... Ведь вы прекрасно понимаете, что все это прямо и непосредственно касается вас.

— Ну и что же? — Корнер выпустил колечко дыма, как бы любуясь им, наклонил на бок голову. Он знал, какую позу следует принять, чтобы казаться спокойным. — Ведь вы мне все равно скажете, в чем дело. Стоит ли ломать голову и теряться в догадках! Не так ли, шеф?

— Потрясающая логика! Слушайте, Гарри, у вас небывалый шанс отличиться.

Корнер спокойно продолжал пускать вьющиеся колечки дыма.

— Слушайте же, вы, бесчувственное полено, — полковник хлопнул его ладонью по спине. — Слушайте... Этот парень на фотокарточке — его зовут Макс Гупперт — красный. Он едет на днях в Венгрию на конгресс сторонников мира.

— Да? — безразличным тоном спросил Корнер. По опыту он знал: чем меньше задавать шефу вопросов, тем больше он скажет сам.

— Вместо него поедете вы!

— Я?!

Полковник расхохотался. Он был доволен произведенным эффектом. Наконец-то Корнера проняло!

— Я — на конгресс?.. Что мне там делать? Вы шутите, шеф!

— Нисколько! — Полковник перестал смеяться и заговорил серьезно. — Между вами и этим красным удивительное сходство, по крайней мере, на фотокарточке. Ведь вы сами сказали насчет федерального бюро. А нам необходимо, просто дозарезу необходимо побывать в Венгрии. Я уже давно ломаю себе голову над тем, как туда протолкнуть хоть на несколько дней толкового парня. А теперь сама судьба идет мне навстречу. Вы сможете посетить Венгрию без всякого риска.

Корнер больше не скрывал своего волнения. Он нервно забарабанил пальцами по краю стола.

— Вы говорите, шеф, так, как будто все уже решено... Моего согласия вы не спрашиваете, — ладно, это в порядке вещей. Но ведь тут столько трудностей, столько непредвиденных препятствий... Как, например, заставить этого Макса Черт-его-знает не ехать? Как мне раздобыть его документы? Нужны ведь подлинные. Вы сами отлично знаете, как венгры с помощью своих русских друзей научились распознавать такие вещи. И потом —

это конгресс. Вероятно, придется выступить, что-то говорить... Нет, шеф, у вас острая и цепкая мысль, но на се раз, мне кажется, вы заехали в область фантастики.

Полковник не обиделся. Ему нравился Корнер, и о разрешал ему большие вольности.

— Ладно, Гарри. Сейчас я вам больше ничего не скажу. Но давайте держать пари, что все препятствия — и те, о которых вы говорили, и те, которые могут еще возникнуть в дальнейшем — будут устранены. Вы поедете в Будапешт, дорогой капитан, а когда вернетесь отсюда, считайте, что вы карьеру сделали. Об этом позабочусь я.

В дверь снова постучали. Это был Томсон. Он принес небольшую папку. Полковник посмотрел на часы.

— Bravo, Томсон, вы начинаете исправляться. Всего лишь семь минут опоздания. Как «Тридцать шестой»?

— Будет здесь в назначенный час.

— Что ж, спасибо... Можете идти оба. Вам, Гарри, я советую почитать кое-что о движении сторонников мира познакомиться с их терминологией. Томсон, обеспечить его литературой.

Оба офицера поклонились и пошли к выходу.

— Да, Гарри, еще что, — позвал Корнера от двери полковник. — Приходите сегодня вечером, часов так в девять, ко мне на виллу. Поговорим там поподробнее. Кстати, я вас представляю моей супруге. Она кое-что слышала о ваших похождениях и жаждет познакомиться с вами.

Корнер, внутренне усмехаясь, еще раз поклонился. Откуда полковнику знать, что миссис Мерфи, эта молодящаяся сорокапятилетняя дама, уже давно знакома, очень хорошо знакома с капитаном Корнером.

...Оставшись один, полковник Мерфи снова прилег на диван. Было очень жарко, но теперь это уже не тревожило его. Когда напряженно работает мысль, все остальное отходит на задний план. А полковнику было о чем подумать.

Наконец, Мерфи принял решение. Он дотянулся рукой до звонка и нажал кнопку. В комнату вошел лейтенант, адъютант полковника.

— Вызовите ко мне завтра к часу дня старшего инспектора венской сыскной полиции Вальнера. Только

смотрите, не упоминайте по телефону моей фамилии. Скажите ему просто: полковник. Он поймет...

— Слушаюсь, сэр!

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Ровно в девять вечера капитан Гарри Корнер явился с визитом на виллу полковника Мерфи. Полковник встретил его чрезвычайно любезно, был весел и мил. Супруга Мерфи, которой Корнер был представлен как «самый блистательный офицер нашего отдела», вопреки опасениям капитана, вела себя довольно тактично. Она ничем не выказывала, что видит его далеко не в первый раз.

Ужинали втроем на большой открытой террасе, увитой зеленым плющом. Перед вечером над Веной пронеслась долгожданная гроза, и воздух был свеж и душист.

За столом прислуживали безукоризненно вышколенные лакеи. Кушанья подавались в старинной, большой ценности посуде. Полковник Мерфи вывез ее из музеев Баварии, где он возглавлял после 1945 года американскую разведку. Дорогие и редкие вина могли удовлетворить самый изысканный вкус.

Корнер был в восторге. Здесь пахло настоящим богатством, а его ничто на свете не притягивало сильнее, чем магический блеск золота. Даже миссис Мерфи показалась ему гораздо более привлекательной, чем раньше. Когда полковник отвернулся, отдавая приказание лакею, Корнер подмигнул ей. Это означало, что он не прочь восстановить с ней прежние отношения. Стареющая матрона ответила капитану одной из своих самых очаровательных улыбок и кокетливо опустила мохнатые искусственные ресницы. Это была парижская новинка, и парикмахер миссис Мерфи уверял, что «ресницы придают мадам изумительное сходство с Даниель Дарье*».

После традиционной для Вены чашки кофе полковник пригласил Корнера в свой кабинет.

— Ты прости нас, милочка. Ничего не поделаешь — дела, — извинился он перед супругой.

Та надула свои двукрылые яркокрасные губы и, как шаловливое дитя, капризно мотнула головой:

— Ах!.. Всегда дела! Ни минуты покоя, даже дома...

---

* *Даниель Дарье* — известная французская киноактриса.

Однако перечить она не посмела. В таких случаях следовала неизбежная расплата. Вежливый и предупредительный на людях, полковник Мерфи становился грубым и жестоким наедине с женой, если она хотя бы мелочах не повиновалась его воле.

В кабинете офицеры закурили по гаване. Некоторое время оба молчали, наслаждаясь ароматным дымом.

Корнер первый нарушил тишину.

— Вы недурно живете, полковник, — развязно сказал он, пользуясь правами гостя. — У вас очень миленькая вилла. Русские посчитали бы вас буржуем довольно крупного калибра.

Полковник поморщился. Он пододвинул пепельницу с силой придавил в ней недокуренную сигару.

— Не портьте мне настроение, Гарри, и не говорите о русских хотя бы сейчас, когда я отдыхаю.

Мерфи стиснул руки так, что хрустнули пальцы, и замолчал. Но Корнер чувствовал, что он будет продолжать разговор. Так и получилось.

— Русские отравили мне всю жизнь, Гарри, — голо полковника был необычно глухим. — Я был еще совсем юнцом, когда умер отец. Он оставил большое состояние. Что-то около миллиона долларов.

Корнер присвистнул.

— Да! Почти миллион, — повторил Мерфи. — Но он вскоре лопнул. Дело в том, что весь капитал отца был вложен в нефтяные предприятия на юге России, а там произошла революция. И все пропало. Я только начал входить во вкус настоящей жизни — и вдруг разорился. От отцовского наследства осталось всего каких-нибудь двести тысяч долларов...

«Тоже не плохо, — подумал Корнер. — Но миллион все-таки лучше».

— Меня сделали нищим. И кто? Какие-то русские.. Русские, китайцы, эскимосы — до того я их совсем не различал. Какое мне было до них дело! Но тогда я понял, что такое русские...

Полковник снова замолчал.

— А что было дальше? — спросил Корнер.

— А дальше была долгая и невеселая история, Гарри. Я ставил на Колчака и проиграл. Вместе с двадцать седьмым полком побывал в Сибири и вместе с этим же полком вылетел оттуда, как пробка. Тогда я пошел рабо-

тать в разведку. У меня была лишь одна цель, одно лишь стремление: покончить с большевиками. Мы плели паутину одну искуснее другой. И все они рвались. Наши лучшие люди пропадали там, в России. Один провал другой, десятый... Вы знаете, я далеко не дурак, но все что я придумывал, оказывалось раскрытым. Замыслы которые я не доверял даже своим самым близким друзьям, которые я прятал от самого себя, разгадывались чекистами. Они как будто смеялись надо мной. И это приводило меня в неистовство... Но, наконец, пробил мой час. Вы видели когда-нибудь, как пляшут от радости мальчишки, когда получают долгожданную игрушку? Вот так плясал я, когда Гитлер напал на Россию. И, честное слово, я выл от злости, когда мы тут же вступили в войну с Германией. Это была самая страшная ошибка, которую Штаты совершили за всю свою историю.

Полковник поднялся и налил себе стакан газированной воды. Затем он снова заговорил, глядя прямо перед собой невидящими глазами. У Корнера было такое впечатление, будто полковник совершенно забыл о нем и разговаривает сам с собой.

— Теперь все как будто входит в свою колею. Но как сильны стали за это время красные! Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Корея, Китай... Понимаете, Китай! А что делается во Франции, в Италии! Откровенно говоря, я часто думаю о том, что наши Джинны, Джоны и Джорджи по примеру своих русских братьев в конце концов «ликвидируют» нас с вами «как класс» — так ведь говорят русские... И, вы понимаете пока это не случилось, мы должны смести с лица земли всю красную заразу. Любой ценой! Пусть атомная бомба, пусть водородная, пусть чума, пусть что угодно и как угодно, но только уничтожить всех русских и их друзей. И надо это сделать сейчас же, немедленно, пока еще есть время... Вы не поверите, но я иногда просто удивляюсь своей выдержке. На всяких там приемах, банкетах и тому подобных сборищах мне приходится встречаться с русскими. Нужно пожимать им руки. Нужно говорить любезности и делать при этом сладкую мину. И я все делаю: и руки жму, и улыбаюсь. А ведь в то же время во мне все клокочет. Хочется вцепиться им в глотки и душить, душить, душить! Всех! До конца!

Тяжело дыша, Мерфи вытащил носовой платок и вытер мокрый лоб.

Корнер понял, что и ему нужно высказаться.

— Я немного не согласен с вами, дорогой полковник, — осторожно начал он. — У меня это не носит такой, как бы вам сказать... всеобъемлющий характер. Вы знакомы с философией прагматизма? Так вот, я подхожу к любому вопросу с позиций выгоды.

— Что-то вы уж очень сложно говорите.

— Сейчас вы меня поймете... Каждый строит свой бизнес как может. Форд наживается на автомашинах. Король унитазов делает деньги на этих весьма полезных сосудах. Звезда экрана Гарри Купер получает доллары за свои ослепительные улыбки. Ну, а я пытаюсь сколотить начальный капитал на всяких там русских, венгерских, чешских и иных делах. Ведь мне никто не оставил в наследство ни миллиона долларов, ни даже двухсот тысяч. А делаешь бизнес — нельзя быть щепетильным. Приносит больше денег пистолет — пусть будет пистолет. Автомат? — пусть будет автомат. Атомная бомба — и против нее ничего не имею, если она принесет мне пользу. Чума, холера, индийская проказа — пожалуйста, если мне это будет выгодно. Союз с богом? С папой римским? С дьяволом? Извольте! С кем угодно, если только от этого пойдут в гору мои дела... Но я вовсе не так кровожаден, как вы, шеф. Наоборот, я очень ценю русских. Говорят, они трудолюбивы. Не столь уж плохо, мне кажется, иметь такой домик, как ваш, плюс еще земельное владение где-нибудь в Крыму. Ну, скажем, не в Крыму — это лакомый кусочек для тех, наверху — так на Украине. Ей богу, я бы очень гуманно относился к своим, как их называют... мужикам, что ли? Никаких телесных наказаний. Работать не более двенадцати часов. По воскресеньям полный день отдыха. Они бы меня боготворили. А девушек я бы не всех заставлял работать. Я слышал, среди них есть много чертовски красивых. Они бы улаживали мне жизнь... Ха-ха! А вы говорите — всех уничтожить! Вы слишком кровожадны, шеф.

Корнер остановился. Ему пришло в голову, что он хватил через край. Мерфи может рассердиться. Но тот лишь благодушно рассмеялся:

— На таких условиях и я, пожалуй, согласен бы оставить в живых кое-кого из них. ...Да, мечты, мечты...

Полковник вздохнул и вдруг круто переменял тему разговора:

— Кстати, Гарри, вопрос о вашей поездке в Будапешт решен. Я уже говорил с «Тридцать шестым». Все складывается весьма благоприятно... Вы помните, мы с вами как-то беседовали об одном небольшом эксперименте. Он условно назван «операцией К-6».

Корнер насторожился. Он откинулся на спинку кресла и спросил, стараясь придать своему голосу как можно более безразличное выражение:

— Да, припоминаю. Какое отношение это имеет к моей поездке?

— Самое непосредственное.

Весь хмель моментально выскочил из головы капитана Корнера.

— Значит, мне придется повезти...

— Вот именно! — не дал ему закончить полковник. — Понимаете, Гарри, вы один у нас знаете, как обращаться с этой штукой. Для вас это совершенно безопасная прогулка...

Однако настроение Корнера было уже испорчено. Вскоре он, сославшись на сильную головную боль, попрощался с хозяевами, не обращая никакого внимания на красноречивые взгляды миссис Мерфи.

«ТЫСЯЧА ДОЛЛАРОВ!»

Стенные часы пробили половину второго.

— Странно... Господин полковник всегда так аккуратен!

Старший инспектор венской сыскной полиции Леопольд Вальнер произнес эти слова вполголоса, как будто про себя. Но в действительности они предназначались лейтенанту О'Бриену — адъютанту полковника Мерфи, выжему, веснущатому парню из ирландцев.

— А? Что вы сказали, Вальнер?

Лейтенант открыл глаза и громко зевнул. Челюсть его, остановившаяся было во время дремоты, снова завигалась, пережевывая вечную резинку.

— Нет, я просто так... Полковник Мерфи, наверное, очень занят?

О'Бриен встал и, отчаянно потягиваясь, прошелся по комнате.

— Занят? Не думаю... Знаете что, я сейчас попытаюсь еще раз доложить.

В это время над дверью кабинета полковника Мерфи вспыхнула желтая лампочка.

— Вот и все! Идите, Вальнер.

Инспектор быстро встал и привычным жестом пригладил свои редкие седые волосы. Затем он взял лежавший рядом на стуле портфель и вошел в кабинет.

Мерфи поднялся ему навстречу:

— Хелло, Вальнер! Извините, что заставил вас ждать. Дела... Прошу садиться. Нет, нет, вот сюда.

Полковник жестом указал на кресло, стоявшее рядом с его письменным столом.

Присев на самый краешек кресла, Вальнер осторожно кашлянул. Такое начало не предвещало ничего хорошего. Когда полковник в настроении, он сажает посетителя к круглому столу, вон там, в стороне, и угощает рюмкой крепкого виски. Но, может быть...

Однако на сей раз надеждам Вальнера на угощение не суждено было сбыться. Полковник сразу же приступил к делу.

— Как ведут себя наши мальчики? Много ли жалоб поступило на них за последнее время?

Вальнер насторожился. Вряд ли полковник пригласил его сюда для этого. Мерфи и сам отлично знает, что жалоб на хулиганское поведение американских солдат и офицеров бесчисленное количество.

Он уклонился от прямого ответа:

— Нет, не очень.

— А что у вас вообще нового?

— Нового? Ничего.

— Как ничего? А Курта Штиммера вы почему арестовали?

На лице Вальнера отразилось искреннее недоумение.

— Он участник банды торговцев кокаином, господин полковник.

— А вам какое до этого дело? — сдвинул брови Мерфи.

Инспектор молчал. Его глаза беспокойно забегали, старательно избегая встречаться со взглядом Мерфи. Что нужно сегодня этому янки? Какая муха его укусила?

— Немедленно выпустите Курта Штиммера на свободу, — приказал полковник. — И больше никогда не суйте нос не в свои дела. Мы сами давно ведем наблюдение за этой бандой, и вы нам только мешаете.

— Будет сделано, господин полковник.

Значит, кокаин — бизнес самого полковника Мерфи, может быть, даже кое-кого повыше. Придется прекратить расследование. А жаль, тут можно было пересхватить и для себя.

— Вы сделали промах, Вальнер... Ну, ладно, у вас есть возможность искупить вину.

Ага! Все, что было до сих пор, — только вступление. Полковник для чего-то хотел нагнать на него, Вальнера, страху.

Инспектор устроился поудобнее и наострил уши.

— Я могу вам назвать имя убийцы Марты Вебер, — сказал полковник.

— Что?!

Имя убийцы Марты Вебер, этой дамы полусвета из бара «Конкордия»! Что он говорит!

— Вы меня простите, господин полковник, я вас не совсем понимаю. Вероятно, вы шутите. Следствие точно установило, что Вебер — самоубийца.

Лицо Мерфи приняло малиновый оттенок.

— А я вам говорю, что знаю ее убийцу! — крикнул он и ударил кулаком по столу. — Я плюю на то, что установило ваше следствие.

Вальнер медленно опустился в кресло. Ладно, пусть будет так. Американец не хуже его знает, что Вебер — самоубийца. В производстве следствия участвовал и американский представитель, так как Вебер путалась с офицерами районной комендатуры.

Полковник уже успокоился. Он продолжал разговор дружественном тоне:

— Буду с вами откровенен, Вальнер. Нам нужна ваша помощь. Дело Вебер — не такое простое дело, как вам кажется. Здесь замешаны красные. Ясно? Одного из них вы нам поможете заполучить. Вы знаете, Вальнер, — сказал он многозначительно, — мы умеем ценить слуги, не так ли?

— О, да!

— Человек, который нас интересует, попытается завтра удрать в Венгрию. Мы имеем сведения, что он поедет

парижским экспрессом. К сожалению, от Вены экспресс идет по советской зоне... Действовать придется вам. Где-нибудь за Бруком ан дер Лейта остановите поезд, снимите без лишнего шума этого человека и предъявите ему обвинение в убийстве Марты Вебер... Ваше начальство об этом, разумеется, знать не должно.

— Но, господин полковник, это очень опасно. С русскими шутки плохи.

— Тысяча долларов!

Вальнер судорожно глотнул. Да ведь если обменять их на шиллинги по черному курсу — это же целое состояние. Чтобы заработать такую сумму в полиции, он должен трудиться годами.

— Ясно... Что же дальше?

Полковник усмехнулся. Деньги, деньги!

— Дальше вот что. Документы этого типа отдадите капитану Корнеру. Он будет руководить всей операцией. Договоритесь с ним о подробностях. Арестованного доставите в нашу следственную тюрьму.

— Туда, на виллу?

— Да. Сдадите его Уоткинсу. И избави вас бог хотя бы словом проговориться кому-нибудь. Лучше всего для вас будет, если вы совсем забудете об этой истории.

На лице Вальнера появилось выражение оскорбленного достоинства.

— Что вы, господин полковник... Само собой разумеется. Не в первый же раз... А как же имя человека, которого надо арестовать, ну... этого... убийцы?

— Его имя Гупперт, Макс Гупперт.

ОТЪЕЗД

Три дня пролетели для Макса Гупперта в сплошных хлопотах. Надо было добиться у хозяина завода согласия на пятидневный отпуск, заполнить кучу анкет, оформить венгерскую визу на въезд, сделать множество различных мелких дел. Макс попадал домой лишь поздно вечером, обессиленный валился на кровать и моментально засыпал мертвым сном. Хорошо еще, что Хор взял на себя часть хлопот. Иначе бы никак не управиться.

В день отъезда, когда, казалось, уже все было улажено, возникло новое непредвиденное затруднение. Хор

увидел костюм, в котором Макс собирался ехать на конгресс, и всплеснул руками:

— В этом тряпье ты хочешь ехать в Венгрию?

— Ничего особенного, — обиделся Макс. — Ведь я не фабрикант, а простой рабочий. И потом костюм вовсе не так уж плох.

Он снял пиджак и повертел его в руках. По совести говоря, костюм давно уже отслужил свой срок. Хотя Мицци и приложила все умение, но сделать его новее была не в состоянии. Дыр еще не было, но во многих местах материал подозрительно блестел. Кроме того, пиджак стал узок в плечах, и Макс в нем походил на папашу, который шутки ради вырядился в костюм сына-подростка.

— Нет, нет, — категорически запротестовал Хор. — В таком костюме ехать нельзя. Ведь ты не просто Макс Гупперт, а наш представитель.

У Макса опустились руки.

— Что же делать? — Он прикусил губу. — Не могу ведь я ехать в рабочем комбинезоне. Другого костюма у меня нет. И одолжить тоже не у кого.

— У меня возьмешь... — начал было Хор. Но тут же спохватился. Ведь Макс гораздо шире в плечах.

Оба замолчали.

— Ах, какой же я дурак! — вскричал вдруг Хор. — Пойдем живей, будет тебе костюм.

Он нахлобучил Максу шляпу на голову.

— Пойдем, ну!

— Постой, постой, — отбивался Макс. — Ты хоть скажи мне толком, куда пойдем.

Но Хор уже тащил его за собой. На улице он стал рассказывать Максу какую-то длинную историю. Тот понял из нее лишь одно: У Хора есть знакомый владелец магазина готового платья на Марияхильферштрассе. Он продаст Максу костюм в рассрочку.

— Но ведь у меня не осталось ни гроша в кармане, — возразил Макс. — Мне нечем будет уплатить даже первый взнос.

Хор махнул рукой.

— Зато у меня есть деньги. Приедешь, заработаешь, отдашь.

Нельзя сказать, чтобы это был уж очень фешенебельный магазин. Костюмы там были все стандартные, двух-

трех расцветок, но все же гораздо лучше и более современного покроя, чем у Макса.

По совету Хора Макс выбрал серый костюм. О цене быстро договорились. Макс мысленно прикинул: по семьдесят шиллингов в месяц. Это еще терпимо. Он бросит курить и таким образом сумеет набрать нужную сумму.

Мицци в первый момент не узнала Макса, когда увидела его в новом костюме.

— Что? Хорошо? — торжествовал Хор. — А еще не хотел покупать. Еле его уговорил.

Мицци повертела Макса и так и этак, но в конце концов одобрила покупку. Это кое-что да значило. Она была не так уж щедра на похвалы.

Макс стал собираться. Небольшой чемодан быстро наполнился вещами. На самый верх, чтобы не помять, Макс осторожно положил приветственное письмо венского комитета сторонников мира своим венгерским друзьям.

Вскоре пришел Киршнер. Он поздоровался и шутливо сказал:

— Господин Гупперт, экипаж подан...

Они сошли вниз. У подъезда стояло такси — старый потрепанный форд. Угрюмый шофер с забинтованной головой раскрыл дверцу машины. Макс уселся на переднем сидении.

— Что с вами, водитель? — спросил он. — Где вам пришлось схватиться?

— Ч... черт... — Шофер хотел было ругнуться, но вовремя вспомнил, что среди пассажиров есть женщина. — Известно, какие схватки бывают сейчас в Вене...

— Американцы? — догадался Макс.

Шофер кивнул головой.

— Они самые. Вчера битых четыре часа катал по городу двоих ами. Наездили на сто пятьдесят шиллингов. Когда стали вылезать, вежливо попросил их уплатить. А в ответ получил кастетом по голове... Еще хорошо, что не ограбили. В центре города было, на Кернтнерштрассе, — пояснил он. — Чтоб им провалиться сквозь землю да в свою Америку, этим бандитам... Вон они, красавцы, — со злой насмешкой бросил шофер, показав движением головы на правую сторону улицы.

Там, на самом перекрестке, стояли три пьяных американских офицера. Красные, потные лица, расплывшиеся в шутовской ухмылке рты, фуражки, сдвинутые на

самый затылок, военные блузы нараспашку... Растопырив руки и покачиваясь на ногах, как пружинах, они приставали к проходившим мимо женщинам, гогоча и осыпая их площадной бранью. Полицейский, регулировавший движение, повернулся спиной к американцам и делал вид, что ничего не видит и не слышит.

— Расскажи об этом, Макс, — негромко сказал Киршнер.

Макс понял его и согласно кивнул головой.

Хорошо, что они прибыли на вокзал за целый час до отхода поезда. В кассе оставалось всего два билета на парижский экспресс.

Макс склонился у окошка.

— Какой вагон? — спросил его Хор.

— Шестой, — ответил Макс, посмотрев на билет. — Четвертое купе.

Никто из них не заметил, что к разговору внимательно прислушивались двое мужчин. Они стояли тут же, у кассы. Один из них, услышав слова Макса, отошел в сторону. Вскоре он исчез в кабинке телефона-автомата.

Оставив свой чемодан в купе, Макс вышел на перрон. Он оживленно разговаривал с Киршнером и Хором. И лишь когда до отхода поезда осталось всего каких-нибудь две-три минуты, он вдруг вспомнил о Мицци.

Она стояла тихо и незаметно, прижавшись к колонне. Ее большие голубые глаза с укоризной смотрели на Макса.

— Мицци, — сказал он и взял ее за руки.

Она вдруг расплакалась.

— Макс, милый, мне так не хочется с тобой расставаться. Я буду очень беспокоиться.

Макс нежно обнял ее.

— Можно подумать, что ты меня в тюрьму провожаешь, — улыбнулся он. — Пойми же ты, Мицци, я в Венгрию еду, в Венгрию... Это же для меня большой праздник. А ты плачешь...

— Не буду больше. Я просто дура.

Вытерев непрошенные слезы, она тоже попыталась улыбнуться. Но улыбка получилась такой натянутой и жалкой, что у Макса сжалось сердце.

Раздался удар в гонг. Макс торопливо пожал руки провожавшим.

— Прощайте...

Поезд медленно тронулся. Мицци шла рядом с вагоном и молча смотрела на Макса. Он опустил вагонное окно и высунулся наружу.

— Знаешь что, Мицци, — крикнул он, — чтобы ты не волновалась, я завтра в двенадцать часов ночи позволю тебе в комитет, по телефону Киршнера. Будешь ждать звонка?

— Обязательно буду, — прокричала в ответ просиявшая Мицци и послала Максу воздушный поцелуй.

Вскоре Мицци, Киршнер и Хор остались далеко позади. Еще несколько секунд, и они скрылись за поворотом.

Перебор колес становился все чаще и чаще. Поезд набирал скорость.

ИНСПЕКТОР ВАЛЬНЕР ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ

Макс зашел в купе. Его спутник лежал, накрывшись с головой, и сладко посапывал. Все полки, багажное отделение купе, даже проход были загромождены чемоданами самых различных размеров. Многочисленные цветастые ярлыки свидетельствовали, что владелец этих чемоданов побывал во многих европейских столицах.

«Какой-нибудь дипломатический чиновник», — решил Макс. Он поставил свой чемодан на багажную полку, где еще оставалось немного свободного места, пристроил на вешалке плащ и шляпу. Затем, решив закурить, вышел в коридор.

Поезд проходил мимо венских окраин. В окне мелькали закопченные корпуса заводов и фабрик, унылые серые коробки-жилища рабочих. Затем потянулись огороды, кладбища, пустыри...

Макс почувствовал, что за ним наблюдают. Он обернулся. Приземистый усач в зеленой шляпе быстро отвел взгляд в сторону и со скучающим видом принялся осматривать стены и потолок коридора.

Годы подполья выработали у Макса способность мгновенно оценивать обстановку. Он сразу же понял, что это шпик. Однако Макс несколько не встревожился. Шпик, так шпик. Ведь он не собирается нелегально переходить границу. Все документы у него в порядке. Так пусть же следит, если у него нет другой работы.

Вдалеке показались дома. Приближался город Брук-ан-дер-Лейта. Экспресс здесь не делал остановки, лишь

замедлял ход. Проплыли кирпичное здание вокзала, станционные постройки.

Становилось темно. В домах замелькали красноватые огоньки керосиновых ламп. Свет, отбрасываемый окнами вагона, освещал крестьянские посевы, подступавшие к самому железнодорожному полотну. От быстро сменявшихся друг друга узких полосок картофеля, пшеницы, кукурузы рябило в глазах.

Паровоз тревожно загудел. Видно, впереди был переезд.

Усач, стоявший недалеко от Макса, прильнул к самому окну, будто собирался выдавить лбом стекло и выскочить наружу. Вдруг он, словно ужаленный, отскочил от окна и схватился за красную ручку автоматического тормоза.

— Что вы делаете? — закричал Макс. — Ведь остановится поезд!

Он бросился к усачу. Но было уже поздно. Заскрипели тормоза, и экспресс резко замедлил ход. Вагон рвануло вперед, потом назад, снова вперед... Макс еле устоял на ногах. В каком-то купе послышался грохот. Наверное, свалился с полки чемодан. Сонный голос забормotal что-то на незнакомом языке.

Поезд совсем остановился. Стало тихо. Было слышно, как вдалеке лаяли собаки.

Дверь вагона отворилась. В коридор, сопровождаемые встревоженным проводником, зашли двое. Усач кинулся им навстречу.

— Господин инспектор, — отрапортовал он, по-военному щелкнув каблуками и выпятив грудь. — Ваше задание выполнено.

— Хорошо, — коротко сказал один из вошедших и подошел к Максy.

— Мы из полиции. Прошу вас следовать за мной. Вот ордер, — он развернул какую-то бумагу.

— Что за чушь! — воскликнул Макс, даже не взглянув на нее. — Это ошибка.

— Вы думаете? — спросил тот, которого усач назвал инспектором. — Что ж, выяснить нетрудно. Зайдемте-ка на минутку в железнодорожную сторожку... Нет, нет, вещи пусть останутся здесь, — добавил он, видя, что Макс собирается зайти в купе.

Это успокоило Макса. Если вещи можно оставить в

вагоне, значит, ничего серьезного нет. Он сейчас вернется.

Сопровождаемый полицейскими, Макс вышел из вагона. Неподалеку была небольшая сторожка. Они зашли туда. На столе у окна, тускло освещая помещение, стоял летучий фонарь.

— Разрешите ваши документы, — вежливо попросил инспектор.

Макс подал ему свой заграничный паспорт. Полицейский небрежно перелистал его.

— Больше у вас ничего нет?

Макс рассердился. Наверное, хотят придраться к какой-нибудь мелочи и не пустить его на конгресс. Не выйдет!

— Есть еще документы, — быстро заговорил он, вытаскивая бумажник. — Вот свидетельство о рождении. Вот документ о прописке, профсоюзный билет... Что вам еще нужно?

Членский билет коммунистической партии Макс предусмотрительно оставил у секретаря партийного комитета завода.

Инспектор собрал все документы Макса в стопку и передал их полицейскому, шепнув ему при этом что-то на ухо. Тот быстро вышел из сторожки.

— Документы у вас в порядке... — медленно произнес инспектор.

Наконец-то! Макс облегченно вздохнул. Значит, можно будет продолжать путь.

— ...Они подтверждают, что вы действительно являетесь Максом Гуппертом, то-есть тем уголовным преступником, которого полиция разыскивает в течение долгого времени...

— Наглая ложь! — воскликнул Макс. — Вы выдумали это, чтобы не пустить меня в Венгрию!.. Но попробуйте только...

Он сжал кулаки.

— Взять! — скомандовал инспектор.

Усач, стоявший позади Макса, сделал быстрое движение. Макс почувствовал на запястьях холод металла и в тот же миг ринулся вперед. Щелкнули стальные замки наручников. — но поздно! Ударом в подбородок Макс опрокинул на пол инспектора. Затем он повернулся к

двери. Выход загоразживал усач. В руке его был пистолет.

— Подними руки, парень!

В это время раздался пронзительный гудок. Паровоз запыхтел. От проезжавших мимо вагонов сторожка затряслась, словно ее лихорадило. Парижский экспресс снова тронулся в путь.

Макс медленно поднял вверх руки. В его распоряжении оставались считанные секунды. Когда усач, попрежнему держа пистолет, сделал шаг по направлению к Макс, тот неожиданно из всех сил ударил его ногой. Удар пришелся по руке. Усач вскрикнул и выронил пистолет.

В следующее мгновение Макс уже был за дверью. Мимо сторожки проходил последний вагон экспресса. Макс кинулся за ним, потянулся к поручням и... упал лицом прямо на железнодорожное полотно. Полицейский, относивший документы, успел подставить ему ногу.

Через минуту Макса, скованного наручниками, отвели к легковой машине, стоявшей поодаль. Его поместили между полицейским и усачом. Впереди, рядом с шофером, уселся инспектор. Он то и дело вытирал носовым платком разбитые в кровь губы.

Макс молчал. Было ясно: на конгресс он уже не попадет.

Инспектор обернулся. Его маленькие глазки злобно блестели.

— Так мы не закончили наш разговор, молодой человек... Вы знаете, в чем обвиняетесь? В преднамеренном убийстве австрийской гражданки Марты Вебер, — произнес он. И добавил, наслаждаясь произведенным эффектом:

— Могу вас обрадовать. Следствие по этому делу ведут американские оккупационные власти. Мы доставим вас в распоряжение Си-Ай-Си.

Макс всем телом рванулся вперед. Но его крепко держали с обеих сторон.

НА ГРАНИЦЕ

Во время становления народной демократии в странах Восточной Европы, когда там еще кишмя-кишело неразоблаченными врагами народа самых различных ма-

стей, капитану Гарри Корнеру удалось провести в Чехословакии и Венгрии несколько диверсий. В кругу работников Си-Ай-Си за ним прочно утвердилась слава опытного лазутчика. Однако, будучи человеком неглупым, Корнер отлично сознавал, что эта слава никак не гарантирует его от возможных провалов в будущем. Вот почему он готовился к поездке в Будапешт без особого энтузиазма. Дело предстояло нешуточное, и даже сообщение полковника Мерфи о крупной денежной премии, которую капитану предстояло получить в случае благополучного завершения «операции К-6», несколько не улучшило его настроения.

Втайне Корнер надеялся, что какая-либо непредвиденная случайность сорвет хитроумный план Мерфи. Но дни шли, и надежда испарялась, как дождевая лужа под лучами палящего солнца. Агентура Мерфи работала на этот раз безотказно. Папка с надписью «Дело Макса Гупперта» разрослась до внушительных размеров и содержала подробнейшие данные о личности Гупперта и его окружении. Полковник Мерфи был совершенно прав, когда в день отъезда Гупперта, а стало быть и Корнера, удовлетворенно заметил:

— Ну-с, дорогой капитан, теперь вы так осведомлены об этом Гупперте, что большего и желать нельзя. Успех обеспечен.

— М-да... — промямлил Корнер.

Следуя в машине с инспектором Вальнером к месту предстоявшего ареста Гупперта и еще раз оценив свой шансы, он не мог не согласиться с утверждением Мерфи. Действительно, ни одна его операция не была так хорошо подготовлена. Внешнее сходство с Гуппертом, прекрасная осведомленность о его каждом шаге, отсутствие у Гупперта знакомых в Венгрии — все это давало почти стопроцентную гарантию успеха. Корнер знал все, вплоть до того, где оставлен на хранение партийный билет Макса, в каком вагоне и каком купе он едет, какого цвета волосы у его жены. На капитане был костюм, как две капли воды похожий на тот, в котором поехал Макс...

«А все-таки что будет, если подведет какая-либо случайность!» — подумал Корнер, и у него снова засосало под ложечкой. Он знал, что в народно-демократической Венгрии со шпионами и диверсантами не церемонятся. Тем более, если они везут такие подарки.

Он машинально пощупал брючный карман. Да, она там, эта металлическая водонепроницаемая коробочка, сделанная в виде портсигара. Только лежат в ней сигареты особого сорта...

Когда Гупперта ввели в сторожку, Корнер стоял неподалеку. Вскоре полицейский принес ему документы Макса. Корнер только успел подбежать к вагону и вскочить на подножку, как поезд тронулся.

Проводник-француз приветливо улыбнулся ему.

— Отпустили? — спросил он по-немецки, нещадно картавя.

— Да, конечно!

Корнер небрежно махнул рукой. Сами, дескать, напутали и напрасно подняли шум.

Его очень обрадовало, что проводник принял его за Гупперта. Это был хороший признак. Он почувствовал себя намного увереннее.

Открыв дверь четвертого купе, Корнер бросил быстрый взгляд на лежавшего там человека. От полицейского агента капитан уже знал, что Гупперт в поезде ни с кем не разговаривал, так что за эту сторону дела можно было не опасаться. Но вдруг сосед по купе заметит какую-либо перемену во внешности своего спутника?

Однако тот спокойно спал и видно ничего не знал об остановке. Чемодан Гупперта, его верхняя одежда были на месте. Корнер моментально узнал их по описанию агентов.

Гудок паровоза напомнил Корнеру о близости венгерской границы. Он направился в уборную. Здесь, сняв крышку водяного бака, Корнер вытащил из кармана металлическую коробочку и осторожно опустил ее в воду. Было слышно, как коробочка ударилась о дно бака. Затем он поставил крышку на место.

— Все в порядке, — подмигнул он в зеркало самому себе.

В коридоре ему снова повстречался проводник.

— Венгерская граница. Станция Хедьешхалом. Через десять минут...

Показалось белое здание вокзала. Поезд остановился.

Корнер хотел было остаться в коридоре, но потом передумал. Лучше всего будет, если венгерские пограничники проверят его документы в купе. Он разденется,

ляжет и зажжет настольную лампу. Пограничники вряд ли будут особенно разглядывать лицо полусонного человека, являющегося к тому же гостем венгерского конгресса сторонников мира.

Так он и сделал. Долго ждать не пришлось. Через несколько минут в дверь купе вежливо постучали.

Корнер не ответил. Стук повторился.

— Энтре, энтре*! — вдруг воскликнул спутник Корнера и спросонья, как был — в нижнем белье — кинулся открывать дверь.

В купе вошел молодой венгерский военный.

— Прошу господ пассажиров предъявить документы, — сказал он по-немецки.

— Пардон, пардон, мосье... — засуетился сосед Корнера. Он накинул на плечи причудливо раскрашенный халат и, порывшись в одном из чемоданов, протянул паспорт.

Старший лейтенант пограничных войск Имре Печи внимательно прочитал первую страницу.

— Анри Роже, служащий французского торгового представительства в Бухаресте?

Француз быстро закивал головой.

Пограничник вернул ему документ и обратился к Корнеру, который довольно искусно симулировал пробуждение.

— А ваш паспорт, господин...

Корнер подал ему свои бумаги. Венгр взглянул на них, затем на Корнера. Взгляд его потеплел.

— На конгресс?

— Да... А откуда вы знаете?

Тот чуть заметно улыбнулся.

— Случайно узнал. — И добавил: — В наших газетах много писали про вас. Суметь собрать в условиях американской оккупации столько подписей — это просто замечательно.

— Спасибо! — растроганно произнес Корнер. От радостного сознания, что все сходит благополучно, он особенно хорошо играл свою роль. — Спасибо!..

Проверка окончилась. Через несколько минут поезд отошел от станции.

Корнер мысленно поздравил себя с удачей.. Беспре-

---

* Войдите (франц.).

пятственно проехать венгерскую границу, не возбудив ни малейших подозрений — это уже было полдела.

— Пойдемте в вагон-ресторан, — весело предложил он французу. — Такое событие, как приезд в Венгрию, полагается отметить бокалом токайского.

Но работник французского торгового представительства в Бухаресте посмотрел на него уничтожающим взглядом, лег на свое место и повернулся спиной.

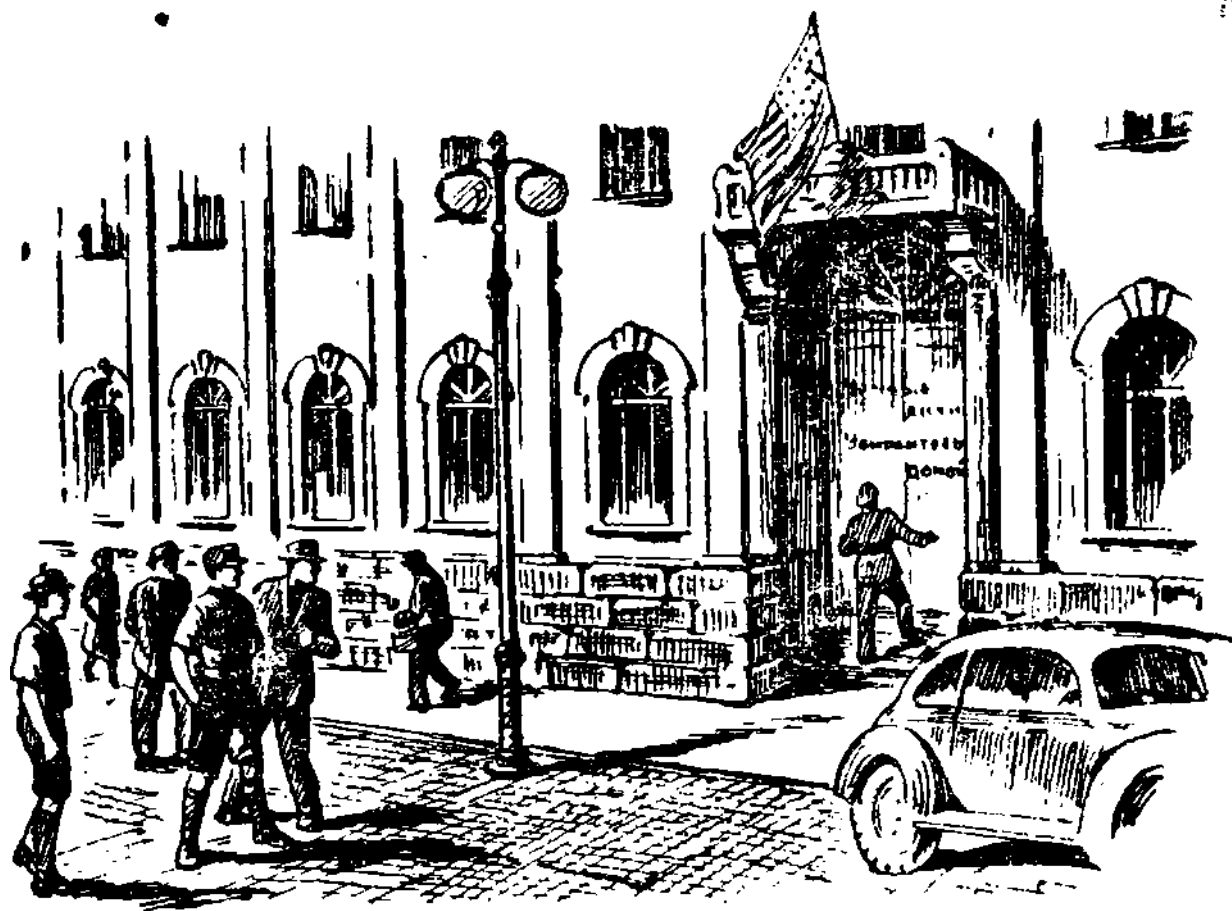
«Что с ним? — опешил Корнер. И тут же догадался: — Ах, да, ведь он меня, наверное, считает коммунистом... Что ж, тем лучше».

Пробираясь в вагон-ресторан, он по пути зашел в уборную и вытащил из бака коробочку.

Добрая порция виски еще больше подогрела его настроение. Теперь он нисколько не сомневался в успехе. Уж если венгерские пограничники, которых в венском управлении Си-Ай-Си основательно побаивались, ничего не заподозрили, то за дальнейшее опасаться нечего.

...А экспресс мчался все дальше и дальше на Восток, к Будапешту.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕНЕРАЛ КЛИ БЕСПОКОИТСЯ

Генерал Генри Кли был педант. Вся его жизнь была подчинена строгим правилам. Генерал работал, ел, пил, спал по графику. Малейшее вынужденное отклонение от расписания портило ему настроение на несколько дней.

— Мы, военные, — любил говорить генерал, — тем и отличаемся от штатских людей, что ритм нашей жизни точен и строг, как работа хорошего часового механизма.

И он назидательно поднимал худой, длинный палец, как бы приглашая собеседника глубоко вдуматься в сокровенный смысл этих слов, достойных по меньшей мере Юлия Цезаря или Наполеона Бонапарта.

Сегодня с девяти часов вечера, согласно расписанию, у генерала Кли должен был начаться «час свободных ассоциаций». Дежурная стенографистка, молоденькая студентка из Нью-Джерси, приехавшая в Австрию заработать немного денег для продолжения занятий в уни-

верситете, сидела в приемной и, сильно волнуясь, ожидала вызова. Она всего лишь несколько дней работала в штабе и опасалась, что хмурый, желчный генерал останется недоволен ее работой.

Из рассказов других стенографисток она уже знала, что представляют собой эти «свободные ассоциации». В течение целого часа генерал расхаживает по комнате и говорит обо всем, что ему взбредет в голову. Обязанность стенографистки заключается в том, чтобы зафиксировать все эти изречения и к следующему утру передать их генералу уже в напечатанном виде.

Ей пришлось ждать довольно долго. Наконец, дверь кабинета бесшумно отворилась, и показалась сухопарая фигура генерала. Его выцветшие водянистые глаза, обшарив комнату, остановились на стенографистке.

— Вы ко мне, мисс... Э...

— Хаггард... Джен Хаггард, — бледнея от испуга, пискнула девушка.

— Стенографистка? — И не дожидаясь ответа, генерал бросил: — Если у вас нет другой работы, то вы свободны. Сегодня заниматься не будем.

Дверь кабинета снова затворилась.

Девушка схватила папку с бумагами и, подпрыгивая от радости, бросилась в гардеробную. Все ее страхи оказались напрасными.

Она ведь не знала, что отказ генерала от «часа свободных ассоциаций» был из ряда вон выходящим событием, о котором завтра, не веря своим ушам, ее десятки раз будут расспрашивать все стенографистки...

Генерал Кли имел серьезные основания изменить в этот вечер своим привычкам. Сегодня произошло множество неприятных вещей, нарушивших его душевный покой.

Начать хотя бы с того, что случилось утром, здесь, у него под носом. Когда генерал вышел из своего «Гудсона» и направился медленным, размеренным шагом к подъезду (после еды он избегал резких движений: они мешали правильному пищеварению), сзади послышался громкий смех.

Он обернулся. Смеялись австрийцы, собравшиеся на другой стороне улицы.

— Туземцы! Дикари! — процедил сквозь зубы генерал и, еще выше подняв голову, зашагал по ступенькам.

Вдруг он вздрогнул... Прямо перед ним, на сверкающих белизной дверях штаба было намалевано черной краской:

«Убирайтесь домой!»

— Часовой, часовой! — что было силы заорал Кли.

Из подъезда выскочил прыщавый молодчик в армейской униформе. На спущенном ремне у него болталась кобура. Увидев разъяренного генерала, солдат застыл на месте, растерянно приоткрыв рот. Выражение его лица было таким, что генерал махнул рукой: не имело смысла ругать его.

— Часового снять с поста и арестовать! Надпись уничтожить, — коротко приказал Кли подоспевшему коменданту.

Проведенное дознание ни к каким результатам не привело. Настроение генерала, таким образом, испортилось уже с самого утра.

А дальше пошли другие сюрпризы, один неприятнее другого. Толпа австрийцев вырвала из рук МП арестованного ими юношу, распространявшего листовки в защиту мира. При этом была перевернута американская полицейская машина.

Советский верховный комиссар неведомыми путями узнал местонахождение группы русских детей, которых нужно было вывезти в США для специальных целей. Он категорически потребовал их возвращения к родителям в Советский Союз.

В довершение всего пришло известие о полном разгроме крупной банды диверсантов в Чехословакии. На эту банду руководители американской разведки возлагали особые надежды, и Кли знал, что теперь ему придется выслушать кучу упреков. Он, де, «недостаточно обеспечил», «плохо снабдил», «не предусмотрел» и так далее.

Кли твердо верил, что неудачи следуют одна за другой, сериями. Человек здесь ничего не в состоянии изменить. Когда наступает полоса неудач, лучше всего отказаться от каких бы то ни было начинаний и ждать, пока судьба перестанет злиться и снова станет благосклонной.

Сегодня к вечеру, детально обсудив положение, генерал как раз и пришел к выводу, что начинается очередная серия неудач. Он стал обдумывать, какие дела следовало бы свернуть.

Покопавшись в памяти, генерал не нашел ничего такого, что могло ему грозить какими-либо осложнениями. Постепенно он успокоился. Его настроение начало улучшаться.

Но вдруг Кли словно электрическим током пронзило. Он вспомнил об «операции К-6». На днях он разрешил полковнику Мерфи из отдела Си-Ай-Си начать ее проведение. И хотя это разрешение являлось в значительной степени простой формальностью — Мерфи подчинялся генералу лишь территориально, — именно здесь мог крыться подвох судьбы. Ведь в случае неудачи опять будут ругать не Мерфи, а его, Кли. Полковник изворотлив, он-то выскользнет.

Генерал кинулся к телефону.

— Мерфи, — отрывисто произнес он, — немедленно ко мне. Произошли непредвиденные осложнения...

Полковник не заставил себя долго ждать. Минут через десять его машина подкатила к штабу. А еще через минуту Мерфи, задыхаясь от быстрого бега по лестнице (с лифтом что-то случилось), был уже в кабинете генерала.

Они обменялись краткими приветствиями.

— Послушайте, Мерфи, — сказал Кли. — «Операцию К-6» придется отложить.

Мерфи развел руками.

— Поздно. Теперь это так же невозможно, как вернуть вчерашний день.

Кли откинулся на спинку кресла:

— Вы шутите!

— Нисколько, дорогой генерал... А что, собственно, вас так встревожило? Нет абсолютно никаких оснований для тревоги. Это наиболее гарантированная операция из всех, которые я когда-либо проводил.

Заложив руки за спину, генерал зашагал по комнате, рывками выбрасывая вперед свои длинные ноги.

— У меня дурное предчувствие, Мерфи. Все кончится не так, как мы ожидаем... Я пришел сегодня к выводу, что для нас началась полоса неудач.

Мерфи облегченно вздохнул. «Предчувствие»... А он-то думал, что стряслось что-либо серьезное.

— Дорогой генерал, — покровительственным тоном сказал Мерфи. — Откровенно говоря, полоса неудач, как вы ее называете, началась уже давным давно. И если мы

вы ее называете, началась уже давным давно. И если мы свернем нашу лавочку, ожидая, пока эта полоса кончится, то боюсь, что удач у нас вообще не будет. За удачи надо драться, не жалея кулаков.

— Вы оптимист, Мерфи. — Тонкие губы генерала чуть раздвинулись, обнажив длинные желтые зубы. — Но раз уже дело сделано и назад ничего не вернешь, то расскажите хотя бы подробнее, на чем основана ваша уверенность в успехе. Ведь, признаться, я не все до конца понял, хотя и дал санкцию на проведение операции. Например, как вы думаете дальше быть с Гуппертом? Я надеюсь, ваш Корнер поехал в Будапешт не навечно!

Оба рассмеялись.

— Я тоже надеюсь, генерал. Больше того, я точно знаю, что он должен вернуться через три дня. И за это время мне предстоит провести нелегкую работу. Надо обработать Гупперта так, чтобы снова произвести замену. Словом, на вокзале в Вене из поезда должен выйти уже не Корнер, а настоящий Макс Гупперт.

— О! А это зачем?

Внутренне Мерфи (в который раз!) удивился тупости генерала. Что за дурак! И кто только додумался выдвинуть его на такой ответственный пост!

— Очень просто, — сказал он, скрывая раздражение под вежливой улыбкой. — Я хочу добиться также и политического эффекта. Надо заставить Макса Гупперта выступить с разоблачениями против Венгрии. Это поможет нам ударить по движению сторонников мира в Австрии. Понимаете, ехал коммунист на конгресс в Венгрию, а вернулся оттуда убежденным противником народно-демократического строя. Это же такая сенсация...

Он прищелкнул пальцами.

Генерал, наконец, понял. Он захохотал, запрокинув голову. При этом большой острый кадык быстро двигался по его шее вверх и вниз.

— Ха-ха-ха! Вот это здорово!.. Мерфи, — он шутливо погрозил пальцем, — я вижу, вы рветесь к награде. Или, может быть, к чину, а? Честное слово, вы будете генералом. Ха-ха-ха!

Внезапно Кли перестал смеяться:

— А вдруг Гупперт не захочет, что тогда?

— Не захочет? Конечно, не захочет! Я даже уверен,

что он не захочет. Но, черт возьми, мы должны заставить его захотеть! Для этого у нас в Си-Ай-Си достаточно средств.

Генерал снова захохотал.

— О, да! Средств у вас хватит... Ладно, теперь я спокоен. Идите, Мерфи, и делайте свое дело... Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь? — предложил он.

Мерфи на мгновение задумался.

— Да, пожалуй! Дайте команду, чтобы газеты освещали ход конгресса в Венгрии. Пусть сообщат о присутствии там Макса Гупперта. Это поднимет интерес публики к конгрессу, — добавил он, заметив, что лицо генерала недоуменно вытянулось. — И тем сильнее будет эффект от заявления Гупперта, которое он сделает по «возвращении».

— Отлично! — Генерал что-то записал в своем блокноте. — Завтра же «Винер курир», «Вельтпрессе», ну и, разумеется, газеты наших друзей поместят это сообщение на самом видном месте.

— Что вы, так не надо! — воскликнул Мерфи.

Нет, Кли не дурак. Он просто идиот! Телеграфный столб в генеральском мундире!

— Так можно испортить все дело, дорогой генерал. Нужно лишь упомянуть о конгрессе, поругать его в обычном стиле, и, между прочим, сказать два-три слова об австрийце. Мол, присутствует там и такой-то. На следующий день написать о конгрессе еще несколько строк... Иначе красные сразу заподозрят неладное.

— Понимаю, понимаю, — генерал глубокомысленно покивал головой. — Ну, рад вас видеть в следующий раз, дорогой полковник...

Вернувшись в управление, Мерфи застал в своей приемной майора Томсона.

— Все сделано, шеф, — бодро доложил тот. — Корнер поехал в Будапешт. Гупперт у нас.

— Спасибо за хорошие вести, — засиял полковник.

Он подошел к стене и нажал пружинку, искусно скрытую в шелковой обивке. Распахнулась дверца потайного сейфа. Мерфи вытащил оттуда старую, запыленную бутылку. На ней была наклейка с готической надписью „Аппо 1882“.*

---

* *Аппо* — от „*annus*“ — год (лат.).

— Одно только небольшое осложнение, — проговорил Томсон, неотрывно следя за приготовлениями полковника.

Мерфи, начавший было открывать бутылку, остановился.

— Что такое, Томсон? Да живее же, вы, дохлая курица! — разъярился он. — Что вы тянете, как жевательную резинку!

— Гупперт должен звонить жене. Завтра в полночь по телефону районного комитета.

— И Корнер...

— Ничего не знает. «Тридцать шестой» сумел сообщить об этом лишь после отъезда Гупперта.

— А, чёрт!..

Полковник задумался. Незначительная деталь, а ведь может разрушить весь план. Если у жены Гупперта родится хотя бы малейшее подозрение... Но как же известить Корнера о том, что нужно позвонить?

Телеграмма? Чепуха, не годится!

— А, — вспомнил полковник и сразу повеселел. — Все будет в порядке. Как вы думаете, Томсон, для чего, собственно, существует в Будапеште наше посольство?

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ

На окраине Вены есть тихая улочка с поэтическим названием — Нимфенгассе. Здесь, за высокой каменной оградой, в глубине тенистого сада стоит большая двухэтажная вилла. Во время фашистского режима в ней жил высокопоставленный гитлеровский чиновник.

Когда Вена была освобождена советскими войсками и чиновник со всеми своими домочадцами сбежал на Запад под теплое крылышко американцев, в вилле поселилось несколько рабочих семей из домов, разрушенных бомбежками союзнической авиации.

Однако им не пришлось здесь долго жить. Однажды на улочку вкатил лимузин. Из него вышло несколько штатских и один коротконогий, тучный военный в американской форме. Они осмотрели виллу, о чем-то полопотали по-своему к великому удовольствию всех окрестных мальчишек, сели в машину и уехали. А через несколько дней пришло распоряжение американских ок-

купационных властей немедленно выселить всех проживавших в вилле австрийцев. Вилла подлежала ремонту, а затем должна была перейти к новым хозяевам — американцам.

Тихая улочка наполнилась шумом и гамом. К воротам виллы то и дело подъезжали машины с цементом, лесом и другими строительными материалами. Американские солдаты, производившие ремонтные работы, трудились день и ночь.

— Что они там делают? — удивлялись соседи-австрийцы. — Ведь за это время, да еще с такой рабочей силой, можно новую виллу построить.

Наиболее любопытные из числа молодых попытались как-то ночью подобраться к вилле и посмотреть, что там происходит. Однако они наткнулись на вооруженную охрану и еле унесли ноги.

Наконец, ремонт был закончен. Но в виллу не въехал ни командующий оккупационными войсками, ни его заместитель, ни другое важное лицо. Здесь поселился всего-навсего угрюмый лейтенант с командой солдат. У ворот был поставлен часовой.

И странное дело. Днем вилла была погружена в тишину. Лишь по ночам здесь начиналось оживленное движение. Приезжали и уезжали машины, во всю мощь гремел громкоговоритель. Окрестные жители терялись в догадках: что за странный образ жизни? Но однажды сквозь звуки музыки прорвались крики, полные такого отчаяния и муки, что у обитателей соседних домов волосы встали дыбом.

— Господи помилуй! — крестились перепуганные австрийцы, ворочаясь с боку на бок в своих постелях. — Там, должно быть, само адово пекло!

Они, конечно, ошибались. Разумеется, это не было адово пекло, а лишь следственная тюрьма Си-Ай-Си. Впрочем, разница была не так уж велика...

В ночь на четырнадцатое июля ворота виллы распахнулись перед черной автомашиной со спущенными запавесками. Шурша резиной, машина прокатила по дорожке, усыпанной гравием, и подъехала к боковому входу виллы. Центральный вход на стеклянной веранде был наглухо закрыт и никогда не открывался.

— Выходите, — сказал Вальнер. — Приехали!

Макс, пригнув голову, вылез из машины. Звякнули наручники. Позади пленника встали безмолвные стражи.

Дверь отворилась. На порог вышел лейтенант.

— Доставили? — с сильным акцентом спросил он.

— С трудом, мистер Уоткинс... Драчливый клиент.

Уоткинс презрительно скривил рот.

— Потому что вы бабы. У меня он и пальцем не шевельнет.

— Конечно, мистер...

Вальнер поклонился чуть ниже, чем требовало приличие. Он сам побаивался этого типа, которому, как он знал, Мерфи вручил неограниченную власть над заключенными. Один из сотрудников полковника в минуту откровенности даже намекнул инспектору, что лейтенант сам весьма охотно приводит в исполнение смертные приговоры.

Уоткинс осмотрел Макса с головы до ног и приказал:

— Снимите с него ваши браслеты. Здесь они не нужны... Так. А теперь можете ехать, господа. — И бросил Макс: — Заходи в помещение. Ну?!

Макс открыл дверь. Цементные ступени вели вниз. Он стал медленно спускаться. Уоткинс шел позади.

Они оказались в просторной комнате. За столом, на котором были разложены бумаги, связки ключей, карманный фонарь и другие мелкие предметы, сидел вооруженный пистолетом солдат с одутловатым лицом и ярко-рыжими волосами.

— Фамилия? — спросил он, едва Макс перешагнул порог комнаты.

— Гупперт, — ответил Макс. Он решил пока не сопротивляться. Нужно сначала выяснить, что они от него хотят.

— Как, как? — состроив отвратительную гримасу, переспросил солдат.

— Макс Гупперт, — он четко выговорил каждый слог. — Теперь понятно?

— Нет, не понятно! — Это сказал лейтенант. — Тебя зовут Иоганн Миллер. Так и запиши, Джим, — обратился он к солдату, склонившемуся над регистрационной книгой. — Иоганн Миллер, обвиняется в убийстве Марты Вебер, своей сообщницы по шпионажу среди американских офицеров. Кроме того, готовил покушение на

жизнь командующего американскими оккупационными войсками. Записал?

— Что за чушь! — воскликнул Макс. — Ведь все это ерунда, вы сами прекрасно знаете. Что вам от меня надо? За что вы меня задержали?

— А за то, что мне не нравится выражение твоего лица.

Уоткинс подошел вплотную к Максу и уставился на него своими холодными глазами. Жаль, что Мерфи приказал пока не трогать пленника. Но ничего, позднее, когда этот красный не будет больше нужен полковнику, он, Уоткинс, возьмет свое.

Лейтенант медленно отвел взгляд от Макса.

— Записал, Джим?

— Да.

— Отведи в четвертую. Кажется, она пуста.

— Нет, там вчерашний. Пустых сейчас нет.

— Гм... Тогда помести его в третью.

— Там... как его... Фрелих.

— Ничего, тот безвредный... Одень Миллера.

Рыжеволосый солдат взял со стола связку ключей и открыл одну из дверей. Здесь лежала груда тряпья — арестантская одежда.

— Скидывай все свое!.. Ну... — угрожающе протянул лейтенант.

На скулах Макса шевельнулись желваки. Ни за что!

Уоткинс пробормотал грязное ругательство и потянулся за проволоочной плетью, висевшей на стене. Но рука его остановилась на полпути. Он вспомнил приказание Мерфи.

— Ладно, веди так, — сказал он рыжему солдату.

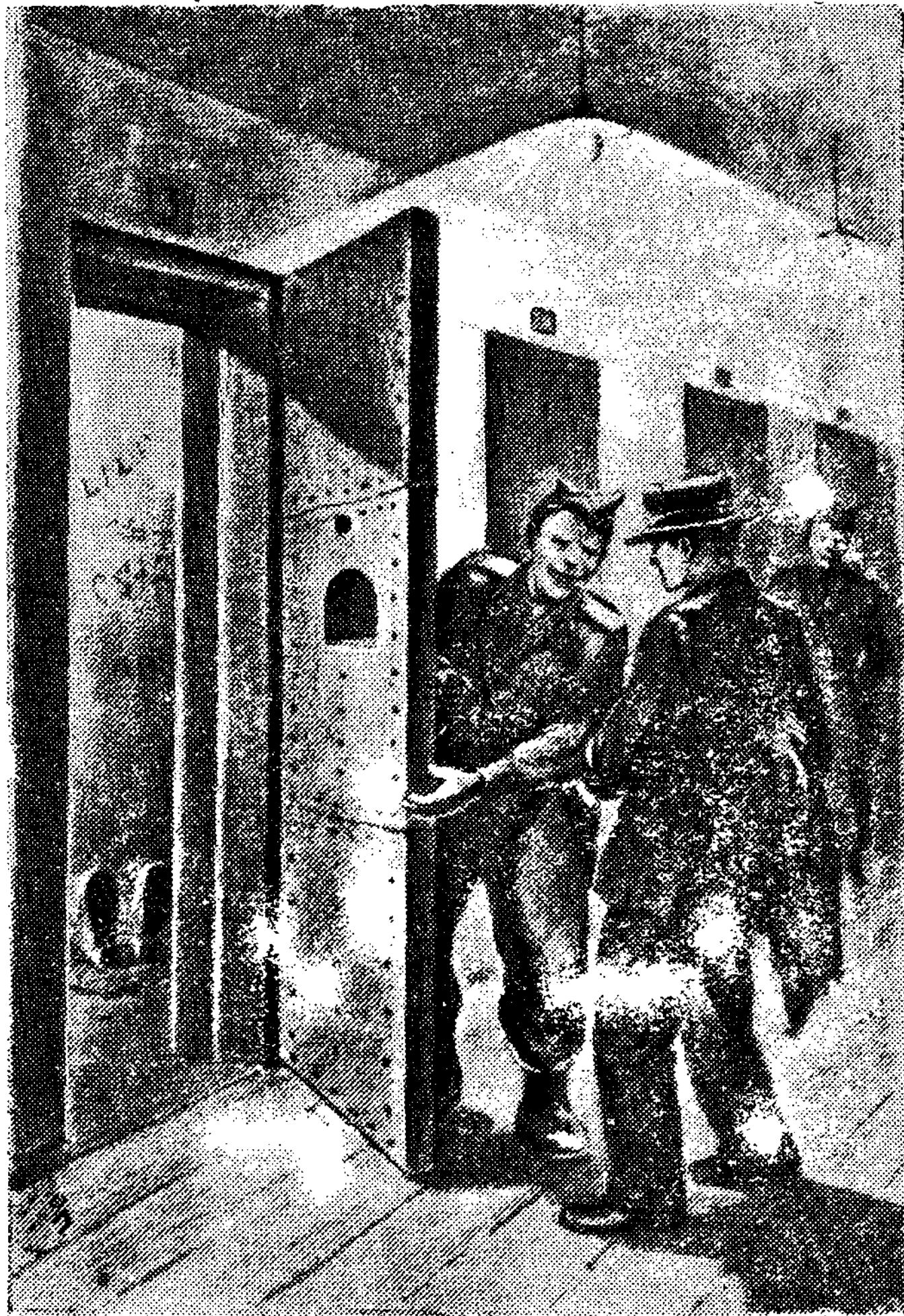
Подвал имел несколько этажей. Сопровождаемый солдатом, Макс опустился по одной лестнице, затем по другой. Лишь на третьей площадке они оказались у цели — огромной, обитой железом двери. Солдат, повозившись с замком, широко распахнул ее и отвесил издевательский поклон:

— Прошу, сэр...

Это была просторная камера, тускло освещенная небольшой электролампочкой. От параша, стоявшей в углу, у двери, шла нестерпимая вонь.

Максу сначала показалось, что в камере никого нет. Но рыжий солдат направился вглубь помещения.

— Эй, Фрелих! — Он тронул ногой человека, лежавшего на цыновке. — Вечно спишь!.. Вставай, камрада тебе привел.

Тот вскочил на ноги. Вид у него был довольно необычный. Небритое лицо, длинные всклокоченные волосы, донельзя грязный арестантский костюм производили угнетающее впечатление.

— Здравствуйте, — он подал Максу руку и представился, косясь на солдата: — Фрелих.

Солдат хихикнул.

— Ну, знакомьтесь, знакомьтесь...

Он вышел из камеры, с силой захлопнул дверь. Загремели ключи в замке, и все стихло.

Фрелих снова опустился на цыновку. Он молча рассматривал Макса.

— Что же вы стоите? Ложитесь, не тратьте понапрасну калорий. — И безо всякого перехода спросил: — Вас не избили?

— Пока нет.

— И свою одежду даже оставили? Ого! Чем же вы им так понравились?

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Хотели меня одеть в такой же наряд, как у вас, но я отказался. По-моему, было у них желание меня ударить, но потом почему-то раздумали. Я бы все равно не надел, хоть до смерти избили бы! — вдруг вскипел он.

— Да садитесь же, — еще раз напомнил Фрелих. И когда Макс, наконец, сел, сказал: — А теперь расскажите по порядку, за что и как вы сюда попали...

В это время двумя этажами выше лейтенант Уоткинс разговаривал по телефону с полковником Мерфи.

— Только что привезли, сэр.

— Хорошо. Смотрите же, Уоткинс, до моего приезда — ни-ни... Сначала мне надо с ним поговорить.

— Ладно... Когда же вас ожидать?

— По всей вероятности, завтра. Я вам позвоню.

Уоткинс всердцах хлопнул трубкой по рычагу. Снова полковник начнет возню с арестованным. Что он так церемонится с красными? Все равно ведь от них ничего не добьешься.

В БУДАПЕШТЕ

Пронзительно свистя, промчался встречный поезд. Корнер проснулся. Откинув одеяло, он приподнялся на локте и выглянул в окно вагона.

Было еще серо. Кругом простиралась бесконечная ровная степь. Лишь вдалеке на светлеющем горизонте вырисовывалась гряда холмов.

«Будапешт» — подумал Корнер. Он был в венгерской столице в 1947 году в качестве «корреспондента» и знал, что западная часть города — Буда — стоит на высоких холмах.

Осторожно, чтобы не разбудить соседа, Корнер сделал руками несколько резких движений. Сон исчез. Корнер оделся и снял с багажной полки чемодан. Было самое время ознакомиться с его содержимым.

Чемодан оказался незапертым. Сверху лежал большой конверт. В нем был сложенный вчетверо лист бумаги.

«Дорогие друзья! От имени венского комитета сторонников мира...» Ага, приветственное письмо конгрессу, которое ему предстоит прочитать.

Корнер пробежал текст глазами. Что ж, прочитать такое письмо не составит особого труда. Хуже будет, если его попросят выступить и рассказать, как он собирал подписи. Но ничего, он и с этим справится. В крайнем случае, сошлется на головную боль или еще что-нибудь и откажется выступать. Так даже лучше. Увлекаться игрой не стоит, иначе у полковника Мерфи может сорваться вторая часть плана.

В чемодане были еще книги, смена белья, несколько пар носков, блокноты. В углу лежала коробочка с набором для бритья. «Побриться, что ли?» — подумал Корнер, проведя рукой по подбородку...

Когда он, уже тщательно выбритый, вернулся в купе, поезд проезжал по пригороду венгерской столицы.

Позади осталась гора Геллерт. На ее вершине в золотых лучах восходящего солнца светилась фигура женщины с пальмовой ветвью в руках — символ вечной благодарности венгерского народа своей освободительнице — Советской Армии.

Впереди блеснула водная гладь Дуная. Поезд загрохотал по мосту.

Через десяток минут экспресс, шипя и отдуваясь, медленно въезжал под свод будапештского вокзала «Келети».

Корнер высунулся в окно. Несмотря на ранний час, на перроне было много народу. Играл оркестр. Стояли улыбающиеся девушки с цветами в руках, пионеры... Венгерская столица торжественно встречала посланцев мира из других стран.

Корнер подхватил чемодан, плащ и вышел на перрон. У дверей соседнего вагона шел митинг. Темнокожий мужчина в спортивном костюме, стоя на подножке, что-то страстно говорил на французском языке.

— Скажите, — Корнер тронул за плечо стоявшего поблизости седоволосого венгра, — не знаете ли, куда должны обращаться гости конгресса?

Венгр обернулся. У него было живое, совсем еще не старое лицо.

— Вы на конгресс? — спросил он тоже по-немецки.

— Да, — ответил Корнер. — Я из Вены. Меня зовут Макс Гупперт.

Мужчина широко улыбнулся.

— Шандор Надь, — представился он, — уполномоченный будапештского комитета сторонников мира.

Они обменялись рукопожатиями.

— Мы вас искали в пятом вагоне. Там ехали французы, швейцарцы, алжирец... Он как раз выступает.

— Ай-яй-яй! — воскликнул Корнер. — Рядом, оказывается, были такие ребята, а я в своем вагоне помирал с тоски. Какая досада!

Надь подхватил Корнера под руку.

— Пойдемте, дорогой друг, вам тоже придется сказать что-нибудь.

— Нет, нет! — бурно запротестовал Корнер. — Я совершенно не готов...

Но было уже поздно. Надь, поднявшись на подножку вагона, громко сказал:

— Друзья! Разрешите вам представить нашего австрийского гостя Макса Гупперта. Вы все, наверное, слышали эту фамилию. Макс Гупперт собрал в американском секторе Вены три тысячи подписей под Стокгольмским воззванием. Сейчас он скажет нам несколько слов.

Встречающие тесным кольцом обступили Корнера...

Иностранных гостей конгресса поселили в гостинице «Континенталь», на тихой улице Дохань, неподалеку от центра города. Корнер получил отдельный номер.

— Походите по городу; посмотрите на наш Будапешт, — посоветовал, прощаясь, Надь. — Поговорите с людьми, это, пожалуй, будет самое интересное. Вы раньше не бывали в Венгрии?

— Нет, не доводилось, — солгал Корнер.

— Тогда посоветую вам прежде всего осмотреть наш парламент, затем площадь Героев... Знаете что, я пришлю вам прекрасного гида из союза молодежи. Он вас ознакомит со всеми достопримечательностями Будапешта.

Это никак не входило в планы Корнера.

— Нет, нет! Я лучше сам, — запротестовал он. — В одиночку, по-моему, набираешься больше впечатлений.

— Смотрите, вам видней...

Шандор Надь сообщил, что конгресс начинается завтра в десять утра. От гостиницы к зданию, где будет происходить конгресс, пойдет специальный автобус.

— А теперь ложитесь отдыхать. Пожелаю вам спокойной ночи. Или вернее доброго утра, — поправился Надь, взглянув на часы. — Уже четверть шестого.

У двери он обернулся.

— Да, еще одно... Вам нужно будет сдать паспорт портье, — для регистрации... Впрочем, давайте, я сам передам.

Он взял паспорт, еще раз пожелал Корнеру хорошо выспаться и вышел из комнаты.

Корнер облегченно вздохнул. Слава богу, ему не надо будет лично сдавать паспорт. Правда, сходство между ним и тем, другим, на фотокарточке, несомненно, большое — даже пограничник не усомнился. Но все же, если внимательно присматриваться, можно обнаружить кое-какие различия.

Заперев дверь, он обождал несколько минут, напряженно вслушиваясь в тишину. Нет, Шандор Надь не шел обратно. Значит, паспорт уже передан портье. Все в порядке.

Корнер опустил шторы, разделся и лег в мягкую постель. Засыпая, он подумал о том, что еще сегодня нужно будет связаться с «Адвокатом» и передать ему портсигар.

Спал Корнер очень беспокойно. Он то и дело пробуж-

дался и засыпал вновь. Наконец, он окончательно проснулся и посмотрел на часы. Было уже два часа дня.

Наскоро закусив в кафе, которое помещалось тут же, в фойе гостиницы, Корнер вышел на улицу. Через минуту он был в центре города.

Агент американской разведки ветеринарный врач Карой Мереи, зашифрованный под кличкой «Адвокат», работал в одном из центральных учреждений министерства сельского хозяйства. Корнер знал номер телефона Мереи, знал также адрес дома, в котором тот проживал. Поразмыслив, он решил, что лучше всего позвонить Мереи и договориться о встрече.

Ничего, однако, не получилось. Он несколько раз звонил, и каждый раз ему отвечал женский голос. Не оставалось ничего другого, как посетить Мереи на квартире. Но и здесь Корнера постигла неудача. В Буде, на улице Алдаш, как раз у нужного ему дома, собралось много молодых людей. Вероятно, рядом помещался молодежный клуб. Корнер не рискнул заходить в подъезд.

В надежде, что молодежь здесь долго стоять не будет, Корнер битых два часа расхаживал по соседним улицам. Однако ничего не получилось. Молодые люди и не думали уходить. Кто-то принес аккордеон. Раздались веселые песни...

Поздним вечером, уставший, голодный, а главное донельзя раздосадованный неудачей, Корнер вернулся в гостиницу. Портье, пожилой лысый мужчина с добродушным лицом, подал ему ключ от комнаты.

— Макс Гупперт? — спросил он.

— Да.

— Вот ваш паспорт, — сказал портье.

— Ладно, — небрежно бросил Корнер. И, сунув документ в карман, заговорщически подмигнул портье:

— Послушайте, старина, хотел бы я попробовать вашего знаменитого напитка. Как он называется? Кажется, палинка... Вот двадцать форинтов — хватит? Прошу, скажите, пусть пришлют в номер.

— Хорошо... Я скажу...

Портье сдержал обещание. Едва Корнер успел зайти в номер, как в дверь постучали. Вошла хорошенькая черноглазая официантка из гостиничного кафе, которую Корнер приметил еще во время завтрака. В ее руках был поднос.

— Вы заказывали? — спросила она по-немецки.

— Да, да. Поставьте на столик.

Девушка сняла с подноса бутылку. Рядом она положила сдачу.

— Мелочь можете взять себе, красавица, — милостиво разрешил Корнер. Он так и впился взглядом в точеные ножки девушки.

Та вся вспыхнула.

— Спасибо, но у нас это не принято...

Она замаялась, не зная, как назвать иностранного гостя — товарищ, гражданин или господин. Затем быстро повернулась и вышла из комнаты.

Корнер недоуменно посмотрел ей вслед. Чтобы официантка отказывалась от таких щедрых чаевых?..

Корнер вспомнил, как в сорок седьмом году в шикарнейшем ночном баре Будапешта «Эмке Гриль», где обычно кутили иностранцы и богатые венгры, он на виду у всего зала обнял и поцеловал молоденькую златокудрую венгерку, обслуживавшую столик. Никого не удивил и не возмутил его поступок, разве только Шервуд, знакомый офицер из американской части контрольной комиссии, сидевший рядом с Корнером, заржал несколько громче обычного. Да и, собственно, что тут могло вызвать удивление? Всё было в порядке вещей. Со стародавних времен официантки в Венгрии считались «девушками для всех». Чем больше чаевые, тем больше можно было позволить себе в обращении с ними.

А теперь?.. Откуда вдруг взялось у официантки такое чувство собственного достоинства?

Да, с венграми за эти несколько лет произошли непонятные перемены.

Зазвонил телефон.

— Слушаю.

Это был портье. У него есть письмо для Гупперта. Кто принес? Какая-то дама. Нет, она сразу ушла. Хорошо, он пришлет письмо в номер.

Корнер думал, что в письме содержится какое-либо известие о предстоящем конгрессе. Однако, когда он вскрыл конверт, его охватило волнение. На бумаге было напечатано:

«Дорогой Макс! Мицци ждет вашего звонка в двенадцать часов ночи по телефону районного комитета сторонников мира — У-33-547».

Подписи не было. Корнер понял, что сообщение исходит от полковника Мерфи. Но как он сумел передать его в Будапешт?

Раздумывать было некогда. Время подходило к двенадцати. Уничтожив записку и конверт, Корнер спустился к портье.

— Вызовите Вену. У-33-547.

Пока портье связывался с телефонной станцией, Корнер продумал план разговора. Главное, стараться поменьше говорить. Только «да», «нет», «целую» и тому подобное. И как можно скорее закончить разговор. Чтобы у этой... как ее... Мицци не зародилось и тени подозрения.

— Прошу. Вена, — сказал портье.

Корнер взял трубку.

— Милый, ты? — раздался далекий женский голос.

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

— Фрау Гупперт!

— Да!

Мицци сняла наушники и обернулась. За ее стулом стоял инспектор отдела междугородней связи и укоризненно качал головой.

— Фрау Гупперт! Вот уже третий клиент жалуется, что вы не отвечаете на вызов. Если последует еще одна жалоба, я вынужден буду сообщить начальнику отдела.

— Господин Голубек, милый, не делайте этого. — Мицци молитвенно сложила руки и жалобно улыбнулась. — Я постараюсь быть внимательнее.

Голубек, немолодой мужчина с выбритой до блеска головой, смущенно переступил с ноги на ногу. Он был очень сентиментален, этот старый инспектор, и его сердце не могло остаться равнодушным к просьбе женщины, особенно такой хрупкой и нежной, как фрау Гупперт.

— Что сегодня стряслось с вами, Мицци? — спросил он уже неофициальным тоном. — Вы наша лучшая работница, и вдруг такие ужасные вещи. Клиенты жалуются! Может быть, вы больны?

— Одну минуточку, господин Голубек... Да, да! Сейчас.

Быстро соединив очередных абонентов, Мицци сказала:

— Нет, господин Голубек, я совершенно здорова. Но

мой муж вчера уехал в Венгрию на несколько дней, и я очень волнуюсь. Вот и все.

Голубек удивленно раскрыл глаза:

— На несколько дней в Венгрию? И вы волнуетесь?

— Слушаю... Соединяю... Да, господин Голубек. Волнуюсь так, что места себе не нахожу. Кончили? Да Соединяю...

— Чего же тут волноваться?

Заложив руки за спину, он прошел к своей конторке неторопливой походкой стареющего человека. Что за народ эти женщины! Муж ушел вечером к приятелю — они волнуются. Муж уехал — они снова волнуются. Муж приехал — опять переживания и волнения. А он бы на ее месте вовсе не беспокоился. Пусть лучше волнуется муж. Уехал в Венгрию и оставил в одиночестве такую симпатичную жену. Жаль, года уже не те, а то он показал бы этому мальчишке, что значит уезжать без жены.

Мицци и сама не могла толком объяснить причину своего волнения. Вчера, когда она вернулась с вокзала в свою комнатку, та показалась ей такой жалкой и убогой без Макса, что она даже всплакнула немного. Потом сидела до глубокой ночи и рассматривала фотокарточки Макса. А когда легла, долго-долго не могла заснуть.

И сегодня так щемит сердце. Но ничего, вечером она пойдет в комитет и будет ждать звонка. Раз Макс обещал, значит, обязательно позвонит. Он всегда держит слово.

Макс! Ее Макс. Как она гордится им! Какой он смелый, какой красивый. Ничего, что у него много морщинок на лбу и в уголках глаз, ничего, что в волосах блеснула совсем уж ранняя седина. Он лучше всех, ее Макс!

— Да... Да... Слушаю! Простите, господин... Я только что услышала звонок... Не знаю, возможно, что-нибудь на линии. Иногда случается... Хорошо, соединяю...

Мицци тряхнула головой. Надо быть повнимательнее, иначе могут быть неприятности. Конечно, Голубек ничего не скажет начальнику. Но может найтись клиент, который напишет жалобу, и тогда никакой Голубек ее не спасет. А потерять место сейчас, когда кругом столько безработных, совсем никуда не годится. И так они с Максом еле сводят концы с концами.

Но мыслям разве прикажешь! Они назойливо лезут вновь и вновь.

Вот какой-то клиент попросил Земмеринг... Земмеринг... Земмеринг... А хозяйина завода, где она работала в коммутаторной, звали Земмер, Гуго Земмер. Этот чванливый господин с пухлыми и розовыми, как у младенца, щечками не раз делал ей недвусмысленные предложения. Его приставания отравляли ей всю жизнь. И все-таки с заводом связаны ее лучшие воспоминания. Там она познакомилась с Максом.

Лицо Мицци озарилось тихой радостью. Да, она до сих пор гордится, что смогла ему помочь, выручить из неминуемой беды.

Случилось это так. Однажды утром, придя на завод, она увидела, что все идут не на свои рабочие места, а в литейный цех. Заинтересованная, Мицци последовала туда же. Там она впервые увидела Макса. Он стоял, окруженный рабочими, и рассказывал, как простые люди всей земли борются против новой войны, за счастливое будущее.

Мицци слушала его, как зачарованная. Но когда начался сбор подписей, она услышала позади себя тихий шопот:

— Мицци! Мицци! Сюда!

Это был господин Земмер. Как вор, прокрался он на собственный завод. В глазах его горел азарт охотника.

— Мицци, быстрее соедините меня... — Он назвал номер. — Я буду в кабинете.

Мицци побежала в коммутаторную и выполнила требуемое.

— Он здесь, — тихо сказал директор.

— На заводе? — спросил чей-то квакающий голос.

— Да.

— Звоните в МП. У-31-433. Скажите им только адрес. Они уже готовы к выезду.

Мицци ужаснулась. Значит, сейчас приедут молодчики из МП и заберут этого смелого парня.

Директор сказал:

— Дорогая, соедините меня с У-31-433. Живее, прошу вас.

И она решилась. Вся ее неприязнь к наглым парням из МП, к Земмеру, ко всему тому черному, бесчестному миру, который они для нее олицетворяли, сосредоточились в тот момент в быстрых движениях пальцев, набравших номер 003.

— Немедленно выезжайте на завод Земмера... — зло-радствуя, слушала она голос директора.

Он назвал адрес и положил трубку. Через окно она увидела, как Земмер, прячась в тени высоких стен, побежал к воротам.

— Жди, жди, — прошептала она.

Минут через десять к воротам завода одна за другой подкатили три пожарных автомашины. Мицци было видно, как, потрясая кулаками над головой, ругался директор Земмер с брандмейстером.

Еще через десять минут Мицци лишилась места. И когда она со слезами на глазах (ох, эти непрошенные слезы!) стояла у ворот и раздумывала, где искать работу, к ней подошел Макс. Он уже знал все.

— Спасибо! — просто сказал Макс и крепко пожал ей руку.

Они познакомились. А вскоре и поженились...

— Да, слушаю... — встрепелась Мицци. — Нет, что вы, я не спала. Просто я выпила сейчас глоток воды, поперхнулась и не смогла сразу вам ответить... Минут двадцать? Что вы, что вы! Нет, нет, очень прошу вас, не жалуйтесь! Меня тогда выгонят с работы... Спасибо. Сейчас же соединю.

Когда к концу дня Мицци передала дежурство другой телефонистке, она просто удивилась, что всё кончилось благополучно. Никогда еще она не работала так рассеянно, как сегодня.

Наскоро закусив, Мицци отправилась в комитет. Обычно по вечерам она избегала выходить из дому — кругом шаталось множество пьяных солдат. Но на этот раз она шла безо всякого страха. Пусть только кто-нибудь посмеет ее задеть! Она крепко сжала рукоятку старого тяжеленного зонтика, который захватила с собой отнюдь не потому, что предвиделся дождь.

В комитете было многолюдно и шумно. Но Хор сразу увидел Мицци.

— Идем сюда.

Он привел ее в кабинет Киршнера. Тот поднялся ей навстречу.

— Садись, Мицци. Сейчас только одиннадцать. Тебе придется ждать целый час.

— А я вам не помешаю? Может быть, мне лучше обождать там, в общей комнате?

— Сиди, сиди. У нас никаких секретных дел нет, скрывать нечего, — усмехнулся Киршнер.

Ровно в двенадцать зазвонил телефон.

— Будапешт, — сказал Киршнер и подал Мицци трубку.

— Милый, ты?

— Я, дорогая, — прозвучало в ответ. — Как дела?

Как изменяло расстояние голос Макса! Или, может быть, он простужен?

— Ты заболел? У тебя такой хриплый голос.

Было слышно, как Макс прокашлялся.

— Да, простыл немного в поезде, — сказал он после недолгого молчания. — Как ты живешь? Скучаешь?

— Очень. Сегодня я так плохо работала, что просто чудом спаслась от увольнения.

Они обменялись еще несколькими малозначительными фразами.

— Дай-ка, Мицци, я с ним поговорю, — сказал Киршнер. — Что-то вы оба растерялись, как жених с невестой.

Он взял трубку.

— Алло, Макс. Это Киршнер. Когда начнется конгресс?

— Завтра.

— Готовишься к выступлению?

— Ага...

В трубке что-то щелкнуло, заскрипело, и сколько Киршнер не дул в нее, никто не отвечал.

— Будапешт кончил разговор, — сказала междугородняя.

Мицци пошла домой расстроенная. Нет, Макс совершенно не умеет разговаривать по телефону. Ни единого теплого словечка. У-у, противный!

И тут же она забеспокоилась. Макс простужен. Не серьезно ли это? Ведь он никогда не скажет, что болен, всё отшучивается.

Хор, провожавший Мицци до дома, потешался над ее опасениями. Что она волнуется? Пройдет еще два дня, и вернется ее Макс обратно целым и невредимым. Ну, с насморком, подумаешь, какая болезнь. ...Какой подарок обещал он привезти из Венгрии?

Но Мицци лишь тяжело вздохнула. Не надо ей никаких подарков, лишь бы только Макс вернулся здоровым.

...Была уже глубокая ночь, когда Киршнер закончил дела в комитете. Дома он вспомнил, что еще не обедал. Осторожно, чтобы не разбудить жену и детей, налил из термоса в чашку горячий кофе.

Отпивая глоток за глотком, Киршнер стал просматривать газеты. Днем не хватило времени.

Его внимание привлекла небольшая заметка в американской «Винер курир». Удивившись, он начал листать другие газеты. Так оно и есть! Сегодня многие правые газеты поместили сообщение о предстоящем конгрессе сторонников мира в Венгрии. В заметках говорилось также и о том, что на этом «коммунистическом» конгрессе будет присутствовать гость из Вены — «известный коммунист» Макс Гупперт.

«Удивительно, — подумал Киршнер. — Обычно ведь они старательно замалчивают такие вещи».

Он долго сидел, погрузившись в раздумье. И лишь когда на востоке занялась заря, Киршнер начал укладываться спать.

МЕРФИ ПРИХОДИТ В ЯРОСТЬ

Легко спросить «за что вы сюда попали?». Но как мог Макс ответить на этот вопрос?

— Я лучше расскажу вам, как я сюда попал. Остальное и для меня неясно.

Он подробно изложил соседу по камере свою печальную историю. Фрелих не прерывал его. Лишь когда Макс кончил, он спросил:

— Как же вас зовут?

— Макс Гупперт.

— Гупперт... — Фрелих наморщил лоб, силясь что-то вспомнить. — О вас, по-моему, была статья в журнале «За мир». Насчет вашей работы на вагоностроительном, кажется.

— Была такая статья, — сказал Макс. — Примерно год тому назад.

— Да, не позже. В то время меня и арестовали.

— Как! Вы уже сидите здесь целый год?

Макс подумал, что ослышался, но Фрелих подтвердил:

— На днях исполняется год. Вы думаете, что Си-Ай-Си скоро выпускает тех, кто попался в ее руки?

У Макса кольнуло в сердце. Значит, и ему... Пронес-

лись мысли о Мицци, о товарищах... Но он отогнал тревогу. Ведь у Си-Ай-Си не могло быть никаких оснований, чтобы задержать его, решительно никаких.

— А за что же вас посадили? — спросил он у Фрелиха.

Тот невесело усмехнулся.

— Знаете, на этот вопрос мне так же трудно ответить, как и вам. Может быть, вам что-нибудь скажет моя настоящая фамилия. Меня зовут Герман Марцингер.

— Вот как! — Макс не мог сдержать возгласа изумления. Это имя знала вся Австрия.

Марцингер был молодой талантливый писатель. Он держался прогрессивных взглядов, хотя и не был коммунистом. С год назад он исчез при загадочных обстоятельствах. Проведенное следствие не дало никаких результатов. «Винер курир» разразилась по этому поводу серией статей американских специалистов-криминологов. Они недвусмысленно намекали, что в исчезновении Марцингера повинны коммунисты.

Однако вскоре грянул гром. Марцингер, который, как и подозревали его друзья, был похищен американской разведкой, сумел прислать в редакцию одной из газет записку с указанием своего местонахождения. «Эти негодяи пытаются и мучают меня, — говорилось в записке. — Они угрожают мне смертью. Они хотят, чтобы я стал их шпионом».

Поднялась волна возмущения. Организаторы похищения Марцингера были вынуждены признать, что Марцингер находится в их руках. Они заявили, что писатель замешан в аферу с сигаретами и вскоре будет передан австрийскому суду, как злостный спекулянт.

Но никто, разумеется, не верил этой наглой лжи.

— Они убили бы меня втихомолку, если бы не началась такая кампания, — сказал Марцингер. — А теперь волей-неволей придется им судить меня открытым судом. Я, конечно, не сомневаюсь, что они уже сфабриковали дело, нашли свидетелей, представили доказательства. Они предпримут все, чтобы упрятать меня, хотя бы на несколько лет и сломить морально. Но мы еще посмотрим, кто будет победителем. Для меня сейчас самое главное — вырваться из лап Си-Ай-Си. А потом... а потом я рассчитаюсь с ними. Понимаете, я напишу книгу. Собственно, она уже готова. Осталось только изложить не

бумаге. И заголовок готов: «Самое черное дело»... Это работники Си-Ай-Си делают самое черное дело, — пояснил Марцингер. — Их используют те силы, которые стремятся рассорить народы. Ведь и американцы, и русские, и французы, и австрийцы — все хотят жить в мире и дружбе. Зачем народам война! И вот на сцену выходят клеветники, дезинформаторы, профессиональные солдаты холодной войны, вроде агентов Си-Ай-Си. Они организуют самые подлые провокации, пропитывают ядом атмосферу, натравливают народы друг против друга. И не гнушаются для этого никакими средствами. Если бы вы только знали, как они старались заставить меня участвовать в их грязных делах. Я здесь пережил такие вещи, такие вещи...

Марцингер остановился. Не стоит расстраивать Макса.

— Знаете что, — Марцингер привычным жестом запахнул полу своего арестантского халата, — давайте спать. Уже поздно. У нас впереди еще много времени. Успеем наговориться всласть... Спокойной ночи!

Он отвернулся к стене.

— Скажите, — спросил Макс, — почему они вас считают... ну, как сказать...

Марцингер снова повернулся к нему:

— Рехнувшись?

— Да. Я это заметил по тону, которым разговаривал с вами рыжий.

— Очень просто, — ответил Марцингер. — У этих суперменов настолько развит интеллект, что каждого, кто поступает и говорит не так, как они, считают не совсем нормальным. Впрочем, я и не стараюсь их разубеждать. Во-первых, это, видимо, просто невозможно. А, во-вторых, с некоторых пор я стал замечать, что так даже лучше. Надо мной теперь лишь смеются, в то время как раньше пускали в ход кулаки. А мне важно сберечь себя... Так пусть пока смеются... А теперь — приятных сновидений.

Он снова отвернулся к стене.

Лежа с открытыми глазами, Макс обдумывал свое положение. Нет, похитители не ошиблись. Им нужен именно он, Макс Гупперт. Зачем? Кто их знает! Вероятно, хотят сделать его шпионом. Этот тип с пустыми глазами, несомненно, пустит в ход все средства. Но не выйдет! Разве можно изменить тому, ради чего живешь!

Макс встал и медленно прошелся по камере. Его внимание привлекла полустертая надпись на стене. Он подошел ближе и, напрягая зрение, прочитал: «Будьте прокляты, звери!»

Рядом были и другие надписи. Все они говорили о страданиях, перенесенных заключенными этой камеры. Но надписи говорили и о другом: о несгибаемом мужестве, о безграничной вере в победу:

«Они грозятся убить меня. Да здравствует свободная Австрия!»

«Ами го хом!»

«Мы хотим свободы!»

«Уоткинс — сатана. Когда его будут судить, напомните ему обо мне».

Макс скрипнул зубами. Он совершенно не чувствовал страха. Ему хотелось только одного, чтобы все, что должно с ним совершиться, произошло быстрее, сейчас же... Чтобы не было этого томительного, гнетущего ожидания.

Но часы шли, а никто не приходил. Лишь когда по подсчетам Макса уже наступило утро, загремели ключи в замке.

Рыжий солдат швырнул на цементный пол камеры кусок хлеба:

— Получай жратву... Здесь на двоих.

Никто не пришел за Максом и днем. Даже Марцингер удивился.

— Это либо хорошее предзнаменование, либо очень плохое, — сказал он Максу. — Бросьте думать и ложитесь отдыхать. Возможно, они пытаются взять вас измором, хотят, чтобы вы истрепали себе нервы, томясь неизвестностью.

Макс последовал его совету. Съев свой ломоть хлеба, он улегся на цыновку и вскоре забылся тяжелым, беспокойным сном.

Но долго спать не пришлось. Его разбудил грубый оклик:

— Иоганн Миллер! Выходи! Живей...

Макс быстро поднялся. В дверях камеры стоял Уоткинс. Прищурив глаза, он смотрел на Макса, и на губах его играла недобрая усмешка.

Пройдя несколько совершенно пустых комнат, они оказались в просторном кабинете. У открытого книжного

шкафа стоял низкорослый толстяк в американской униформе и листал книгу.

— Иоганн Миллер доставлен, сэр, — гаркнул Уоткинс.

Мерфи обернулся и с любопытством взглянул на Макса. В жизни австриец гораздо меньше похож на Корнера, чем на фотокарточке. Но все же между ними большое сходство.

— Можете идти, Уоткинс, — сказал полковник. А затем, когда лейтенант вышел, добавил вкрадчивым голосом:

— Мы с вами лучше поговорим без свидетелей. Не так ли, господин Гупперт?

— Мне с вами разговаривать не о чем, — громко сказал Макс. — Я требую, чтобы вы немедленно освободили меня.

Полковник уселся в кресло, закурил сигару.

— А если я не удовлетворю ваше требование, что тогда?

Макс махнул рукой и отвернулся. Ни к чему весь этот разговор.

— Будет дипломатический скандал? Или серьезные международные осложнения? Ваша жена напишет письмо в ООН? — рассмеялся Мерфи.

Он почувствовал, что перед ним достойный противник. Такие с первого щелчка не сдаются. А времени мало, чертовски мало... Может быть, попробовать действовать напрямую?

— Послушайте, Гупперт, — полковник старался говорить как можно мягче. — Я не желаю вам зла. Вы мне даже нравитесь, и я готов вас выпустить сию же минуту. Но дело не в моих личных симпатиях. К сожалению, обстоятельства сложились так, что сейчас вы представляете для нас известный интерес. Нужно, чтобы вы оказали нам небольшую услугу. Мы — деловые люди и готовы щедро вознаградить вас за это.

Макс продолжал хранить молчание.

— Понимаете, выбор у вас очень ограничен. Вопрос стоит так: или вы окажете нам эту услугу, или же, — тут Мерфи сделал многозначительную паузу, — или мы будем вынуждены устранить вас. В первом случае прекрасное вознаграждение, переезд на постоянное жительство в Штаты вместе с женой — кажется, ее зовут Мицци, не так ли? — беззаботная веселая жизнь. Во

втором случае... В общем, вы понимаете... Клянусь, я не стал бы долго раздумывать.

С минуту оба молчали.

— Вы упрямы, — снова заговорил полковник. — Это может вам дорого стоить. Будьте же разумнее. От вас требуется немного. По возвращении из Венгрии вы должны выступить с разоблачениями народно-демократического режима. Голод, всеобщее недовольство, зверства коммунистов и всякое такое... Текст составим вместе.

Макс презрительно усмехнулся.

— Грубо работаете, мистер. Неужели вы думаете, что, сняв меня тайком с поезда, уже добились своего? Да ведь теперь все мои друзья наверняка знают, что я исчез. И легче легкого им будет доказать, что в Венгрии я даже и не бывал.

— Если вас только это смущает, то извольте... Взгляните!

Это была газета компартии Австрии — «Эстеррейх-ше Фольксштимме». Внизу страницы было обведено красным карандашом: «Среди делегатов, прибывших на конгресс, находится и представитель венских борцов за мир Макс Гупперт».

— Ну как?

Красное, потное лицо полковника сияло. Макс прищурил глаза:

— Ничего не выйдет! Там тоже не дураки. Быстро разберутся, что к чему, и вашему человеку — крышка.

Вместо ответа Мерфи кинул на стол две фотокарточки.

— Посмотрите.

На одной фотокарточке был он, Макс. А на другой... Что за наваждение! Этот американский офицер очень похож на него.

— Теперь понятно?

Конечно, Макс не мог знать всего. Но он понял, что вместо него в Венгрию уехал американский разведчик, который займется там грязными делами.

Лицо Макса побелело, как мел. В нем все кипело от ненависти.

— Мне неизвестно, какую подлость вы задумали, господин разведчик. Вероятно, что-нибудь очень мерзкое. Но я могу сказать вам лишь одно. Если вы хотите

использовать меня в какой-нибудь аванюре, то ничего у вас не выйдет. Ничего!

Полковник ухватился за ручки кресла.

— Уоткинс! — позвал он.

И когда тот вбежал, произнес, скривив рот:

— Поговорите с ним по душам.

Уоткинс взял под козырек. Его глаза заблестели злым торжеством.

Зашли два рослых солдата. Они вывели Макса в соседнюю комнату.

Но полковник передумал. Черт возьми, нельзя же быть таким чувствительным. Красный, разумеется, должен поплатиться за свою наглость, но не сейчас. Он, возможно, еще понадобится. А если предоставить действовать Уоткинсу, то Гупперт быстро превратится в мешок с перебитыми костями. Это никогда не поздно сделать.

Он позвал лейтенанта обратно.

— Отведите его в камеру, Уоткинс, я жду дальнейших распоряжений.

— Поздно, полковник, — развел тот руками. — Вы же сами сказали...

От него несло винным перегаром.

— Не ваше дело! — отрезал Мерфи. — Выполняйте немедленно!

Но Уоткинс как будто и не слышал. Нагло усмехаясь, он сел в кресло и развалился в нем, всем своим видом показывая, что не собирается шевельнуть и пальцем, чтобы исполнить приказ.

Полковник рассвирепел. Какая наглость! Изрыгая проклятья, он бросился в соседнюю комнату.

— Прекратить! — приказал он солдатам, привязавшим Макса к длинной доске.

Однако те, покосившись на полковника, продолжали свое дело.

— Прекратить! — задыхаясь, завопил Мерфи, пораженный этой неслыханной дерзостью.

— Ничего не выйдет, полковник, — усмехнулся подошедший Уоткинс. — Помните, вы говорили: «Они должны слушаться только вас».. Ну ладно. Ребята, отвяжите красного...

— Вы головой отвечаете за Миллера, понятно? — сказал полковник лейтенанту, усаживаясь в машину. —

А о сегодняшнем случае у нас будет еще особый разговор.

Мерфи захлопнул дверцу. Нет, разговорами тут не помочь. Уоткинс и его банда совершенно отбились от рук. Нужно немедленно принимать меры...

Так случилось, что Макс, к его несказанному удивлению, вернулся в камеру целым и невредимым.

ТАКСИ ИА-328

Капитан Гарри Корнер никак не мог предположить, что присутствие на конгрессе сторонников мира станет для него трудным испытанием. Подумаешь, конгресс, — рассуждал он. — Соберется несколько сот человек и будут произносить речи. Вот и всё! Быть на конгрессе, пусть даже зачитать приветственное письмо — самая легкая часть его задания.

Но оказалось, что все это далеко не так просто.

Одной из первых на конгрессе выступила делегатка венгерской области Сольнок, немолодая, лет сорока-сорока пяти женщина с открытым приветливым лицом. Она говорила тихо и просто. Но в словах ее звучала такая глубокая убежденность, такое спокойствие и сила, что Корнеру (он слушал перевод речи на немецкий) с первых же минут выступления стало не по себе.

— Недавно я видела в газете фотоснимок из Кореи, — говорила женщина. — Обезумевшая от горя мать рыдает над своей убитой крошкой... Страшный снимок! Я вспомнила свое горе... Приходилось ли кому-нибудь из вас держать на руках своего собственного умирающего ребенка? — неожиданно обратилась она к притихшему залу. — Думаю, что немногим, к счастью. А у меня вот на этих самых руках, — она протянула вперед свои руки, — умерла девочка, моя дочка Марика. Всего три годика прожила она на свете. Поблизости разорвалась бомба. Осколок попал ей в живот. Как она кричала: «Мама, мама, больно!» Я видела, я чувствовала, как уходит жизнь из ее искалеченного тельца. Я рвала на себе волосы. Но что я могла сделать?.. Она умерла, моя Марика. Умерла на моих руках. Но возмездие настигло фашистских бандитов. И когда их поганый пепел был развеян по ветру, я пришла на могилу своей маленькой

дочки и сказала: «Спи спокойно, Марика, больше не будет в мире убийц».

Женщина глубоко вздохнула.

— Но нет, оказывается, я тогда ошиблась. Есть еще в мире дикие звери, которым мало крови моей Марики. Они тянутся за жизнью моей второй дочери — моей Каталины. Они тянутся за жизнью миллионов, сотен миллионов людей. И снова склоняются над своими окровавленными детьми корейские, вьетнамские, малайские матери...

Но люди теперь уже не те. Я стала другой, вы стали другими, все честные люди на земле стали другими. Мы знаем теперь, кто превращает в золото потоки человеческой крови. И мы говорим поджигателям новой войны: остановитесь, пока не поздно! Страшен гнев народа, и поздно будет просить пощады, когда над вашей головой сверкнет карающий меч. Берегитесь тогда! Пощады не будет!

Голос женщины звенел в тишине огромного зала. Корнеру казалось, что она смотрит прямо на него, что ее гневный голос обращен именно к нему. Делегатка Сольнока уже давно сошла с трибуны, уже выступали другие делегаты конгресса, а в ушах Корнера все еще звучало грозное, предостерегающее слово: «Берегитесь!»

Усилием воли ему, наконец, удалось сбросить охватившее его оцепенение. Он вышел в буфет и выпил один за другим несколько стаканов воды...

Добравшись до гостиницы, Корнер первым делом кинулся к бутылке. Чудесная штука, эта палинка! Несколько глотков — и ты совершенно другой человек.

Корнер стал прохаживаться по комнате. Страх быстро улетучивался. Ему даже стало немного смешно. Что сказал бы Мерфи, если бы увидел своего лучшего разведчика в таком состоянии? Наверное, старика хватил бы удар.

А он, Корнер, тоже хорош! Перепугался слов какой-то истеричной венгерки. Подумаешь, девчонку у нее убило. У многих убило, и еще у скольких убьет!

Проклятая ведьма! Попадись она ему сейчас, он бы, не задумываясь, задушил ее собственными руками. Прав Мерфи, всех их надо атомной бомбой!

Он нащупал коробочку, попрежнему лежавшую у не-

го в брючном кармане. Хотя эта штучка и не атомная бомба, но все же она доставит венграм немало забот.

Был уже пятый час. Работа в учреждениях подходила к концу. Надо позвонить Карою Мереи, а если его снова нет на работе, то придется зайти на квартиру. Пусть у его ворот соберется хоть вся молодежь города. Скоро двое суток, как он в Будапеште, а дело еще не двинулось с места.

По телефону, как и вчера, ответила женщина. Корнер повесил трубку. Опять невезение! Надо идти на улицу Алдаш.

Пешком не хотелось. Корнер остановил свободное такси.

— Говорите по-немецки? — спросил он шофера.

— Немного, — ответил тот. И в свою очередь заинтересовался:

— А вы гость конгресса сторонников мира?

Корнер мысленно выругал себя за оплошность.

— Нет, я в Будапеште по торговым делам.

— Из Германии, стало быть, — догадался словоохотливый шофер.

— Да... Вот что, камрад, мне хочется осмотреть Буду. Езжайте через мост, а там я скажу куда...

Он не хотел называть шоферу нужную улицу.

Машина поехала. Время от времени Корнер произносил: «направо», «налево», «через мост». Так они добрались до переулка рядом с улицей Алдаш.

Здесь Корнер расплатился с шофером.

— Зайду к одной знакомой, — весело сказал он.

— Ясно! — подмигнул шофер. И тут же добавил озабоченно:

— А мне придется подкачать скаты. Совсем ослабли...

На этот раз возле дома, где жил Мереи, никого не было. Корнер быстро зашел в парадную и уверенно свернул налево.

В Вене он тщательно изучил план дома. В конце коридора должна быть лестница. Она ведет на второй этаж. Там две двери: правая — на чердак, левая — к Мереи.

Деревянные ступени заскрипели под ногами Корнера. Он стал подниматься осторожнее, стараясь переносить тяжесть тела на перила. Но все же ступени продолжали доскрипывать.

В одной из квартир нижнего этажа слышались легкие быстрые шаги. Распахнулась дверь. Вышел смуглый мальчик лет двенадцати с пионерским галстуком на шее. Увидев на лестнице человека, он что-то спросил по-венгерски. «Вам кого?» — догадался Корнер. Не ответить было нельзя.

— Мереи Карой, — сказал Корнер.

Мальчик широко раскрыл глаза и произнес несколько венгерских слов. Корнер уловил слово «реакционный» и насторожился. Он спустился с лестницы и подошел к мальчику.

— Не понимаю, — дружелюбно улыбнулся он. — Если умеешь, скажи по-немецки.

По лицу мальчика промелькнула тень беспокойства.

— А зачем вам Мереи? — спросил он, тщательно выговаривая трудные слова. — Вы откуда?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — попробовал отшутиться Корнер.

— Мереи там больше не живет, — сказал мальчик, подозрительно поглядывая на Корнера. Тот почувствовал неладное.

— А где же он?

— В тюрьме. Два дня тому назад его арестовали.

— О!..

Почему маленький чертенок так и смотрит на него все глаза? Ах да, ведь он пионер. Ну, это проклятое племя. Мальчишка непременно увяжется за ним, проследит, быть может, до самой гостиницы, узнает фамилию... Нужно тотчас же избавиться от него.

Корнер украдкой оглянулся. В коридоре никого не было. Он подскочил к мальчику и изо всех сил ударил его кулаком по голове. Мальчик не успел даже вскрикнуть и, как подкошенный, повалился на пол.

Корнер склонился над ним, протянул вперед руки...

— Фери, Фери! — позвал женский голос из глубины квартиры.

Корнер стремглав кинулся на улицу. Позади в коридоре раздался пронзительный крик. «Она за мной не побежит, — мелькнуло у него в голове. — Ей теперь хватит хлопот с мальчишкой. Пока она приведет его в чувство...»

Корнер завернул за угол и пошел не спеша. Такси стояло на прежнем месте. Шофер укладывал насос в кабину.

— Что так быстро? — улыбаясь, спросил он.

— Знаете, не оказалось ее дома... Придется в другой раз. Поехали, что ли...

Такси уже отъехало метров тридцать, когда из-за угла выбежала девушка. В переулке никого не было. Куда же делся этот негодяй? Она ведь ясно видела: он бежал сюда...

Вот что! Такси!.. Загородив рукой глаза от яркого солнца, девушка прочитала номер машины. Затем пошла обратно.

На пороге дома ее встретил смуглый мальчик. Голова его была обвязана полотенцем.

— Ну как, Маргит?

— Уехал... Такси ИА-328.

ПО СВЕЖЕМУ СЛЕДУ

Когда майору Ласло Ковачу доложили, что его спрашивает какой-то пионер, он устало махнул рукой:

— Поговорите вы с ним сами, Бела. Я сегодня впервые за сто лет собрался с женой в оперу. Она очень обидится, если я ее подведу. Дело-то, вероятно, пустяковое: ребяташки опять «шпиона» выследили.

Но старший лейтенант Бела Дьярош отрицательно покачал головой.

— Нет, товарищ майор, тут нечто посерьезнее. У мальчика перевязана голова, и он пришел не один, а с сестрой-студенткой.

Ковач тяжело вздохнул. Посещение оперы отодвигалось на дальнейшие сто лет.

— Что ж, просите их сюда.

Ковач внимательно выслушал сбивчивый рассказ мальчика. Да, Дьярош прав. Этим делом придется заняться по-настоящему. К такому, как Мереи, не приходят для того, чтобы распить на досуге чашку кофе.

— Как же ты успел заметить номер такси? — спросил он мальчика.

Фери переглянулся с девушкой.

— Это Маргит, Я не мог бежать. Голова очень болела, — оправдываясь, сказал он.

— А как ты думаешь, почему он тебя ударил?

— Он сначала посмотрел на мой галстук, а потом сжал губы и как подскочит ко мне... Хорошо хоть, что я

успел закрыться руками... Наверно, он решил, что я пойдду за ним.

— И ты бы в самом деле пошел?

— Конечно.

— И не было бы страшно?

— Я ведь пионер, — сказал мальчик, и в голосе его зазвучала гордость. — Пионеры ничего не должны бояться. Вы слышали о Павлике Морозове?

Ковач, как ни силился, не смог удержать улыбку.

— Да так, краем уха.

Мальчик обрадовался:

— Тогда я вам расскажу...

И, не обращая внимания на отчаянные жесты Маргит, Фери принялся рассказывать со всеми подробностями.

Майор, разумеется, отлично знал историю отважного советского пионера. Но он не стал перебивать мальчика. Пока тот рассказывал, он думал о том, что вражеским агентам с каждым годом становится все труднее творить свои черные дела на венгерской земле. Даже вот такие малыши выступают сознательными защитниками интересов государства.

Он сердечно поблагодарил Фери и его сестру. Затем, когда они вышли, приказал старшему лейтенанту Дьярошу:

— Нужно немедленно разыскать шофера такси.

Оставшись один, майор подошел к раковине. Отвернув до отказа кран, он нагнулся и подставил голову под сильную струю холодной воды. Ковач уже почти сутки находился на работе, и это давало себя знать. А ведь предстояла еще одна бессонная ночь.

Затем он позвонил домой.

— Клари, — сказал он, — мне не хочется сегодня идти в оперу. Что? Нет, пройтись тоже не хочу... И кушать не хочется, я уже здесь поел... Когда приду домой? Нет, не поздно... Ну что ты, конечно, раньше утра... Клари, сейчас неудобно об этом. У меня полный кабинет народу, — для большей убедительности майор заговорил почти шопотом, — приеду домой, все тебе объясню. До свиданья, дорогая!

Повесив трубку, Ковач на секунду призадумался. Конечно, так никуда не годится. Бедняжка Клари, она видит его только во сне. Но что поделаешь, если враги не

дают спокойно жить. Он ведь поставлен партией на самый передний край. И хотя войны нет, он все равно на фронте.

Майор пододвинул к себе листок бумаги и принялся выводить мудреные профили. Это была его давняя привычка: когда о чем-нибудь задумывался, то непроизвольно брал в руки карандаш и принимался за рисование.

Собственно, ничего особенно нового не произошло. Мереи арестован, а его ищут. Обычная история. Кто ищет? Это тоже ясно. Мальчика ударили не потому, что у него на носу веснушки. Посетитель боялся, что его выследят. А Мереи показал, что после отъезда Уоллиса из Венгрии он до сих пор не имел никаких связей. Поэтому логично предположить, что его искал человек, который должен был восстановить потерянные связи.

Кто этот человек? Мальчик описал его так: лет тридцати, тонкое лицо, светлые глаза, блондин... Немецкий язык... Но это могло быть маскировкой... Гм, маловато... Впрочем, посмотрим, что скажет шофер.

Бумага быстро заполнилась всевозможными уродцами. Майор отодвинул кресло в сторону и поднялся.

Нужно разобраться как можно быстрее. Есть сведения о том, что Си-Ай-Си готовит большую диверсию с применением новых средств тайной войны. Возможно, это уже начало. Мереи — крупная птица. Его не стали бы беспокоить из-за мелочи.

Майор вспомнил длинноносую, унылую физиономию Мереи. Это большая победа, что удалось обезвредить гадину. Старый ветеринарный врач с ханжеским лицом набожного пройдохи был одним из опаснейших американских шпионов. Впрочем, американцы — уже его четвертые хозяева. Сначала он служил в австрийской тайной полиции, потом одновременно работал на англичан и гестапо, а затем уже по наследству достался американцам. Свой провал он воспринял довольно спокойно.

— Что ж, должно было когда-нибудь случиться, — сказал он на первом допросе. — Ничто не вечно под луной.

Затем он деловито осведомился:

— Есть шанс остаться в живых?

А когда ему разъяснили, что его единственный шанс заключается в чистосердечном признании, он заговорил

с такой торопливостью, что стенографистка с трудом поспевала за ним...

В дверь постучали. Это вернулся старший лейтенант Дьярош.

— Ваше приказание выполнено, товарищ майор.

В комнату, нервно теребя в руках засаленную кепку, вошел шофер.

— Добрый вечер, — сказал он и скромно встал в сторону. Он никак не мог догадаться, зачем понадобился, и чувствовал себя весьма стесненно.

Но неловкость и стеснение моментально исчезли, когда шофер узнал, что интересуется майора. Он быстро заговорил:

— Да, да, был у меня сегодня такой клиент. Он мне самому показался подозрительным. Понимаете, ничего, ну ровным счетом ничего не соображает по-венгерски.

— Ужасно, — усмехнулся майор.

— А? — Шофер на мгновение опешил, а затем продолжал с удвоенной быстротой: — И вообще у него очень подозрительный вид... Шляпа какая-то странная. Я сразу подумал, что он, должно быть, известный карманник или спекулянт международного класса.

И он пустился в длинные рассуждения о том, какими признаками преступника обладал, по его мнению, таинственный пассажир.

Майор вежливо ждал. Однако красноречию шофера не было предела. Пришлось прервать его:

— Все это очень интересно, но, к сожалению, не относится к делу. Я попрошу вас ответить на мои вопросы...

Из слов шофера выяснилось, что пассажир, о котором шла речь, и иностранец, разыскивавший Мереи, был одним и тем же лицом.

— Где вы его высадили?

— В центре города.

— Точнее.

— У Национального театра.

— И последний вопрос. Не говорил ли он вам случайно, откуда приехал в Венгрию?

— Я сам его спросил. У меня ведь здесь тоже кое-что есть. — Шофер прищурил глаз и многозначительно постучал пальцем по лбу. — С этого я и начал разговор — не делегат ли он мирного конгресса. Нет, говорит, я из

немецкой торговой делегации. Ну, думаю, знаем тебя, не в первый раз...

На прощанье шофер долго жал руку майору Ковачу.

— Так что, если я понадобится, вы не стесняйтесь, товарищ майор. В любое время дня и ночи. Адрес запомнили? — озабоченно осведомился он. — Улица Веселеньи, 82, во дворе, второй этаж, квартира шесть. А если дома нет, то напротив, в пивной у дяди Яноша, обязательно застанете. У него пиво, доложу вам, — лучшего не сыскать во всем Будапеште...

— Фу, — облегченно вздохнул майор, когда словоохотливый шофер, наконец, ушел...

Телефонный разговор с министерством иностранных дел разбил версию о немецкой торговой делегации. Как и предполагал майор, никакой торговой делегации в это время в Будапеште не было.

— Проводили? — улыбаясь, спросил майор у возвратившегося старшего лейтенанта.

— Так точно... Ну и язычок! Его нужно зазывалой на какой-либо аттракцион в Видам-парк.* Народ бы валом повалил.

— Это верно. Предложите директору парка... А теперь, прошу вас, приведите ко мне Мереи. Возможно, он что-либо знает.

Но Мереи знал очень мало.

— Разрешите сигаретку, господин майор, — попросил он и потянулся своими старческими склерозными пальцами к портсигару, лежавшему на столе.

Глубоко вдохнув дым, он ответил на поставленный вопрос:

— Должен ли был кто-либо ко мне приехать? Кто их знает! Судя по тому, что Си-Ай-Си за свои деньги требует работы, видимо, должен был. Но кто именно, не знаю, чистосердечно говорю, не знаю. Вы же сами убедились, господин майор, что я выложил все, что знал. А про это, поверьте моему честному слову, ничего не знаю.

Майор поморщился. Этому старому облезлому хищнику никак не шла роль невинного барашка. Но Мереи

---

* Видам-парк — городской парк, где собраны многочисленные увеселительные аттракционы. Любимое место отдыха жителей Будапешта.

действительно мог ничего не знать о сегодняшнем посетителе. Зато он должен знать другое.

— Послушайте, Мереи, — сказал Ковач. — Я вам не буду ничего обещать. Вы сами прекрасно понимаете, что за свои преступления должны получить по заслугам. Но если вы ничего от меня не укроете, понимаете, ничего, — подчеркнул он, — постараюсь облегчить вашу участь. А теперь слушайте.

Мереи уселся поудобнее. Его длинное лицо приняло выражение сосредоточенного внимания.

— Вас хотели использовать для не совсем обычного дела. Вы умолчали об этом на допросе.

От майора не укрылось, что старик вздрогнул. В его мышинных глазках, забежавших по сторонам, мелькнула тревога.

— Говорите же.

Мереи молчал.

— Вы согласились участвовать в нем?

Тот беспокойно заерзал на стуле.

— Нет, нет! Что вы, господин майор, — забормотал он. — Об этом и речи не было. Очень прошу вас, я во всем признался... А чего не было, того не было. Да я бы на такое дело ни за что не пошел.

— Подбросили бы еще пару тыщенок, вы и родную мать продали бы... Говорите, что вам известно, — строго приказал майор.

— Я знаю только то, что говорил мне Уоллис, — глухо произнес Мереи. — Когда я в последний раз виделся с ним, он был пьян. Ругался, пытался даже ударить меня, а потом крикнул: «Все, что было до сих пор, это не работа. Вот скоро будет настоящая работа. Слышал про «К-6»? Ха-ха! Мощнейшая штучка! Люди мрут пачками. Всеобщее недовольство. Бунты... Ты проведешь это дело, и тебе на том свете будет обеспечено место рядом с сатаной». И захохотал. А затем, видно, спохватился и давай вертеть обратно. Хотел все обратить в шутку. Но я понял — это серьезно... Вот и все, что я знаю. Хотите — верьте, хотите — нет... Разрешите еще одну сигаретку, господин майор...

Мереи увели. Майор Ковач остался в своем кабинете. Дьярош, ожидавший в соседней комнате, принялся за чтение «Молодой гвардии». Он прочитал не менее пятидесяти страниц, прежде чем Ковач вызвал его к себе.

Дьярош вошел в кабинет. Майор стоял у окна. Тяжелая портьера была отдернута. На улице уже светало. Лицо Ковача показалось Дьярошу посеревшим и очень усталым. Лишь в глазах попрежнему светились неугоми-мые молодые огоньки.

— Засиделись сегодня мы с вами, Бела.

«А вчера? А позавчера?» — хотел было спросить Дьярош, но сдержался. Майор мог подумать, что он жалуется на трудности.

— Сейчас идите отдыхать, — сказал майор. — А завтра нужно выяснить, нет ли среди иностранных гостей на конгрессе сторонников мира людей, схожих с посетителем Мереи. Если есть — проверьте, зарегистрировали ли они свои паспорта.

— Слушаюсь, товарищ майор!

ПУТЬ ПРЕДАТЕЛЯ

Было время, когда Миклоша Сореньи звали просто Мики, и он вместе с толпой своих сверстников босиком носился по тихим улицам будапештского пригорода Ракошсентмихая. Мальчик не был ничем примечателен: в меру шумлив, в меру назойлив, в меру веснушат и вихраст. Правда, Мики настойчиво пытался верховодить среди ребят своей улицы. Но эти попытки не приносили ему ничего, кроме синяков и шишек. Мальчишки никак не хотели признавать его превосходство и выбирали себе других главарей.

Борьба за власть кончилась тем, что Мики окончательно рассорился с товарищами и избегал выходить из дому. Мальчик пристрастился к чтению. Один за другим глотал он уголовные романы Эдгара Уоллеса и Филлиппа-Оппенгейма, бесчисленные выпуски всевозможных натпинкертонов, шерлокхолмсов и никкартеров.

Отец Миклоша, старый министерский чиновник, всю жизнь страдавший от недостатка образования, поглаживал сына по голове:

— Читай, мальчик, читай... Книги — лучшие друзья человека.

Он не понимал, что бывают разные книги.

Закончив с грехом пополам гимназию, Миклош вступил в жизнь. Он устроился в конторе одного из будапештских заводов. Юноше, жаждавшему приключений и

славы, быстро наскучила кропотливая конторская работа. Он считал, что его обошли, и ждал только случая, чтобы проявить себя в полную силу.

С Миклошем сблизился молодой коммунист-подпольщик — Дьердь Прохаска. Он также работал в заводской конторе и обратил внимание на скромного сослуживца. Прохаска дал Миклошу прочитать одну книгу, затем другую, потом предложил посетить интересное собрание:

— Будут говорить умные люди. Ты кое-что поймешь...

Миклош с радостью согласился. Вот как раз то, чего ему не хватает! Тайные сходки, борьба с полицией, опасности, приключения...

Но после нескольких месяцев работы в подполье он пришел к выводу, что это почти так же скучно, как служба в конторе. Не знаешь никого, кроме нескольких членов ячейки, да и те простые рабочие, разносишь по убогим жилищам листовки, собираешь какие-то несчастные филлеры* для политзаключенных. Вот и все!

Он твердо решил порвать с коммунистами. Пусть сами устраивают свою революцию!

Но судьба рассудила иначе. Однажды, когда Миклош, вернувшись с завода, завалился на диван в гостиной и принялся за чтение очередного криминального романа, в дверь громко постучали. Это была полиция. Учинив в квартире форменный разгром, полицейские ушли, захватив с собой и Миклоша.

Приключения начались совсем не так, как ожидал Миклош. Охранник со скучным лицом привычно стукнул арестованного кулаком по шее и сказал двум другим коллегам по ремеслу:

— Для начала посадите ему эти белые штучки.

Миклош схватился руками за рот. Его прекрасные зубы, которыми он так гордился!

А охранники заломили ему руки за спину и повалили на пол. Один из них уже занес над его головой свой кованый железом сапог...

— Нет, нет! Не надо! — что было мочи завопил Миклош и разразился рыданиями.

Охранники переглянулись и подняли его с пола...

Миклошу удалось спасти свои прекрасные белые

---

* Филлер — денежная единица.

зубы. Правда, взамен ему пришлось выдать на расправу хортистской полиции своих прежних друзей по ячейке. Но он считал, что это вовсе не такая уж дорогая цена. У него действительно были чудесные зубы. Мать всегда говорила, что им вообще нет цены.

С того дня Миклош стал платным агентом полиции. Для отвода глаз его подержали несколько месяцев в тюрьме, потом судили и оправдали «за недостатком улик». Миклош вернулся в свою контору на заводе, окруженный ореолом мученика.

За сравнительно короткий срок он сумел провести несколько актов предательства, сделавших его одним из самых ценных секретных агентов полиции. Наиболее удачным он сам считал «типографское дело». Ему удалось не только провалить подпольную коммунистическую типографию, но к тому же еще набросить черную тень подозрения в предательстве на ни в чем не повинного человека.

Особых угрызений совести Миклош не испытывал. Он понимал, конечно, что делает далеко не похвальные вещи. Но ведь его заставили — оправдывал он себя. Такова жизнь, ничего не поделаешь! К тому же охранка хорошо платила. Миклош получил возможность пользоваться некоторыми благами бытия, о которых раньше не мог и мечтать.

Начались испанские события. Миклош оказался в Испании с заданием узнать имена бойцов венгерского батальона имени Ракоши. Это было нетрудно. Все в батальоне хорошо знали друг друга. На передовую Миклош, разумеется, не рвался. В качестве бойца хозяйственного подразделения он постоянно находился в глубоким тылу и добросовестно занимался вопросами обеспечения фронтовиков чистым бельем.

Никто его не беспокоил. Лишь на Эбро, в 1938 году, хозяева напомнили ему о себе. Миклошу пришлось позаботиться о том, чтобы в нужный момент взлетел на воздух склад боеприпасов. Впрочем, это вполне совпало с его собственными желаниями. Он считал республиканцев безумцами, не понимал, почему они так яростно сопротивляются. Раз игра проиграна, то нужно ее поскорей кончать.

Перейдя испано-французскую границу, Миклош вместе с другими бойцами интернациональной бригады был

интернирован. Сначала испанские бойцы находились в концлагере на юге Франции, а затем лагерь перевели во Французское Марокко.

И тут в течение ряда месяцев Миклошу пришлось испытать и голод, и жажду, и тяжелый труд под палящим солнцем. Правда, он несколько раз оказывал мелкие услуги пэтеновской администрации лагеря, за что пользовался известными льготами (другие заключенные о них, разумеется, ничего не знали), но все же пребывание в лагере было для него настоящим мучением. Миклош считал, что этим искупил все свои прежние прегрешения. Он дал себе слово после освобождения из лагеря начать новую, честную жизнь. Но получилось по-другому.

В 1943 году узники были освобождены высадившимися в Северной Африке американскими войсками. «Освобождение» заключалось, главным образом, в том, что прежнюю французскую стражу сменили рослые американские МП с автоматами в руках. Когда же заключенные запротестовали, новый комендант лагеря успокаивающе сказал:

— Я вас прекрасно понимаю, ребята. Но прошу, терпите еще несколько дней. Мы должны выяснить, куда вас направить.

Несколько дней затянулись на месяцы. По-прежнему заключенные, или как их сейчас называли — освобожденные, уходили на работу с самого раннего утра. По-прежнему поздним вечером, уставшие до смерти, возвращались они обратно.

Однажды Миклоша вызвали в администрацию лагеря.

— Подпишите эту бумагу, — без длинных вступлений предложил американский майор.

Миклош прочитал текст и возмутился:

— За кого вы меня принимаете? Я коммунист!

— Но ведь это не мешало вам работать в хортистской полиции, — ехидно заметил майор. А затем приказал:

— Поедете в Париж, а оттуда вернетесь в свою Венгрию. Вам привалило счастье: вы нам нужны.

В Венгрии Миклоша, как старого коммуниста-подпольщика, приняли с распростертыми объятиями. Страна начала залечивать тяжелые раны, нанесенные войной. Преданные, энергичные люди требовались повсюду.

Миклош получил назначение в крупную прогрессивную кинопрокатную фирму «Глобус». Он стал заместителем директора и с головой окунулся в работу.

Но вскоре его потревожили. Это произошло на одном из приемов, устроенном для представителей местной и заграничной печати министерством иностранных дел. К Миклошу подошел седоволосый высокий мужчина с благообразным лицом.

— Джон Ридер, американский пресс-атташе, — представился он.

Завязался разговор, во время которого американец показал себя неплохим знатоком венгерского киноискусства. Прощаясь, он сказал Миклошу:

— Мне бы очень хотелось, господин Сореньи, продолжить наш интересный разговор. Может быть, вы сможете навестить меня завтра в посольстве?

Миклош попробовал увильнуть, сославшись на занятость.

— Все же я прошу вас зайти, настоятельно прошу, — повторил американец. — Мне нужно передать вам привет от ваших знакомых по Алжиру, — многозначительно добавил он.

От такого любезного приглашения Миклош никак не мог отказаться.

В своем кабинете Ридер сбросил маску. Тонем, не терпящим возражений, он приказал Миклошу начать «настоящую работу». Миклош стал оправдываться. Ведь он кое-что уже сделал, например, саботировал массовый прокат советских кинофильмов. Но Ридер, сжав губы, прошипел:

— Я вам о деле говорю, а вы мне о разной чепухе. На носу война, а вы все еще с кинопленкой воюете... Вот вам задание: выяснить численность и вооружение советских войск, расположенных в...

Он назвал пункт.

— А потом я вас свяжу с кое-какими влиятельными людьми. Будете работать по их указаниям. Понятно?

Задание было не из легких. Потребовалось много времени, чтобы его выполнить. И это было для Миклоша счастьем. Ибо как раз в то время разоблачили империалистических агентов, пробравшихся на ответственные должности. Миклош обливался холодным потом, когда

думал о том, что могло с ним произойти, если бы Ридер связал его «с кое-какими влиятельными людьми».

Миклош выполнил еще пару опасных поручений Уоллиса (последний приехал вместо Ридера, которого отозвали из Венгрии), а затем ему было сказано, что его некоторое время оставят в покое. Пусть занимается кинопрокатными делами и укрепляет свое положение в партии.

Прошло несколько месяцев. Миклош стал директором «Глобуса». Дела его шли в гору. Он был способный работник, его уважали и ценили сотрудники и начальство. Миклош хорошо зарабатывал, имел молодую, красивую жену и втайне надеялся, что его хозяева за более важными делами позабудут о нем.

Он глубоко заблуждался...

Утром шестнадцатого числа, едва только Сореньи успел войти в свой директорский кабинет, зазвонил телефон. Сдернув на ходу плащ (на улице шел дождь), он снял трубку.

— Слушаю.

— Товарищ Миклош Сореньи? — спросили по-немецки.

Сореньи насторожился.

— Да, я.

— Это говорит Макс Гупперт. Я приехал из Вены на конгресс сторонников мира. Друзья поручили мне посоветоваться с вами о возможностях проката в американской зоне Австрии короткометражных фильмов о достижениях вашей страны.

У Сореньи неприятно засосало под ложечкой. Но все-таки он еще не был полностью уверен...

— Мне очень жаль, но я уезжаю сегодня в недельную командировку.

— А я настоятельно прошу вас принять меня во второй половине дня... Поверьте, что лишь самые неотложные дела заставляют меня беспокоить такого занятого человека, как вы.

Это был пароль.

— Ладно, — произнес Сореньи. — Жду вас в пять часов вечера.

Он сжал голову руками и глухо застонал. Старое начиналось сызнова. Американская разведка прочно держала его в своих цепких лапах.

Вошла секретарша с записной книжкой в руках. Директор с утра отдавал распоряжения на день. Сореньи поднял голову и провел рукой по лицу.

— Вы больны, товарищ директор? — участливо спросила девушка.

— Нет, Пирошка... Просто устал. Ведь столько времени не был в отпуску... Пишите...

Он начал диктовать.

— Товарищ директор, — сказала секретарша, когда Сореньи закончил. — С четырех до шести вы проводите занятия в нашем политкружке. Не забыли?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, не забыл. Но занятия придется перенести на другой день. Сегодня в пять ко мне придет один товарищ договариваться насчет проката наших кинофильмов в Австрии... Кстати, позаботьтесь о ликере и кофе.

СВИДАНИЕ БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ

Отпустив такси, Корнер присел на скамеечку в скверике у Национального театра. Он чувствовал себя прескверно. Совершить такую серию глупостей! Ведь любая из них непростительна даже для начинающего.

Зачем он стукнул мальчишку? Надо было соврать ему что-либо и уйти подобру-поздорову. А уж если бы галчонок пошел вслед, то выбрать укромный уголок и тогда разделаться с ним наверняка.

А этот наем такси? Идиотский поступок! Ведь если доберутся до шофера, тот сумеет довольно основательно описать его наружность...

Корнер вспомнил, как в свое время он до слез смеялся над незадачливым британским военным атташе, который, вырядившись в рваный полушубок и поношенные ботинки, отправился фотографировать какой-то объект в Москве и с треском провалился. «Ну и болван этот генерал Хилтон, — хохотал Корнер. — Он, видимо, вообразил себя новым Лоуренсом. Нет, Интеллидженс сервис* положительно мельчает».

А теперь сам Корнер поступил не менее опрометчиво, чем его английский коллега. Хуже того. Хилтон имел дипломатический иммунитет. Почтенный генерал отде-

---

* Интеллидженс сервис — английская разведывательная служба.

лался только испугом. А если попадется он — то конец. Кто он такой? Неизвестный, с паспортом австрийца Макса Гупперта в кармане. К тому же еще этот портсигар... Корнера не спасет даже американское гражданство. Да и бесполезно будет упоминать об этом.

Нет, хватит! Это в последний раз. Если все сойдет благополучно, то больше его не соблазнят никакие чины и никакие премии. Пусть этим делом занимаются дураки. Лучше обойтись без премиальных, но зато остаться с целой шкурой. Нужно брать пример с Мерфи. Он умница! Руководить действиями других чертовски интересно. Переставляешь, как фигуры на шахматной доске. И никакого риска.

Корнер явственно представил самого себя заурядной фигурой на огромном шахматном поле. Мерфи сделал им свой очередной ход и объявил шах. Полковник уверен в успехе и довольно потирает руки. Но что, если его противник еще более опытный игрок? Не полетит ли фигура с доски?

Темнело. На улице Ракоци зажглись гирлянды ярких фонарей. Мимо скверика по направлению к Дунаю то и дело проносились переполненные трамваи. Все стулья на помостах у многочисленных кафе заняли посетители. Официантки едва поспевали разносить чашечки «эспрессо» — густого, черного кофе. Много нарядных людей собралось и у подъезда театра. Видно, скоро должен был начаться спектакль.

На скамеечку, где сидел Корнер, присела пара. Она, живая, высокая блондинка, горячо рассказывала о чем-то своему спутнику, задумчивому кареглазому юноше с копной вьющихся волос.

«Студент, — мысленно усмехнулся Корнер. — Этих сразу опознаешь, в любой стране».

Но юноша провел рукой по голове, приглаживая волосы, и Корнер увидел его мозолистую ладонь.

«Нет, рабочий», — с досадой отметил он и резко встал.

До гостиницы было совсем недалеко. Но Корнеру не хотелось идти по центральным улицам, заполненным толпами веселых, улыбающихся людей. Он решил пойти в обход. В темных, пустынных переулках он чувствовал себя гораздо лучше. Здесь никто не мешал ему думать.

Мысли Корнера снова вернулись к мальчишке. Весьма возможно, что контрразведка уже знает о происшествии на улице Алдаш. Но венграм потребуется много времени, чтобы докопаться до истины. Если даже они каким-нибудь образом и сумеют установить, кто именно спрашивал Мереи, то и это им мало поможет. Ведь он — Макс Гупперт, гость из Вены! А пока они будут наводить справки, предполагать, искать, он окажется вне пределов их досягаемости. Послезавтра ночью его уже не будет в Венгрии.

Корнеру вдруг стало весело. Черта с два они его поймут! Сорок восемь часов — слишком короткий срок.

Но меры предосторожности все же принять не мешает. В первую очередь нужно немедленно пристроить портсигар. Глупо таскать его в кармане по всему Будапешту.

Придя в свою комнату, Корнер не стал зажигать света. Тщательно обернув портсигар тонкой, но крепкой ниткой, он высунулся в окно и внимательно посмотрел по сторонам. Прямо под ним был ярко освещенный подъезд гостиницы. Над подъездом висела огромная железная вывеска — «Континенталь». Корнер стал быстро опускать портсигар. Секунда — и тот скрылся между стеной и вывеской. Оставалось только незаметно прикрепить конец нитки к наружной стороне подоконника.

Все. Портсигар спрятан надежно. Теперь можно подумать над тем, как провести сегодняшний вечер. В Вене ему рассказывали, что на окраине Буда есть веселый ресторанчик. Как он называется? Кажется, «Золотая утка»...

Но навестить «Золотую утку» не удалось. Пришел Шандор Надь и потащил его с собой на какой-то скучнейший банкет, где даже и выпить прилично не дали. Что за скверная привычка у этих миротворцев: вместо доброй порции спиртного угощать речами с десятками всевозможных «измов»!

Потребность в алкоголе Корнер удовлетворил лишь в гостинице. Ночью он спал довольно спокойно. Но под утро его стали мучить кошмары. Бесконечное шахматное поле... Он сам скачет на коне, но почему-то всё по черным клеткам. И вдруг слышится громовой голос: «Берегитесь! Берегитесь!»

После завтрака Корнер подробно обдумал план даль-

нейших действий. Довольно глупостей! Теперь каждый его шаг должен быть точным и безошибочным.

Итак, на Мереи надо поставить крест. Значит, придется обращаться к Миклошу Сореньи. Корнер припомнил все, что о нем рассказывал Мерфи: директор кинопрокатной фирмы, партиец...

— Используйте его лишь в самом крайнем случае, — приказал полковник, сообщив Корнеру пароль. — Этот человек представляет для нас особую ценность. Он отлично засекречен.

Корнер имел все основания считать, что «самый крайний случай» наступил. Поэтому он, недолго думая, отыскал в списке абонентов нужный номер и позвонил.

Нельзя сказать, что он остался доволен телефонным разговором с Миклошем Сореньи. Виляет хвостом, пытается отвертеться — так определил Корнер поведение директора «Глобуса». Придется основательно нажать, чтобы добиться своего. Но это неважно. У Корнера достаточно данных, чтобы принудить Сореньи к подчинению.

А что, если Сореньи снюхался с контрразведкой? Случаи, когда люди, попавшие в сети американского шпионажа, раскаявшись, помогают потом разоблачению своих хозяев, не так уж редки. Но нет, нет! Миклош Сореньи уже десятки лет предает коммунистов. Такие преступления красные не прощают. Для него нет пути назад.

Однако осторожность — первая заповедь разведчика. Поэтому Корнер решил пойти к Сореньи без портсигара. Тогда даже если задержат, ему нельзя будет предъявить никаких обвинений. Австрийский гость конгресса сторонников мира пришел к директору кинофирмы поговорить о возможностях показа в Австрии венгерских фильмов. Что здесь предосудительного? Известно, в каких тяжелых условиях находятся борцы за мир в американской зоне Австрии. И разве удивительно, если они обращаются за помощью к своим венгерским братьям! Откуда он знает пароль? Какой пароль, что за чушь! Он просто сказал первые пришедшие ему в голову слова. Он не виноват, если Миклош Сореньи связан с иностранной разведкой и пытается оклеветать честных людей, гостей Венгерской народной республики.

Корнер ухмыльнулся. Попробуй, докажи, что не так! Без десяти минут пять Корнер медленно прошелся по

улице, на которой находилась кинофирма. Он внимательно осмотрел нужный ему подъезд, противоположную сторону улицы, однако ничего особенного не заметил.

Движение было оживленным. Люди шли по своим делам, некоторые заходили в подъезды. Никто не задерживался на улице, не останавливался подозрительно долго у витрин магазинов. Корнер пришел к заключению, что за «Глобусом» нет никакой слежки.

Ровно в пять он зашел в комнату секретаря директора фирмы. Здесь за рабочим столом сидела молодая белокурая девушка. При виде Корнера она поднялась с места.

— Директор вас ждет.

Миклош Сореньи вышел навстречу иностранному гостю и крепко пожал ему руку.

— Очень рад познакомиться с вами, — сказал директор. — Как раз только что я прочитал в газете о вашем подвиге. Да, да, не пытайтесь спорить! Провести в американской зоне такую большую работу в защиту мира — это подвиг... Садитесь, прошу вас. Пирожка, кофе! — сказал он секретарше.

Опытный глаз Корнера сразу подметил растерянность, сквозившую в хлопотливых движениях директора. Не укрылись от него и быстрые изучающие взгляды, которые Сореньи украдкой бросал на своего гостя.

Корнер понял, что имеет дело с человеком далеко не храброго десятка. Тем лучше! Его не придется долго уговаривать. Нужно только покрепче припугнуть.

Пирожка хлопотала у кофейника.

— Вам с сахаром? — спросила она у Корнера.

— Да, прошу.

На столе появилась пузатая бутылочка ликера, маленькие рюмочки.

Пока девушка находилась в кабинете, Корнер говорил о безработице среди австрийских трудящихся, о постоянно растущих ценах. Сореньи слушал его и поддакивал. Морщинки на лбу директора стали постепенно разглаживаться. «Он начинает надеяться, что я действительно тот, за кого себя выдаю», — догадался Корнер.

Ему эта игра доставляла истинное наслаждение. Поэтому даже после того, как Пирожка вышла из кабинета, Корнер еще долго разглагольствовал о житейских

невзгодах. Сореньи совсем развеселился и надавал ему целый ворох обещаний.

— Дорогой товарищ Гупперт, — сказал он, приложив руку к сердцу. — Все, что будет в наших силах, мы сделаем. Вы можете быть уверены. Я как старый коммунист-подпольщик...

И тут Корнер решил кончать игру.

— Вот-вот, — прервал он директора. — Когда Уоллис рассказывал мне про вас, он особо подчеркнул вашу верность коммунизму с самых юношеских лет...

Сореньи отшатнулся, словно его ударили. Он облизнул языком мгновенно пересохшие губы.

Корнер с интересом наблюдал за директором. Нет, он и цента не дал бы за такого агента. Правда, Сореньи неплохо замаскирован, но зато он совершенно не умеет держать себя в руках. Впрочем, какое ему до этого дело! Нужно побыстрее вручить этой жабе портсигар и выбираться из Венгрии. Дальнейшее его не касается.

— Послушайте, Сореньи, — сказал Корнер тоном хозяина, разговаривающего с приказчиком. — Вы можете гордиться. Вам поручается дело особой важности.

Он рассказал директору о задании.

Миклош Сореньи, ломая пальцы, большими шагами забегал по кабинету.

— Но ведь это же убийство! Убийство! — запричитал он. — За это меня расстреляют... Нет, нет! Я ни за что на это не пойду. Ни за что, слышите! — почти закричал он, остановившись напротив Корнера.

— Тихо-вы, идиот! — Корнер сдвинул руку Сореньи. Тот охнул и упал в кресло. — Вы, наверное, хотите, чтобы белокурый ангел, там, за стенкой, побежал с докладом к вашему партийному секретарю... Послушайте, что я вам еще скажу...

Корнер пустил в ход все свое красноречие. Да, задание не из приятных. Но зато оно совершенно безопасно. Что может быть легче: обработать несколько колодцев в двух-трех деревнях? Притом, откуда он взял, что кто-то должен умереть? Чепуха! Помучаются немного животами, и все. Это просто эксперимент.

Сореньи угрюмо молчал. Он прекрасно понимал, что американец лжет, но ему хотелось верить, что тот говорит правду. Ведь все равно придется пойти на попятную. У него нет другого выхода...

А может быть, лучше покончить с собой? Он содрогнулся. Нет, только не смерть!

А Корнер между тем говорил о том, что это задание будет для Сореньи последним. Шеф прекрасно понимает, какому он подвергается риску, и решил больше не тревожить его. Он и так много сделал. Пора ему, наконец, отдохнуть, подумать о жене, детях.

Разумеется, Мерфи ничего подобного не говорил. Это был обычный прием капитана Корнера. Человеку, считал он, надо дать немного надежды, и тогда он будет послушным и мягким. Точь в точь, как осел, перед мордой которого привязан клок сена. Конечно, следующему, кому придется иметь дело с Миклошем Сореньи, будет не много труднее, но это Корнера не беспокоило. Пусть каждый сам, как может, справляется со своей задачей.

Сореньи, действительно, стало немного легче на душе. Кто их знает, этих американцев! Может быть, они и в самом деле оставят его в покое. К тому же задание — хоть и невероятно грязное — гораздо безопаснее предыдущих.

— А что вы мне сделаете, если я откажусь? — хрипло спросил Сореньи, избегая встречаться глазами с американцем.

Тот удовлетворенно усмехнулся. Дело сделано. Директор совсем готов.

— Не хочу вам портить настроение в такой чудесный день. К тому же вы и сами прекрасно можете ответить на свой вопрос. У вас такой стаж, дай бог каждому... За ваши успехи!

Он вежливо приподнял рюмочку ликера и выпил...

Корнер вышел от Сореньи в радужном настроении. Завтра утром он передаст Миклошу Сореньи портсигар, а вечером — адью Будапешт со всеми его народно-демократическими прелестями. До отъезда оставалось всего — он посмотрел на часы — всего двадцать четыре часа.

На радостях Корнер совсем было упустил из виду, что в половине восьмого начинается заключительное заседание конгресса. Вспомнив про это, он досадливо поморщился. Предстояло прочитать приветственное письмо делегатам конгресса. Неприятная работа, что и говорить!

Он завернул в гостиницу за письмом и на такси помчался на конгресс.

Заседание началось ровно в половине восьмого.

— Слово имеет наш гость из Австрии Макс Гуперт, — объявил председательствующий.

Раздались аплодисменты.

Собрав все силы, Корнер пошел к трибуне.

СТРАННОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ

Бела Дьярош тихонько постучал. Тотчас же в коридоре слышались знакомые легкие шаги. Видно, мать не спала, дожидаясь его возвращения.

— Ты, Бела?

— Да, мама. Открой, пожалуйста.

— Наконец-то, — сердито сказала мать, отперев дверь. — Я уж думала, что ты сегодня опять не придешь. Что там у вас за порядки такие? Человеку отдохнуть не дают.

Бела обнял мать, крепко поцеловал ее. Совсем уже старенькая стала мама. Вон сколько серебра в волосах!

— А ты зачем меня всегда ждешь? Ведь я тебе говорил, что высыпаюсь на работе. У нас там бывают большие перерывы. А у меня в комнате стоит диван...

Мать недоверчиво покачала головой, но больше ничего не сказала. Что толку спорить? Молодежь сейчас стариков даже слушать не желает. А впрочем, кто их знает! Может, они правы. Каждое поколение живет по-своему. Вон и ее мать как причитала, когда она объявила, что выходит замуж за городского, рабочего. «Сотни лет за землю держались, а теперь ты дедовские обычаи нарушаешь. Не видать тебе счастья...» А ведь Имре оказался прекрасным мужем. Они жили душа в душу до самой его смерти.

Нет, лучше уж не мешать молодым. Они сами найдут дорогу. И хорошую дорогу. Ее Бела по плохой никогда не пойдет.

Она села напротив сына и, подперев голову руками, стала наблюдать за ним. Ишь, как уплетает за обе щеки куриный гуляш. Небось, целый день ничего не ел.

Наконец, Бела встал.

— Спасибо, мама... Пойду вздремну немного.

— Немного? Нет, Бела, раньше полудня я тебя из дому не выпущу... А завтра пойду к твоему начальству

и учиню скандал. Да где же это видано?.. Так недолго и здоровье потерять.

Мать не на шутку рассердилась. Она пошла к двери, вытащила ключ и демонстративно сунула его в карман передника.

— Ступай спать! Живо!

В своей комнате Бела разделся и лег. Он знал, что мать стоит у двери и прислушивается к каждому его движению. Посмеиваясь, подумал о том, что снова придется воспользоваться старым, полузабытым способом ухода из дому. Сколько лет прошло с тех пор, как он последний раз ушел этим путем!

Бела дождался, пока мать ушла к себе. Затем он тихонько оделся и, подняв штору, вылез в окно — их квартира помещалась на первом этаже. «Только бы тетя Агнеш не заметила», — весело подумал Бела.

Тетя Агнеш была первой сплетницей в доме и, конечно, о таком событии, как уход старшего лейтенанта Бела Дьяроша через окно собственной квартиры, немедленно оповестила бы всех соседак.

Он быстро зашагал по пустынной, ярко освещенной утренним солнцем улице. Предстояло сделать кучу дел, а времени было в обрез...

Когда майор Ковач в двенадцатом часу пришел в отдел, он по лицу своего помощника увидел, что тот, во-первых, нисколько не спал, а во-вторых, имел важные новости.

— Бела, Бела, — укоризненно покачал головой майор. — Я же вас посылал отдыхать.

— Я, товарищ майор, решил, что лучше сегодня пораньше уйду домой, — с невинным видом сказал старший лейтенант Дьярош.

Майор нахмурил брови.

— Товарищ старший лейтенант! Я вам приказываю сейчас же после доклада отправляться спать... Мне нужен работоспособный сотрудник, а не сонная рыба. Понятно? — добавил он, заметив, что Дьярош хочет возразить. — А теперь докладывайте.

Новостей было много, и они, действительно, были важные. Дьярошу удалось обнаружить среди иностранных гостей конгресса сторонников мира человека, сходного со вчерашним посетителем дома на улице Алдаш.

— Кто же это? — спросил Ковач.

— Австриец Макс Гупперт.

По роду своей работы Ковач привык ко всяким неожиданностям. Однако на сей раз он искренне удивился и с недоверием взглянул на своего помощника.

— Что-то вы путаете, Бела.

— Нет, — уверенно сказал тот. — Это точно так.

— Но вы знаете, кто такой Гупперт?

— Знаю. Борец за мир. О нем писали в газетах. И тем не менее это он вчера был на улице Алдаш.

Дальнейший разговор показал, что старший лейтенант Дьярош уже успел лично повидать Гупперта в гостиничном кафе и убедился, что все приметы совпадают.

Ковач пожал плечами. Все-таки недостаточно оснований, чтобы считать Гупперта и вчерашнего посетителя одним и тем же лицом. Дьярош слишком самоуверен и самонадеян. Впрочем, надо сделать скидку на молодость...

— Никогда не делайте слишком поспешных выводов, Бела, — поучительным тоном начал майор. — Так можно легко ошибиться, а в нашем деле ошибок быть не должно... Ведь вы лично не видели того, кто приходил на улицу Алдаш. А по описаниям третьего лица трудно узнать человека.

— Я тоже так подумал, товарищ майор. Поэтому съездил за шофером такси. Он опознал Гупперта.

Шофер опознал? Это в корне меняло дело. Бела — молодец. Напрасно он о нем плохо подумал.

Дьярош успел сделать и многое другое. Он узнал, например, что Гупперт привержен к алкоголю. В его комнате всегда стоит бутылка палинки.

— А как с его паспортом? — спросил Ковач.

— Паспорт в порядке, — ответил старший лейтенант. — Зарегистрирован в министерстве еще позавчера...

Отослав Дьяроша домой с категорическим приказом хорошенько выспаться, майор Ковач задумался. Странное дело... Неужели Си-Ай-Си рискнуло послать вместо Гупперта другого человека? Грубая работа!

Он послал в городскую библиотеку за подшивкой австрийского журнала «Вельтиллюстрирте». Там месяца два назад был помещен портрет Макса Гупперта, лучшего сборщика подписей под Стокгольмским воззванием в Вене. А вчера в венгерских журналах была опубликована фотография Макса Гупперта, австрийского гостя на

венгерском конгрессе сторонников мира. Что, если сравнить фотоснимки?

Майор почти не сомневался, что увидит портреты разных людей. Тем сильнее было его разочарование, когда принесли австрийский журнал. Между портретами было несомненное сходство.

Значит, на конгресс приехал действительно Макс Гупперт. Но тогда получается, что Дьярош ошибся. Тоже не может быть! Ведь он был с шофером. Впрочем, возможно, что шофер обознался и ввел в заблуждение Дьяроша. Он мог точно не запомнить лицо седока. А по одежде тут ничего не узнаешь. Одинаковые костюмы носят многие.

Майор нервничал, и не без оснований. Он никак не мог придти к какому-либо определенному выводу, а между тем требовалось быстрое и безошибочное решение.

Ковач еще раз внимательно прочитал статью под портретом в австрийском журнале. Ее подписал Киршнер, председатель районного комитета сторонников мира... Не тот ли самый Киршнер? Ну, конечно, он! Здесь так и подписано — Курт Киршнер.

Курт... Майор вспомнил, как вместе с этим австрийским коммунистом организовывал восстание заключенных в гитлеровском лагере смерти. Хороший товарищ Курт Киршнер. И храбрый борец. Когда он с ним виделся в последний раз? Кажется, в 1946 году. Ну да, на съезде бывших политзаключенных в Праге...

А что, если позвонить Курту Киршнеру, поговорить с Гуппертом? Не прямо, конечно, а так, обходным путем. Может быть, удастся узнать важные детали.

Вену дали быстро. Не составило труда также узнать номер телефона комитета, где работал Киршнер. И вот Ковач услышал далекий голос старого товарища:

— У телефона Киршнер.

— Здравствуй, Курт. Это Ковач, Ласло Ковач, помнишь?

— Здорово, дружище, — обрадованно сказал Киршнер. — Как не помнить.

— Нашел я сегодня случайно твой адрес и решил позвонить. Хочется узнать, как живешь...

Они поговорили о том, о сем. Наконец, Ковач осторожно сказал:

— Здесь у нас сейчас один из твоих ребят — Макс Гупперт.

— Да, — прозвучало в ответ. — Лучшего к вам послали. Прекрасный парень!.. Как он там себя чувствует?

— Хорошо. Даже отлично, — добавил Ковач, вспомнив про слова Дьяроша. — У нас здесь весело. Токайское, палинка... Всего вдоволь.

В ответ послышался смех.

— Ну, это не для Макса, — сказал Киршнер. — Он ведь совсем не пьет. Разве только газированную воду... А ты, я смотрю, все такой же шутник, Ласло, каким и был...

После разговора с Веной Ковач почувствовал себя увереннее. Киршнер сказал: «Лучшего послали». Значит, Макс Гупперт заслуживает доверия. Это раз. Его слова о том, что Гупперт интересуется напитками, вызвали у Киршнера смех. Он принял их за шутку. Между тем, Макс Гупперт ведет себя здесь именно так. Это два. Гупперт вчера искал Мереи и избил мальчика, которому показался подозрительным. Это три...

Странное несоответствие!

Логически из всего этого напрашивается вот какой вывод: Макс Гупперт уехал в Венгрию. Уехал, но не приехал. Вместо него приехал другой, такой, который любит выпивать, навещает людей типа Мереи, избивает пионеров...

Но как, в таком случае, объяснить сходство между фотоснимками в журналах? Кто же, в конце концов, приехал на конгресс: Гупперт или не Гупперт?

Майор скомкал бумагу, на которой рисовал, и бросил ее в корзину. Придется отложить на некоторое время решение этой головоломки. Не в ней сейчас главное. Поведение Гупперта подозрительно, и им необходимо заняться. А он ли это или не он — пока особого значения не имеет.

Ковач снял телефонную трубку:

— Товарищ генерал, разрешите к вам... Есть одно небольшое дело.

— Заходите...

Генерал внимательно выслушал Ковача.

— Как сказал Мереи? «К-6»? Любят они замысловатые названия... Возможно, это и есть та самая диверсия, о которой нас предупреждали... Смотрите, не вспугните

птичку раньше времени. Важно взять преступника с личным...

Когда Ковач вернулся к себе, ему доложили, что Гупперт сегодня в пять встретится с директором «Глобу-са» Миклошем Сореньи. Он хочет поговорить о прокате венгерских кинофильмов в Австрии.

Ковач задумался. Сореньи?.. Знакомая фамилия. На него поступало обвинение в предательстве во времена подполья. Но данных было недостаточно...

— Принесите мне из архива дело Миклоша Сореньи, — попросил Ковач.

НОВЫЙ ВАРИАНТ

Полковник Мерфи обожал бульдогов. Мертвая хватка — вот что привлекало его в этих уродливых псах. Когда разговор заходил о собаках, Мерфи, захлебываясь от восторга, мог часами рассказывать чудеса о бульдожьих нравах.

Однажды он так надоел своими разглагольствованиями на собачьи темы генералу Кли, что тот после ухода полковника не совсем осмотрительно назвал его бульдогом.

Мерфи, конечно, немедленно передали об этом.

— Что ж, — улыбаясь, сказал полковник, — бульдог — вовсе не такая уж скверная порода. Правда, он коротконог и неуклюж, но зато какая хватка! Разве можно бульдога сравнить с сухопарой, длинношеей гончей, которая только и умеет бестолково метаться из стороны в сторону?

Это была шпилька в адрес Кли.

Вопреки ожиданиям любителей скандалов, полковник ограничился этим саркастическим замечанием. Вскоре все, в том числе и Кли, позабыли об этой забавной истории.

Не забыл о ней один лишь Мерфи. Он не принадлежал к числу людей, склонных прощать обиды, и мысленно поклялся «свернуть шею долговязому генералу». Но это было не так-то просто. Чтобы осуществить свое намерение, полковник должен был добиться благосклонности своего начальства. Успешное проведение «операции К-6», несомненно, могло бы способствовать этому.

Все складывалось весьма благоприятно. Проведение

операции приближалось к концу. Корнер удачно играл роль Гупперта и должен был уже скоро выехать из Будапешта. У Мерфи не было никаких сомнений, что капитан сумел выполнить возложенную на него задачу. Молодец Гарри! Ему, правда, теперь придется покинуть Австрию во избежание возможных осложнений (сходство с Гуппертом), но уедет он на прекрасную работу в Бонн, да еще к тому же в чине майора. Вчера пришел приказ о повышении Корнера в звании.

Во всем остроумно задуманном плане был лишь один изъян, который беспокоил полковника Мерфи. Как поступить после возвращения Корнера из Венгрии? Как правдоподобно объяснить широкой публике внезапное исчезновение Макса Гупперта? То, что пленник ни в коем случае не включится в игру, было теперь для Мерфи абсолютно ясно. Он уже имел известный опыт и знал, что у таких людей «нет» никакими силами не превратить в «да».

Конечно, можно было предоставить событиям идти своим чередом. «Операция К-6» — то-есть самое главное во всей этой затее — осуществится. Но Мерфи не хотел отступать перед Кли. Раз он сказал генералу, что добьется политического эффекта, — значит, так и будет.

Но как сделать это без участия Гупперта?

Над этим вопросом Мерфи ломал себе голову еще со вчерашнего дня. Он отбрасывал вариант за вариантом, но так за весь день ничего подходящего придумать не смог.

Лишь на следующий день неожиданно родилось решение. Как оно ему раньше не пришло в голову? К черту Гупперта, можно вполне обойтись без него.

Мерфи испытывал необходимость немедленно поделиться с кем-нибудь своей идеей. Эх, был бы здесь Корнер! Он сразу оценил бы всю мудрую простоту этого плана. А пока, за неимением лучшего, придется ограничиться таким молчаливым собеседником, как майор Томсон.

Томсон, по своему обыкновению, явился в кабинет начальника тогда, когда Мерфи уже начал нервничать. Он никогда и никуда не торопился. Полковник указал на кресло.

— Садитесь, Томсон.

Тот, несколько удивленный, осторожно присел. Что такое приключилось с шефом? Ведь он, Томсон, не принадлежит к числу его любимчиков.

— Вы знаете, что произошло с Максом Гуппертом?— спросил Мерфи.

— Повесился в камере... Или застрелен при попытке к бегству, — меланхолично ответил Томсон. Подумаешь— Гупперт! Очень его интересует, что произошло с этим австрийцем.

Мерфи захохотал.

— Да нет, не про этого Гупперта я спрашиваю, а про другого, про нашего.

— А, про Корнера, — догадался Томсон. — Нет, не знаю.

Он чуть оживился. На его бледном лице появилось некоторое подобие румянца. Неужели Корнер попался? Это было бы чудесно. Может быть, шеф тогда стал бы иначе относиться к нему, Томсону.

Но надежда угасла, не успев еще родиться.

— С ним, конечно, ничего не случилось, — сказал Мерфи. — Он завтра сядет в поезд и ночью уже будет на территории Австрии. Но здесь с ним произойдет крупная неприятность. Он исчезнет.

Томсон снова насторожился. Что бы это все могло значить? Мерфи, выдержав эффектную паузу, продолжал:

— Его украдут русские. Они узнают, что он собирается выступить с разоблачениями против венгерской народной демократии. Красные, конечно, этого не смогут допустить. Они похитят его, увезут в свои застенки и замучают до смерти... Вы представляете себе, что будет делаться в печати по этому поводу? Весь мир будет возмущен новым злодеянием красных варваров. Ну, как-во? — самодовольно вскинув голову, спросил Мерфи.

Томсон, наконец, догадался, в чем дело. Он рассыпался в льстивых похвалах.

— Чудесно, сэр, бесподобно! Удивительно, как вы всё так легко придумываете. Найти такой простой выход из довольно, я бы сказал, запутанного положения. Просто: шах и мат!

И озабоченно заметил после этой необычно длинной для него тирады:

— Вот только бы печать снова не подвела, как в тот раз.

Мерфи поморщился, словно ему наступили на мозоль. Что за несносный человек! Вечно не во-время напоминает о всяких неприятностях.

В «тот раз» печать, действительно, здорово подвела. Намечалась операция по похищению одного русского офицера. Причем похищение предполагалось обставить, как добровольное бегство от «коммунистического террора». Было подготовлено соответствующее «заявление бежавшего офицера» представителям «свободной» печати. Это заявление, составленное лучшими специалистами по русским делам и полное страшных «разоблачений», Мерфи заблаговременно передал одному из своих людей в «Винер курир» со строжайшим наказом не опубликовывать до особого распоряжения.

Операция была тщательно продумана. Но похищение сорвалось из-за того, что вмешались проходившие мимо австрийцы, которые вообще не принимались в расчет. Работники Си-Ай-Си еле унесли ноги.

В суматохе Мерфи забыл еще раз предупредить человека из «Винер курир». Щелкопер, жаждавший сделать карьеру на такой сенсации, сунул «заявление» на самое видное место в утреннем выпуске, да еще снабдил его фотоснимком «Наш корреспондент беседует с бежавшим русским офицером».

Произошел страшный скандал. Русские подняли шум, и дело дошло до верхов. Друзья Мерфи постарались все замять. Но все же он получил основательную головомойку.

— Нет, Томсон, напрасно вы так думаете, — сухо сказал Мерфи. — Все будет, как нужно. Печать не подведет, за это я ручаюсь. Вам же надлежит сделать следующее...

Он приказал Томсону сейчас же связаться с инспектором Вальнером. Тому придется завтра ночью выехать на автомобиле за Брук ан дер Лейта и снова остановить курьерский поезд. Корнер, как условлено, будет ехать в шестом вагоне. Его нужно снять с поезда, шепнув при этом, конечно, в чем дело. При «аресте» нужно поднять побольше шуму. Пусть Вальнер и его спутники обменяются несколькими русскими фразами. Основная зада-

ча — создать у пассажиров впечатление, что Гупперта арестовали русские.

— Вот и все. Можете идти.

После ухода Томсона Мерфи еще раз тщательно продумал весь свой план. Кажется, нет никаких пробелов. Впрочем, одно слабое место все же имеется. Общественному мнению будет трудно внушить, что Гупперт собирався выступить с разоблачениями. Откуда это известно? Он вел себя в Венгрии вполне лойяльно, выступил на конгрессе. К тому же он коммунист... Могут не поверить.

А что, если предварительно подготовить публику? Ведь для этого нужно немного. Австрийцы не менее легковерны, чем американцы. Может быть, поместить в завтрашнем номере «Винер курир» заметку?.. Содержание ее может быть приблизительно таким:

«Как сообщают обычно хорошо информированные венгерские источники, вчера на заседании конгресса коммунистических сторонников мира в Будапеште произошел многозначительный инцидент. Советский делегат Попов и австрийский коммунист Гупперт имели между собой громкий разговор, который закончился тем, что русский, указывая на Гупперта, воскликнул: «Он — настоящий оппортунист!» Утверждают, что в ходе разговора Гупперт имел смелость высказать некоторые критические замечания в адрес народно-демократического режима в Венгрии».

И всё. Больше ничего не надо. Эта маленькая заметка сыграет большую роль. Она психологически подготовит австрийцев к последующей сенсации: похищению Гупперта русскими.

Мерфи посмотрел на часы и нажал кнопку звонка. Тотчас же в кабинет вошел лейтенант О'Бриен.

— Вызовите машину. Если будут спрашивать — я в «Винер курир», а затем у генерала Кли...

Мистер Стивенсон из «Винер курир» был хорошо знаком полковнику Мерфи. Они уже не раз встречались на деловой почве. Стивенсон с его огромным красным носом в фиолетовых прожилках и воротником, добела обсыпанным перхотью, был внешне очень малопривлекательным. Зато он любил деньги, не был щепетилен, все схватывал с полуслова и в точности выполнял замыслы Мерфи, вплоть до мельчайших подробностей.

— Интересная информация, — только и сказал он,

выслушав полковника. — Сообщение можно дать в завтрашний номер?

— Было бы очень желательно.

— Минуточку, полковник, я только посмотрю, что у нас идет на первой полосе.

Стивенсон быстро возвратился. В руке он держал длинный лист бумаги.

— Может быть, вы прочитаете это? Только что принято по телетайпу.

Это был краткий отчет Венгерского телеграфного агентства об очередном заседании конгресса сторонников мира. В отчете говорилось и о том, что на заседании выступил австриец Макс Гупперт, зачитавший приветственное письмо венских сторонников мира. Это место было дважды подчеркнуто красным карандашом.

— И что же? — спросил Мерфи, прочитав текст. — Ведь то, о чем я вам говорил, произошло после выступления Макса Гупперта. Русский подошел к нему, когда заседание уже заканчивалось.

Стивенсон, полуопустив веки, хитро глянул на Мерфи и понимающе кивнул головой.

— Ясно. Утром будет в газете.

Мерфи встал и великодушно протянул Стивенсону руку. И тут же пожалел об этом. Ладонь Стивенсона была мокрой и липкой. Полковник сунул руку в карман и незаметно вытер ее о носовой платок.

— Да, Стивенсон, — вспомнил Мерфи, уже подходя к двери. — Еще одна просьба. Я прекрасно понимаю, что наша газета должна снабжаться самой свежей информацией в первую очередь. Мой сегодняшний визит к вам — лучшее доказательство этого. Но мне хотелось бы, чтобы именно эта новость не осталась тайной и для других близких нам газет... Вы меня поняли?

— Конечно, конечно... Можете не беспокоиться. Всё будет так, как вы желаете...

Мерфи приказал шоферу ехать на Опернринг. Ему нужно было поговорить с Кли по неотложному вопросу. Мерфи вообще не любил откладывать в долгий ящик свои решения. А тут еще дело касалось такого важного объекта, как подведомственная ему тюрьма.

Генерал Кли принял Мерфи очень радушно.

— Рад вас видеть, дорогой полковник... Как идут наши дела?

Мерфи вкратце рассказал генералу о ходе событий и о своих планах на дальнейшее.

— Значит, этот... как его?.. все-таки отказался. Нет, красные совершенно неисправимы! — возмутился генерал. — Надеюсь, он получит по заслугам. У вас этот... как его?.. Уоткинс! О нем идет слава, как о чудесном хирурге.

Генерал отрывисто захохотал. Однако, он остроумен. Какая чудесная шутка! Не забыть бы вечером рассказать Дженни.

Но Мерфи не был склонен к шуткам.

— Вот об Уоткинсе я и хотел бы поговорить с вами, генерал, — деловито произнес он.

— Что такое? — удивился Кли.

— Его надо немедленно отправить в Штаты. Были попытки не выполнить мое приказание. Вы понимаете, что это означает?

Генерал пожал плечами. Ничего страшного нет. При нынешнем состоянии воинской дисциплины от подчиненных можно ожидать чего угодно. Что Мерфи так взъелся на бедного Уоткинса? Действительно — бульдог.

Мерфи угадал ход мыслей генерала. «Вот я тебе покажу сейчас, какой я бульдог, — злорадно подумал он. — Хочешь — не хочешь, а придется тебе поступить так, как я желаю».

— В нашей системе нет ничего хуже неповиновения, генерал. Уоткинсу вручена по сути дела бесконтрольная власть над многими заключенными. Такая власть сильно пьянит. Одна только поблажка, и Уоткинс может пойти по пути преждевременного устранения еще нужных нам лиц. Поэтому я настоятельно прошу вас помочь мне подобрать нового начальника тюрьмы. А заодно нужно обновить и весь состав охраны. Они связаны с Уоткинсом одной веревочкой и никого другого, кроме него, не признают... Это очень серьезно, генерал, и я снимаю с себя всякую ответственность за возможные последствия...

— Ладно, если вы так настаиваете, я на днях пришлю к вам полковника Уиллоу, и вы с ним договоритесь о подробностях.

Генерал встал, давая понять, что разговор окончен. Настойчивость Мерфи выводила его из себя.

Но Мерфи не обратил никакого внимания на прозрачный намек.

— Я попросил бы вас, дорогой генерал, не откладывать это дело ни на один день. Может быть, вы можете сейчас вызвать к себе Уиллоу? Мы бы вместе быстро договорились... Поверьте моему опыту, — доверительно добавил он, — Уоткинса и всю команду нужно немедленно заменить. Мы с вами можем иметь из-за них крупные неприятности.

Ничто так не действовало на генерала Кли, как упоминание о возможных неприятностях. Поэтому он тотчас же отдал распоряжение разыскать полковника Уиллоу.

ГУППЕРТ ИСЧЕЗ!

Майор Ковач принадлежал к числу людей, которые ни при каких обстоятельствах не принимают поспешных решений. Таким знали Ласло Ковача в молодые годы его товарищи по работе на заводе «Вейсманфред» в Чепеле. Таким знали его члены заводской коммунистической ячейки, которой он руководил в тяжелые годы подполья. Таким знали Ласло Ковача заключенные барака номер 76 гитлеровского лагеря смерти в Маутхаузене. И многие, которым приходилось с ним встречаться, надолго запоминали спокойного, рассудительного венгерского коммуниста.

Эти качества особенногодились Ласло Ковачу после освобождения Венгрии, когда партия направила его на передний край борьбы с врагами народного государства. На плечах Ковача и его товарищей лежала огромная ответственность. С одной стороны, нельзя было оставлять для врагов ни единой лазейки, используя которую они могли бы осуществить свои гнусные происки. С другой стороны, нельзя было допускать ни малейшего нарушения законности, ибо это могло подчас поставить под удар и невинных людей. Таких работников, которые считали, что можно иногда наносить удары вслепую, по принципу «лес рубят, щепки летят», партия железной метлой выметала из органов охраны государства и строго наказывала.

Однако неторопливость Ковача не имела ничего общего с медлительностью. Наоборот, приняв решение, Ко-

бач развивал кипучую деятельность, чтобы провести это решение в жизнь. Сослуживцы только диву давались, откуда у него такие огромные запасы энергии.

Так было и на сей раз. Уже к вечеру майор Ковач располагал обстоятельными данными о личности Гупперта, о его поведении в Будапеште, его привычках и наклонностях. И чем больше он углублялся в анализ поступавших сведений, тем сильнее становилось в нем убеждение, что роль Гупперта играет кто-то другой.

Все же, верный своему принципу быть основательным всегда и во всем, Ковач решил прибегнуть к еще одной проверке. Он отправился на заседание конгресса сторонников мира. Майор был не один. Его сопровождал смуглолицый мальчик — пионер Фери.

Они устроились в глубине одной из лож для гостей. Зал быстро заполнялся делегатами конгресса.

— Смотри внимательно, Фери. Если увидишь вчерашнего гостя, шепни мне, — тихо сказал Ковач своему маленькому спутнику.

— Можно, я подойду ближе к барьеру? — попросил Фери. — Там будет виднее.

— Нет, не надо. Я не хочу, чтобы тебя заметили.

Мальчик понимающе кивнул головой и, поднявшись на носки, стал внимательным взглядом обводить ряды. Но своего знакомого он не замечал нигде.

— Как будто нет его здесь, — шепнул он майору.

В это время объявили, что слово предоставляется Максу Гупперту. Раздались громкие аплодисменты.

Ковач с интересом посмотрел на мальчика. Узнает ли?

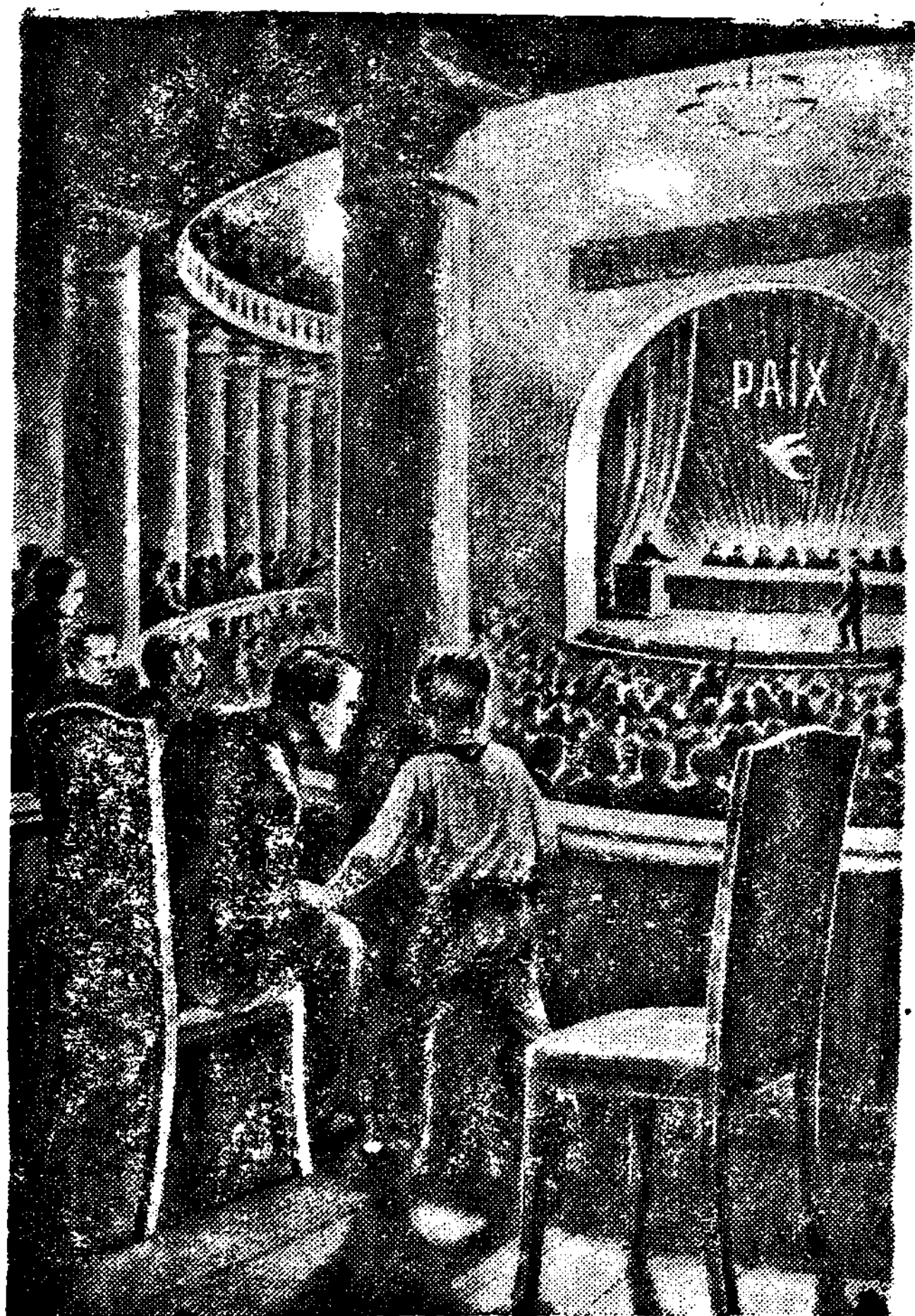
Тот, прикусив губу, провожал взглядом светловолосого молодого мужчину в сером костюме, который шел через проход в центре зала. Когда австриец поднялся на трибуну и произнес первые слова: «Дорогие друзья! Мне поручено венским комитетом сторонников мира...», Фери нагнулся к самому уху майора и прерывисто зашептал:

— Он! И лицо — его, и говорит так...

Теперь для Ковача не оставалось сомнений...

Отправив домой мальчика, Ковач вернулся в отдел. Там он застал Дьяроша.

— Ну вот, сейчас у вас совсем другой вид, — весело сказал Ковач. — Румянец во всю щеку. Сразу видно,

что выпались, как следует. Пойдемте, расскажу вам новости.

В кабинете майор вынул из письменного стола сигарету и с наслаждением вдохнул табачный дым. Ковач редко разрешал себе это удовольствие: врачи запретили ему курить.

Он рассказал Дьярошу о своем разговоре с Веной, о встрече Гупперта с Миклошем Сореньи.

— Самое трудное, Бела, заключается в том, что у нас очень мало времени. Завтра вечером Гупперт, по всей вероятности, собирается уезжать. Он справлялся об отходе поезда. Значит, он постарается уладить за это время все свои делишки.

— Если уже не уладил, — заметил Дьярош.

— Вы думаете? Нет, Бела, в том, что он еще не успел сделать самого главного, я уверен.

— Но почему же, — удивился Дьярош. — Ведь вы сами сказали: Гупперт сегодня встречался с Сореньи. И если тот действительно американский агент, он сразу мог передать ему все, что требовалось.

Ковач сделал глубокую затяжку.

— Не думаю... Вот представьте себя на минутку на месте Гупперта, — пояснил он свою мысль. — Вы должны передать Миклошу Сореньи или другому совершенно незнакомому человеку нечто такое, что может обратиться против вас, если вас накроют. Рискинете ли вы брать с собой это «нечто» уже на первую встречу? А вдруг Сореньи переметнулся? А вдруг это ловушка? Не разумнее ли будет сначала проверить, убедиться, а потом уж идти наверняка, чем подвергать себя неоправданному риску? Как вы считаете?

— Да, — подумав, согласился Дьярош. — Очень логично. Мне кажется, я бы действовал именно так. Но почему вы считаете, что Гупперт должен передать Сореньи нечто материальное? Возможно, он ограничился устным сообщением.

— Возможно, — сказал Ковач. — Возможно, но маловероятно. Во-первых, для устного сообщения не обязательна личная встреча. Во-вторых, мы располагаем сведениями о новой крупной диверсии, подготовленной Си-Ай-Си. А для осуществления этой диверсии требуется «нечто материальное». Понимаете? В-третьих... а в-третьих, уже поступили сведения о том, что Гуп-

Перт снова должен встретиться с Сореньи. Неизвестно только, когда. Поэтому завтра с самого раннего утра нам придется взять Гупперта под контроль.

— Поручите это мне, товарищ майор.

— Вам? А хватит ли у вас опыта? Ведь ваш противник, несомненно, ловкий и опытный разведчик... Впрочем, если желаете, пожалуй, могу поручить и вам, — согласился майор.

Дьярош обрадовался. Наконец-то он примет непосредственное участие в операции.

— Спасибо, товарищ майор!

— Значит, завтра принимайте Гупперта под свою опеку. Начните, разумеется, с гостиницы. О каждом его шаге сообщайте мне. Нужен вам помощник?

— Не нужен, товарищ майор. В гостинице один выход. Второй только для обслуживающего персонала. Там такой цербер стоит — никого ни за что не пропустит. А на улице Гупперт от меня и подавно никуда не скроется.

Майор внимательно посмотрел на Дьяроша.

— Ладно... По крайней мере, держите поблизости автомашину. На случай, если Гупперт воспользуется такси, — пояснил он. — Но имейте в виду, он не должен заметить слежку. Ваша задача только довести его до Миклоша Сореньи и сообщить мне.

— Ясно. Можно один вопрос, товарищ майор?

Получив разрешение, Дьярош спросил:

— Как же вы думаете поступить с Гуппертом в дальнейшем? Ведь ему, собственно, пока нельзя предъявить никаких обвинений... Разве только в избиении мальчика.

Майор наморщил лоб.

— Я еще сам как следует над этим не думал...

Это было не совсем так. Ковач, конечно, уже составил подробный план действий, где всё было тщательно продумано, в том числе и арест Гупперта. Но арест и формулировка обвинения зависели от некоторых обстоятельств, пока еще не вполне ясных. Вот почему Ковач не хотел говорить об этом.

...Еще не было и половины пятого, когда старший лейтенант Бела Дьярош, переодетый в штатский костюм и казавшийся поэтому еще более молодым, с чемоданчиком в руке вошел в фойе гостиницы «Континенталь».

— Простите, пожалуйста, свободная комната у вас есть? — робко осведомился он у портье.

Тот снял очки и с интересом посмотрел на посетителя.

— Нет, молодой человек, сейчас свободных комнат нет. Конгресс сторонников мира и совещание трактористов, — коротко пояснил он. — А вы откуда приехали?

— Из Сомбателя.

— Зачем? — любопытствовал портье.

Дьярош, только и ожидавший этого вопроса, стал рассказывать сочиненную им трогательную историю о том, что он разыскивает свою невесту. Они рассорились по пустякам, и она три дня назад уехала в Будапешт.

Старший лейтенант накануне разузнал, что портье любит романтические истории. И действительно, тот порицающе покачал головой.

— Что же вы так, а? Наверное, обидели девушку, вот она и уехала.

Бела виновато опустил голову.

— Что ж делать... Я теперь готов извиниться перед ней. Вот только где бы мне найти ее. У нее тут тетка живет — Вереш Ференце. А на какой улице, не знаю.

— Можете называть меня дядя Лайош, — разрешил портье. — Меня тут все так зовут... Послушайте, молодой человек, что я вам посоветую.

Дядя Лайош дал ряд практических советов, как нужно разыскивать пропавшую Каталину (так звали невесту бедного парня из Сомбателя). Затем он сказал:

— А насчет комнаты тоже что-нибудь сообразим. Кажется, двое трактористов из Мезекевешда уезжают десятичасовым. Вы уж обождите.

Это как нельзя лучше совпадало с желанием Дьяроша. Он присел у столика для посетителей, стоявшего рядом со стойкой портье.

Гостиница понемногу просыпалась. Прошли на этажи уборщицы с пылесосами в руках; открылось гостиничное кафе. В фойе становилось все шумнее и многолюднее. Дьярош провожал взглядом каждого входящего и выходящего. Гунперт не показывался.

Но вот внимание старшего лейтенанта привлек телефонный разговор. Портье с кем-то говорил по-немецки.

— Сейчас приду... Молодой человек, — поманил он пальцем застенчивого провинциала из Сомбателя. —

Сделайте милость, постоит минутку здесь. Я сбегаю на второй этаж.

Дядя Лайош быстро вернулся обратно. Он широко улыбался, словно увидел нечто очень смешное. Дьярошу не стоило большого труда заставить его разговориться.

— Разные люди бывают, молодой человек, — сказал портье, все еще продолжая улыбаться. — Сколько я их видел на своем веку! И у каждого свои странности. Вот хотя бы этот австриец Гупперт — может, слышали? Как вы думаете, для чего он меня звал?

— Право, не знаю, — стараясь казаться безразличным, ответил Дьярош.

— Позвонил он мне и просил зайти. Я пошел. Постучался, как полагается, открыл дверь. Он лежит в кровати с повязкой на голове и стонет. Спрашиваю: может, доктора позвать? «Нет, — говорит, — не надо. Одна у меня к вам просьба. Закройте меня на ключ, а ключ снаружи торчать оставьте. Ко мне сейчас должны придти корреспонденты из какого-то журнала, а у меня страшно голова разболелась. Не хочется мне сейчас с ними разговаривать. А если они увидят, что дверь снаружи закрыта на ключ, то решат, что меня в комнате нет. Обождут немного, а потом и уйдут»... Мне не жалко. Взял и закрыл.

— А как же он теперь выйдет?

— Тоже проблема! Еще раз позвонит. Я его и выпущу.

Дьярош снова присел у столика. Чего ради вздумал Гупперт закрываться снаружи? Как бы он не ускользнул!

Он посидел еще немного. Но на душе было беспокойно. Улучив момент, когда портье отвернулся, Дьярош шагнул за колонну и поднялся на второй этаж.

Ковровая дорожка заглушала шаги. Дьярош подошел к двери комнаты номер 255, где проживал Гупперт, и прислушался. Все было тихо. Ключ, как и говорил дядя Лайош, торчал в замке. Старший лейтенант осторожно нажал на ручку двери и потянул к себе. Закрыто.

Он медленно пошел к лестнице. Для чего потребовалось Гупперту, чтобы его заперли? В причину, которую указал Гупперт, никак нельзя поверить. Какие еще корреспонденты! Тут, несомненно, кроется подвох.

Не дойдя до лестницы, Дьярош решительно повернул обратно. Нужно выяснить, что делает Гупперт, для чего

заперся. Если австриец действительно спит, он скажет, что ошибся дверью.

Дьярош дважды повернул ключ в замке и рывком отворил дверь.

Комната была залита солнцем. Войдя из полутемного коридора, Дьярош на мгновение ослеп. Когда же его глаза привыкли к свету, он огляделся и... не поверил себе.

Комната была пуста. Гупперт исчез.

Времени для раздумья не было. Дьярош кинулся по черной лестнице к выходу для обслуживающего персонала. Через центральный подъезд Гупперт не проходил — это он знал наверняка.

У выхода во двор стоял бородатый старик с косматыми бровями, нависшими над выцветшими глазами.

— Вам куда? — грозно рявкнул он, загородив выход. — Хода нет.

У Дьяроша отлегло от сердца. Значит, Гупперта здесь тоже не пропустили. Он еще находится в здании гостиницы. Но на всякий случай спросил:

— Так вы же только что пропустили человека.

— Ну и что же? Это иностранец, — прозвучал ответ. — У него разрешение есть от директора. Понятно? — важно пояснил старик.

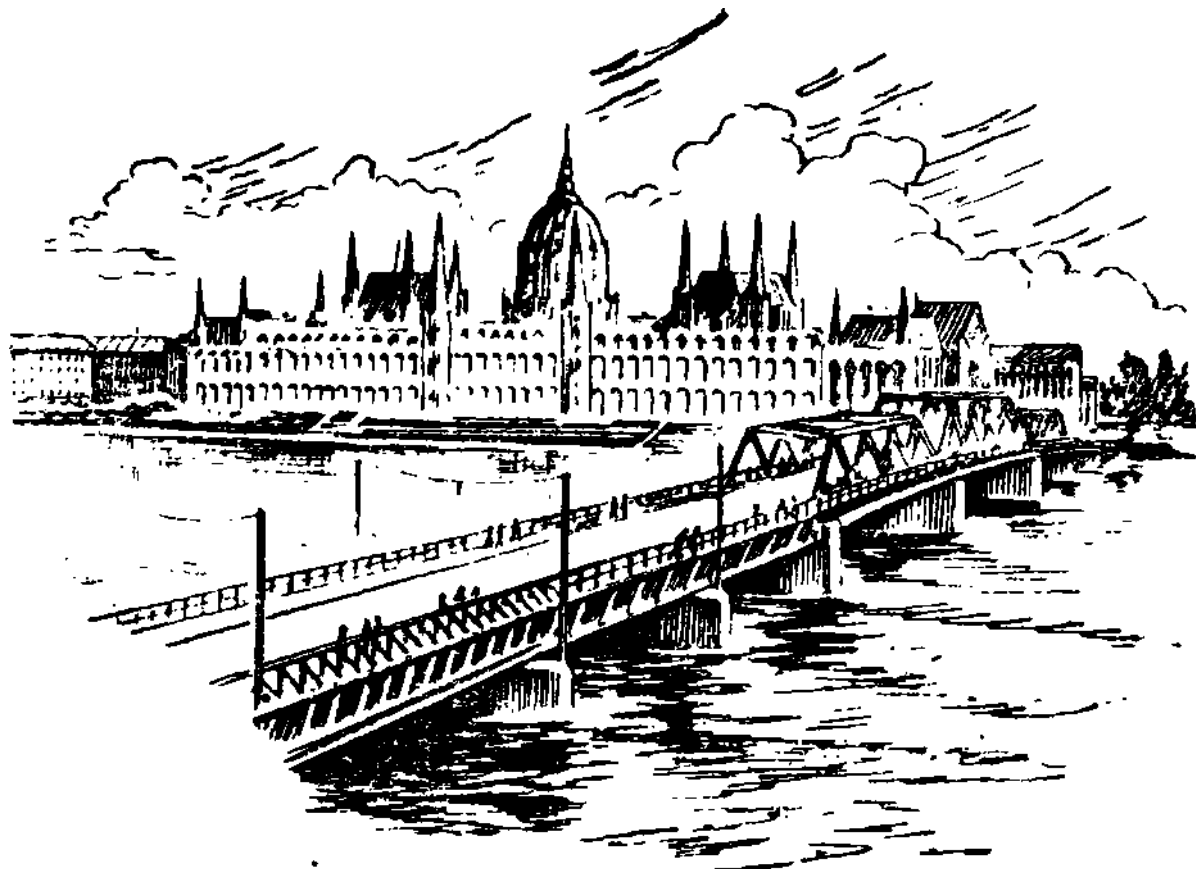
Дьярош только рукой махнул. Эх, упустил!

Он стремглав понесся через коридор, сбежал по лестнице в фойе и кинулся в будку телефона-автомата.

— Товарищ майор, — доложил он срывающимся от волнения голосом. — Меня провели...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Благополучно дочитав приветственное письмо, Корнер стал спускаться с трибуны. Случайно его взгляд упал на одну из лож. В глубине ее мелькнуло смуглое детское лицо. Оно показалось Корнеру знакомым. Усаживаясь на место, он вспомнил: тот самый мальчишка, которого он ударил вчера на улице Алдаш.

У Корнера тотчас же возникло острое чувство тревоги. Вряд ли это случайность, что мальчишка оказался на заседании конгресса. Что ему здесь делать? Видимо, им, Корнером, заинтересовались.

Корнера бросило в жар. Тщетно он пытался внушить себе, что ничего опасного нет, что в распоряжении венгров слишком мало времени, что завтра вечером он уже уедет. Все доводы, которые еще накануне казались ему такими убедительными, теперь, перед лицом непосред-

ственной опасности, выглядели бледными и несостоятельными.

Корнер провел бессонную ночь. Он вздрагивал при малейшем шорохе и все время неотрывно смотрел на дверь, как будто она вот-вот должна была открыться.

Бутылка палинки стремительно опорожнялась. Столь же быстро заполнялась окурками вместительная пепельница. Воздух был сизым от дыма.

Что делать, что делать? Как выскочить целым из этой истории?

Одно для Корнера было совершенно ясно. Он должен передать по назначению портсигар с его страшным содержимым. Иначе... Корнер прекрасно знал и полковника Мерфи и всю систему американской разведки.

Но как доставить Миклошу Сореньи портсигар и не попасться? Ведь придется самому нести к нему эту дьявольскую штуку. А за ним, Корнером, непременно будут следить.

Постепенно рассвело. Комната осветилась первыми лучами солнца. Корнер поднялся с кресла, в котором просидел всю ночь, и повернул выключатель.

Но странное дело: полоска электрического света на ковровой дорожке у самой двери так и осталась. «Откуда она?» — удивился Корнер. Он подошел к двери и нагнулся.

Оказывается, дверь немного не доставала до пола. В образовавшуюся щель падал свет из коридора. Там не было окон, и электричество горело день и ночь.

Корнер провел ладонью по подбородку. Спокойно, спокойно! Кажется, тут предоставляется возможность создать себе полное алиби.*

Он несколько раз повернул ключ в замке. Да, ключ держался свободно. Он снова сел в кресло и детально продумал мгновенно возникший план.

С трудом дождавшись половины девятого, Корнер разделся, повязал себе голову полотенцем и лег в постель. Затем он вызвал портье. Тот, хотя и был удивлен необычной просьбой австрийца, но все же выполнил ее и ушел к себе.

---

* *Алиби* — доказательство невиновности, основанное на подтверждении того, что в момент совершения преступления обвиняемый находился в другом месте.

Корнер вскочил с кровати и стал быстро одеваться. Затем, встав за портьеру, он нащупал на подоконнике нитку. Осторожно перебирая ее в руках, вытянул портсигар.

Корнер подошел к двери, прислушался. В коридоре никого не было. Он нагнулся и быстрым движением просунул ковровую дорожку в щель между дверью и полом. Вооружившись двумя спичками, он принялся раскачивать ключ, стараясь вытолкнуть его из замка. Наконец, раздался приглушенный звук. Это ключ упал на выдвинутую дорожку. Теперь оставалось только вновь втащить дорожку в комнату, и ключ оказался в руках Корнера.

Он вышел из комнаты, запер за собой дверь и оставил ключ в замке.

Выйти незамеченным из гостиницы не представляло особых трудностей. Идти через центральный подъезд, разумеется, было опасно. Но Корнер еще накануне приметил выход для прислуги и решил теперь им воспользоваться.

Со сторожем, стоявшим у дверей, он быстро договорился. Произнес несколько немецких фраз, дважды повторил слово «разрешено» и внушительно потряс над головой своим заграничным паспортом.

Это произвело должное впечатление. Старик снял кепку, низко поклонился и, осклабившись, сказал на ломаном немецком языке:

— Да, да... пожалуйста...

У ворот здания, где помещалась кинофирма «Глобус», стояла автомашина. Несколько рабочих, не торопясь, грузили на нее какие-то пакеты. Больше никого на улице не было.

Корнеру повезло и в другом отношении. «Белокурого ангела» — секретаря директора — не было на работе. Значит, кроме самого Сореньи его никто не увидит.

Он постучал в дверь кабинета.

— Да, войдите... Вы? Так рано?

Миклош Сореньи выглядел совсем больным. Его глаза глубоко ввалились, веки покраснели, нос заострился.

— Да, дорогой товарищ Сореньи! — развязно сказал Корнер. — У меня привычка рано вставать. На свежую голову лучше работается, не так ли?

Он вытащил из кармана портсигар.

— Вот, уважаемый директор, возьмите.
— Что такое? — недоверчиво спросил Сореньи.
— Портсигар, как видите. Но сигареты эти я вам не советую курить...

Корнер разъяснил, что следует сделать и как при этом уберечься от действия «сигарет».

Сореньи тяжело вздохнул. Он осторожно, кончиками пальцев, взял портсигар, тщательно завернул в бумагу и спрятал в ящик письменного стола.

— Но надеюсь, что вы — люди слова, и после того, как я это сделаю, действительно оставите меня в покое.

— Само собой разумеется, — поспешил заверить его Корнер. И добавил: — Вам нужно будет только сообщить нам о выполнении задания.

— Как? — вскричал Сореньи. — Мне снова придется встречаться с вами?

— Со мной или не со мной — не столь важно. С кем-нибудь — обязательно придется... Посудите сами — ведь мы должны знать результаты этого небольшого эксперимента. Кроме того, нужно же передать вознаграждение за вашу дружескую услугу, — подсластил Корнер горькую пилюлю. — Значит, так: в первую пятницу каждого месяца с восьми до девяти вечера вы должны быть в читальном зале столичной библиотеки. К вам подойдут. Пароль: «Простите, товарищ, не у вас ли первый том сочинений Гегеля?». Ответ: «Нет, я читал его в прошлый раз, а сегодня еще не брал»...

Выйдя на улицу, Корнер облегченно вздохнул. Удача улыбнулась ему еще раз. Задание выполнено.

Он возвратился в гостиницу прежним путем. Старик, стоявший на выходе, вращая глазами, что-то пытался ему объяснить. Он даже вспотел от усилий, но Корнер, как ни старался, не смог его понять. На всякий случай он сунул старику десятифоринтовую бумажку и приложил палец к губам. Тот взглянул на банкноту, затем на Корнера и радостно закивал головой:

— Я понимаю, понимаю...

Корнер снова вспомнил про старика, когда подошел к двери своей комнаты. Нужно было, чтобы его заперли снаружи. Раньше он хотел попросить об этом любого из проходящих по коридору. Теперь же решил прибегнуть к помощи сторожа. Если он берет деньги, то на него можно смело положиться.

Он спустился вниз и позвал старика. Тот вначале отрицательно помотал головой, но когда Корнер вытащил из кармана несколько банкнот, с готовностью выполнил все, что требовалось. Корнер вновь оказался в своей комнате, запертый снаружи на два поворота ключа. Он снял телефонную трубку и набрал номер портье.

Дядя Лайош застал Корнера в постели все с той же повязкой на голове.

— Как спалось? — добродушно улыбаясь, осведомился он.

— Чудесно, — ответил Корнер. — И голова почти не болит.

— А вас спрашивали.

— Кто? — насторожился Корнер. Неужели обнаружилось, что его не было в комнате?

— Из будапештского комитета сторонников мира. Сегодня в пять часов обед в честь иностранных гостей. Вас просили быть к этому времени в гостинице. За вами заедут.

— Спасибо. Обязательно буду...

Теперь Корнер ничего не опасался. Алиби у него полное. Портье кому угодно подтвердит, что австриец все утро провел в своем номере...

Ровно в три часа дня Корнер вышел из гостиницы. Он решил сюда больше не возвращаться. Чемодан и плащ для отвода глаз остались в комнате. Если венгры серьезно интересуются им, пусть пороются ночью в его вещах. А он тем временем переедет границу. Билет на экспресс приобретен еще накануне. Об этом, конечно, никто и не подозревает.

Слежку за собой Корнер заметил вскоре после того, как вышел на Главное кольцо. Он попробовал увильнуть, но тщетно. За ним попрежнему следили: незаметно, осторожно, однако настойчиво, не отрываясь. Нужно было во что бы то ни стало избавиться от преследователей.

На углу стояло свободное такси.

— Геделле! — коротко бросил Корнер шоферу, садясь в кабину.

Тот удивленно посмотрел на пассажира: как-никак, Геделле находится на расстоянии тридцати километров от Будапешта. Кроме того, туда каждый час отправляется электричка. Но в конце концов, какое ему до этого дело. Если гражданину некуда девать деньги...

Вскоре они мчались по прямому, как стрела, асфальтированному шоссе. Шофер с удовольствием прибавлял газ. Стрелка спидометра быстро приближалась к цифре «100».

Корнер оглянулся и тихонько выругался. Метрах в двухстах от них шел мощный серый лимузин. Он мог бы легко обогнать такси, но, тем не менее, держался позади.

Значит, улизнуть не удалось. Но не все еще потеряно. Посмотрим, что будет в Геделле. Там есть один двухэтажный дом, очень удобный для того, чтобы отделываться от преследователей.

Корнер хорошо помнил этот дом еще по 1947 году. Заходишь во двор, затем через калитку в заборе попадаешь в следующий двор, и прямо перед тобой конечная остановка электрички... Если только за эти несколько лет там ничего не перестраивалось. Ведь весь Будапешт в строительных лесах.

Все оказалось в порядке. Корнер попросил шофера обождать с полчаса у подъезда. Серой машины не было видно, но он был уверен, что она остановилась где-либо поблизости. Он зашел в подъезд и, минуя лестницу, прошел во двор. Сердце его радостно забилося. Знакомая калитка была на месте.

Через несколько минут Корнер уже сидел в вагоне электрички. Он злорадно усмехался, явственно представляя себе растерянные лица пассажиров из серого лимузина. Пусть теперь джентльмены из контрразведки попробуют отыскать утерянный след!

Когда электричка прибыла в Будапешт, было уже семь часов вечера. До отхода экспресса Бухарест-Париж оставался ровно один час.

Корнер провел этот час на вокзале, в спортивном зале железнодорожников. Зал был пуст, если не считать двух голенастых юнцов, самозабвенно резавшихся в пинг-понг.

Окна спортзала выходили прямо на перрон, и Корнеру было видно, как экспресс с шумом вкатил под стеклянную крышу вокзала. Началась обычная суতোлка. Пассажиры выходили, пассажиры входили. Сновали багажные автокары.

Корнер покинул свое убежище, когда до отправления экспресса оставались считанные минуты. Он отыскал свое купе. Соседом оказался длиннолицый малый в ро-

говых очках. В ответ на приветствие Корнера он невнятно пробормотал нечто среднее между «здравствуйте» и «убирайтесь к черту».

«Американец», — радостно подумал Корнер.

Он опустился на мягкий диван и облегченно вздохнул. Контрразведка, разумеется, уже сообщила о нем в Хедьешхалом. Но пусть пограничники ждут его сколько угодно. До Хедьешхалома он не доедет: сойдет с поезда в Мошонмадьяроваре, свяжется с одним человеком, и тот следующей ночью по тайным тропам проведет его через границу.

«СПОКОЙНОЙ НОЧИ!»

Старший лейтенант Дьярош, сильно волнуясь, доложил начальнику о случившемся. К его удивлению, Ковач не воспринял сообщение как нечто катастрофическое. Наоборот, Дьярошу даже показалось, что на лице майора промелькнула улыбка.

— Значит, говорите, провел вас? — спросил Ковач.

— Так точно! — подтвердил Дьярош.

Этим лаконичным военным ответом он хотел подчеркнуть, что слишком понадеялся на себя, допустил ошибку и готов понести за нее любое наказание.

— Хорошо, что вы так самокритично относитесь к неудаче... Гупперт, видать, тертый калач... Но вы не слишком терзайтесь, Бела, — успокаивающе добавил майор. — Это было предусмотрено.

Дьярош широко раскрыл глаза.

— Я... Я не совсем понимаю. Было предусмотрено, что я его упущу?

Майор рассмеялся:

— Не в том дело. Я хочу сказать, что Гупперт никуда от нас не уйдет. Его пути разгаданы, и как бы он ни ускользал из-под наблюдения, в конце концов снова вынырнет на поверхность именно в том месте, где мы его ждем.

Зазвонил телефон.

— Да... Слушаю... Так, так... Как только выйдет — немедленно сообщите.

Майор положил трубку.

— Итак, Бела, ваш подопечный уже нашелся. Он у Миклоша Сореньи.

Минут через пятнадцать последовало сообщение о том, что Гупперт уже вышел из «Глобуса».

— Прекрасно, — сказал Ковач. — Следуйте за ним, но только не слишком назойливо.

Он встал из-за стола, застегнул китель и надел фуражку.

— Вызывайте машину, Бела. Едем! Теперь наша очередь нанести визит почтенному директору.

Лицо Миклоша Сореньи сделалось серым, будто покрылось пылью, когда в его кабинет вошли офицеры с понятыми. Однако у него хватило выдержки подняться со стула навстречу вошедшим и сказать:

— Здравствуйте, товарищи. Чем могу служить?

— Об этом вы спросите своих хозяев, Сореньи. Впрочем, им тоже вы больше не будете служить, — произнес майор Ковач и положил на стол ордер на арест. — Прощу, ознакомьтесь.

Бумага заплескала в руках у Сореньи.

— Это... это какое-то недоразумение, — чуть слышно пробормотал он.

— Ну, конечно, — усмехнулся Ковач. — В моей практике еще не было случая, чтобы кто-либо при своем аресте не заявлял об этом... Приступайте к обыску, — приказал он своим спутникам.

Портсигар обнаружил Дьярош. Открыв ящик письменного стола, он наткнулся на тщательно упакованный сверток.

— Что здесь, Сореньи? — спросил Ковач.

— П-портсигар...

— Для чего вы его упаковали?

Сореньи промолчал.

— Распакуйте.

Сореньи развернул бумагу.

— Теперь откройте портсигар.

Руки у Сореньи дрожали, и он никак не мог сладить с крышкой. Наконец, она подскочила кверху.

В портсигаре лежало двадцать сигарет. Ничего необычного в них не было: сигареты, как сигареты. Майор Ковач взял одну из них и повертел в пальцах.

— О, здесь что-то твердое.

...Вместе с табаком из гильзы на зеленое сукно стола

выпала небольшая стеклянная ампула. Сореньи отшатнулся от стола. В глазах его отразился ужас.

Ковач бросил на него пронизательный взгляд.

— В лабораторию на исследование... Быстро! — приказал он, передав портсигар одному из офицеров. А затем обратился к Сореньи:

— Что ж, больше вам здесь делать нечего. Придется переменить местожительство...

В отделе Ковачу доложили, что Гупперт уехал куда-то на такси.

— Он заметил слежку?

— Заметил. Потому-то и бросился к такси.

— Теперь пойдет кружить по городу до самого вечера, — рассмеялся Ковач.

Через час стали известны результаты лабораторного исследования содержимого «сигарет».

— Сволочи! — воскликнул Ковач, прочитав бумагу, подписанную экспертами. — Сволочи, — повторил он и с силой ударил кулаком по столу. — Вот ведь на что пошли... Распорядитесь, чтобы ко мне привели арестованного, Бела. И сами заходите сюда. Будете присутствовать при допросе...

Ковач повел допрос не совсем обычным путем.

— Нам еще не все известно о вас, Сореньи, — сказал он. — Но кое-что уже знаем. Скажем, типографское дело. Помните? Или взрыв склада под Эбро и всякое другое.

Сореньи молчал. Губы его дрожали. Все кончено. Если они знают такие давнишние вещи, то спасения нет.

— До сего дня я считал вас в известной степени жертвой слабости. Но теперь... — Майор кивнул в сторону портсигара, лежавшего на столе. — Вы — злодей, который не может рассчитывать ни на малейшее снисхождение.

Сореньи поднял голову. Он не знал, как понимать слова майора. Что это: ловушка или путь к спасению жизни?

— Клянусь вам... — Он старался говорить как можно искреннее: — Клянусь вам, я хотел уничтожить портсигар. Никогда, никогда я не пошел бы на это.

— Как знать... Это очень трудно проверить. А вот скажите: от кого вы получили портсигар?

Говорить? А может, они его испытывают? Майор ска-

зал же, что не все знает о нем. Может быть, у них нет никаких данных о его связях с американской разведкой, и им нужно лишь его признание?

— Я не знаю, кто он такой, — наконец, решился на ложь Сореньи. — Он пришел ко мне сегодня утром. Я его вижу впервые. Низкорослый такой, черноволосый. Угрожал мне пистолетом и потребовал, чтобы я спрятал у себя вот эту гадость. Я завернул портсигар, хотел пойти на мост и бросить в Дунай... Да вот вы опередили меня.

Он развел руками и смолк.

— Что ж, — Ковач прищурил глаз, будто мысленно оценивая сказанное. — Как экспромт совсем недурно. Работа директором кинофирмы вам явно пошла на пользу. Еще несколько лет, и вы вполне могли бы сами заниматься сценариями. Если бы не этот досадный инцидент, конечно... Зря стараетесь, — переменял он тон. — Гупперт совсем не рассчитывает на то, что вы будете его выгораживать. Во всяком случае, он не отвечает вам взаимностью.

Гупперт? Значит, и он...

— Ну как? Будете говорить правду?

— Буду, — глухо сказал Сореньи.

— Давно бы так... Прошу вас, Бела, позовите стенографистку...

После того, как арестованного увели, майор Ковач позвонил генералу.

— Товарищ генерал, Миклош Сореньи во всем признался. Гупперт полностью изобличается его показаниями. Требуется санкция на арест. Материалы представлю через двадцать минут... Да, поезд отходит ровно в восемь.

И только сейчас старшему лейтенанту Дьярошу, присутствовавшему при этом разговоре, стали ясны все действия майора Ковача. Бела понял, почему майор оставил в стороне Гупперта и все внимание сосредоточил на Сореньи. Ведь до сих пор против Гупперта не было никаких улик. Его нельзя было обвинить ни в чем. А теперь Гупперт оказался уличенным показаниями Миклоша Сореньи.

На вокзал они прибыли задолго до отхода поезда. В служебном купе их ждал сотрудник отдела.

— Еще не появлялся, — доложил он майору.

— Что ж, обождем...

Ждать пришлось довольно долго. Экспресс тронулся в путь. Уже давно остался позади вокзал, станция Келленфельд... Наконец, поступило известие:

— Гупперт здесь. Шестой вагон, четвертое купе.

...Когда в купе вошли двое венгров в униформе, Корнер понял: сейчас произойдет самое страшное.

— Макс Гупперт? — спросил пожилой венгр со знаками майора на петлицах. И тут же, не дожидаясь ответа, добавил:

— Именем Венгерской народной республики вы арестованы.

Корнер не оказал никакого сопротивления. Всю дорогу он молчал. И лишь оставшись наедине с майором Ковачем в его кабинете, спросил:

— Может быть, вы все же объясните, что это все значит?

Он говорил ровным, спокойным тоном. В голосе не слышалось ни нотки волнения, одно лишь безграничное удивление.

— Всё в свое время... А пока скажите, товарищ Гупперт, как же ваше настоящее имя?

Арестованный весело рассмеялся.

— Нет, честное слово, такого со мной еще не бывало... Здесь какое-то недоразумение. За кого же вы меня принимаете, дорогой товарищ... э?.. э?..

— Не могу не отдать должное вашим артистическим способностям, уважаемый Гупперт в кавычках. Но отвертеться вам все равно не удастся. Вы ведь знаете некоего Миклоша Сореньи, не так ли?

У Корнера потемнело в глазах. Конец!

— А он, этот самый Миклош Сореньи, — продолжал майор, не давая арестованному опомниться, — не далее как три с половиной часа тому назад признался, что сегодня утром получил от вас сигареты с весьма необычной начинкой.

— Послушайте, но ведь я совершенно не знаю никакого Миклоша Сореньи. И никакого портсигара я ему не давал. Я все утро находился в гостинице. Портье может подтвердить... Все это очень странно...

— Возможно, — не стал спорить майор. — Кстати, откуда вы взяли про портсигар? Я ведь, кажется, упомянул только о сигаретах.

Корнер почувствовал, что тонет. Оставался только один выход, и он ухватился за него, как утопающий за соломинку.

— Больше ничего я вам не буду говорить, — сказал он чуть охрипшим голосом. — Вы меня хотите запутать. Ковач вызвал охрану.

— Отведите арестованного в камеру... Я вам советую, — сказал он Корнеру напоследок, — хорошенько призадуматься над сложившейся ситуацией. Вы, как будто, не новичок и, несомненно, знаете, что добровольное признание в известной степени смягчает наказание... Спокойной ночи и приятных сновидений.

Сопровождаемый стражей, Корнер медленно побрел к выходу.

МЕРФИ ПАРИРУЕТ УДАР

Вошедший плотно прикрыл дверь, повернулся, быстрым движением сорвал с головы пилотку и, щелкнув каблуками, представился:

— Лейтенант Спеллман, сэр!

— Подойдите поближе, лейтенант. Тащите сюда вон тот стул, у окна, и присаживайтесь.

Пока лейтенант устраивался, полковник Мерфи с интересом изучал его. Будущий преемник Уоткинса был здоровенный малый. Выющиеся белокурые волосы и голубые глаза находились в вопиющем противоречии с расплуснутым носом профессионального боксера и тяжелым подбородком.

«Странная помесь ангела с бандитом, — отметил про себя Мерфи. — Не слишком интеллектуальная личность. Ну и наплевать. В конце концов, нам нужен не преподаватель античной культуры для колледжа благородных девиц».

Лейтенант уселся. Он положил ногу на ногу. Его длинные крючковатые пальцы произвольно заплясали по ручке стула.

— Вы знаете, зачем вас сюда вызвали? — спросил Мерфи.

— Да, сэр.

— Прекрасно! Надеюсь, что мы быстро столкнемся, лейтенант...

— Спеллман, Рональд Эрих Мария Спеллман, — под-
сказал лейтенант.

— Спеллман... Ваш отец коренной американец?

— Не знаю, — последовал ответ.

— То-есть, как не знаете?

Лейтенант завопил на стуле.

— Видите ли, мне неизвестно, кто именно является
моим отцом. Мать тоже не знала.

— Гм...

Мерфи поспешил переменить тему разговора. Он за-
глянул в лежавший перед ним листок.

— Здесь сказано, что до армии вы были боксером,
не так ли?

— Был и боксером, — уклончиво ответил лейтенант.
Ему очень не хотелось вдаваться в подробности своей
короткой, но весьма динамичной биографии.

Однако Мерфи добивался именно подробностей.

— В Штатах у вас были какие-то неприятности с
властями, да? — спросил он.

Лейтенант тяжело вздохнул:

— Были, сэр... Из-за красных, провалились они в пре-
исподнюю.

Собственно, никакого отношения к красным неприят-
ности Спеллмана не имели. Однажды ему срочно потре-
бовались деньги. Своих не нашлось. Пришлось обра-
щаться за помощью к согражданам. Это произошло
ночью в темном переулке. Прохожий никак не хотел со-
гласиться с тем, что Спеллмана нужно снабдить безвоз-
вратной ссудой. Он твердо решил не расставаться с не-
сколькими десятками долларов, которые были у него в
кармане. Что же оставалось делать Спеллману? Он вы-
нужден был пустить в ход такой веский аргумент, как
браунинг.

Прохожего отвезли в морг, а Спеллмана — в камеру
для подсудимых. В перспективе явственно вырисо-
вывались контуры электрического стула.

Но тут произошел неожиданный поворот. Убитый
оказался не то коммунистом, не то профсоюзным деяте-
лем. Адвокат, нанятый друзьями Спеллмана, сыграл на
этом. Он представил подсудимого великомучеником, ко-
торого хотели опутать красные. Слушая блестящую речь
адвоката, судьи расчувствовались. Даже прокурор не-

сколько раз протирал очки. Был вынесен оправдательный вердикт.

Спеллман стал героем дня. Его интервьюировали, фотографировали. В довершение всего ему предложили вступить в ряды армии. Он с радостью согласился, тем более, что службу предстояло нести в Европе.

— Расскажите об этих неприятностях поподробнее, — предложил Мерфи.

Спеллман изложил адвокатскую версию с некоторыми новыми подробностями, вычитанными им в последних выпусках «комикс». В итоге получилось не совсем скромно. Лейтенант представлялся в образе чуть ли не национального героя, спасшего Штаты от вражеского нашествия.

Мерфи, пряча улыбку, снисходительно слушал лейтенанта. При всей неправдоподобности рассказа, описание места и способа убийства граничило с профессиональным знанием дела.

«Подойдет, — решил полковник. — Здоровый, жизнерадостный человек. Не то, что истерик Уоткинс с его вечными претензиями на свободу действий».

Он коротко познакомил Спеллмана с кругом его новых обязанностей.

— Оклад у вас будет, примерно, в два раза выше, чем сейчас, — порадовал Мерфи лейтенанта. — Это — кроме премиальных за выполнение особых заданий. Вопросы есть?

— Есть. Когда приступать?

Мерфи рассмеялся. Деловитость Спеллмана чрезвычайно импонировала ему.

— Считайте, что вы уже приступили. Сейчас один из моих офицеров познакомит вас с будущими подчиненными. Мы их уже отобрали. Хорошие ребята, один к одному. Правда, у некоторых были неприятности, вроде вашей, но я думаю, это не помешает. Вы с ними определенно сработаетесь. Ну, пока!

Лейтенант, снова артистически шелкнув каблуками, вышел из кабинета.

Мерфи вызвал майора Томсона.

— Видели в приемной лейтенанта? Это Спеллман. Рональд Эрих и как-то там еще. Он назначен вместо Уоткинса. Представьте его новому составу охраны, гружите всех на машину и — на Нимфенгассе. Уоткинса и

всю его команду сейчас же отправьте в Зальцбург. Об исполнении доложите мне, — Мерфи посмотрел на часы, — в десять часов вечера.

— Но, полковник, — взмолился Томсон, — ведь это через час!

— И что же? Вполне достаточно. Пятнадцать минут на обнюхивание, пятнадцать, — туда, пятнадцать — там, пятнадцать обратно. Итого час.

— А передача имущества, заключенных, составление актов?

Мерфи досадливо махнул рукой.

— Откуда у вас интендантские замашки, Томсон? Какие передачи, какие акты? Заключенные сидят в подземных камерах, имущество тоже на месте. Ничего не надо передавать и принимать. Важно все проделать как можно быстрее и отправить Уоткинса с его головорезами раньше, чем они сообразят, что случилось. Ясно? Выполняйте. И имейте в виду, что мне начинает приедаться вечная возня с вами.

Томсон пулей вылетел из кабинета. Мерфи, покачивая головой, поглядел ему вслед. Удивительный человек! Если его не подстегивать, он может заснуть на ходу.

Полковник зашагал по комнате. Итак, «операцию К-6» можно считать завершенной. Через несколько часов Корнер будет в Вене. А утром газеты поднимут крик о таинственном исчезновении в русской зоне австрийца Макса Гупперта.

Хорошо бы на этом фоне подчеркнуть свою добропорядочность и гуманность. С одной стороны — русские, попирающие все и всякие законы человеческой морали, с другой — джентльмены, по-настоящему уважающие права человека. С одной стороны — похищение, а с другой — ну, скажем, освобождение.

Но кого освободить? Мерфи вытащил из сейфа список заключенных и пробежал его глазами. Как на зло, нет подходящих кандидатур. Ни одного уголовного. Сплошные красные.

А вот этот — Марцингер? Мерфи вспомнил, что обещал передать писателя, с которым так ничего и не удалось сделать, австрийскому суду — за спекуляцию сигаретами. Кажется, об этом даже сообщалось в печати. Дело уже давно состряпано. Марцингер получит, минимум, пять лет.

Отлично! Надо, чтобы сообщили австрийским властям. Тоже будет очень внушительно. В то время, как русские похищают ни в чем не повинных людей, хотя бы этого самого Гупперта, Си-Ай-Си передает задержанных преступников австрийскому суду. Что может быть убедительнее для рядового австрийца?

Правда, за время своего заключения Марцингер кое-что видел. Вероятно, он будет болтать на суде. Но не беда. Против этого есть испытанное средство.

Мерфи тотчас же позвонил в управление американского военного комиссара и сообщил, что дело Марцингера надо назначить к слушанию в австрийском суде.

— Да, в печати объявить можно и даже нужно, — ответил Мерфи на вопрос чиновника... — Публики никакой. Дело придется слушать при закрытых дверях. Нет, нет, не могу разрешить, задеты интересы оккупирующей державы. И еще одно: сразу же после вынесения приговора пусть отправят Марцингера для отбытия наказания в одну из тюрем американской зоны... Разбор дела назначьте на воскресное утро.

— О, это невозможно. Австрийцы будут протестовать.

— Да что вы с ними церемонитесь, — рассердился Мерфи. — Назначьте — и всё!

Они договорились, что передача подсудимого австрийским властям произойдет в здании суда за полчаса до начала судебного заседания.

Закончив разговор, Мерфи удовлетворенно потер руки. Не желал бы он сейчас быть на месте красных! На их головы рушится тройной удар, а они ни о чем не подозревают...

На этот раз Томсон оказался аккуратным. Ровно в десять он доложил полковнику о том, что все сделано.

— Как реагировал Уоткинс? — поинтересовался Мерфи.

— Я думал, придется вязать. Но Спеллман его нокаутировал и уложил в машину.

Полковник рассмеялся. Бедняга Уоткинс, теперь и ему пришлось испытать вкус чужих кулаков.

— А его парни?

— Сразу скисли. В общем, всё благополучно.

— Прекрасно... Томсон, я сейчас прилягу ненадолго. Как только прибудет Корнер, немедленно ко мне.

— Слушаюсь!

Мерфи проснулся от негромкого покашливания. Рядом стоял Томсон. По его лицу полковник понял, что случилась неприятность. Он быстро поднялся.

— Что такое, Томсон?

— Ничего особенного... — промямлил тот.

Полковника взорвало:

— Скорей же, черт бы вас побрал!

— Только что звонил Вальнер, из Брука. Он остановил поезд и все такое... Но... Корнера в вагоне не оказалось.

— Что значит «не оказалось»?

Вместо ответа Томсон развел руками. Мерфи выругался.

— Дурак он, ваш Вальнер, и вы вместе с ним. Пьян был, вот и не нашел Корнера. Залез, вероятно, в другой вагон.

На столе под стеклом лежало расписание поездов. Полковник склонился над ним. Экспресс прибывал в Вену в час ночи. Сейчас было еще только двенадцать.

— Переодевайтесь в гражданское, Томсон — и на вокзал. Надо немедленно предупредить Корнера, чтобы не выходил, пока не разойдутся встречающие. Иначе, чего доброго, его увидит кто-либо из друзей Гупперта, быть может, даже жена, и тогда не оберешься неприятностей.

Полковнику еще и в голову не приходило, что весь его так чудесно задуманный план рухнул.

Он узнал о катастрофе лишь час спустя, когда Томсон ворвался в кабинет и, прерывисто дыша, сообщил:

— Корнер... арестован... венграми.

У Мерфи на мгновение перехватило дыхание. Но он тотчас же совладал с собой и произнес ледяным тоном:

— Вы паникер, майор Томсон. Выйдите вон и выпейте холодной воды! Потрудитесь привести себя в порядок, а затем уж входите с докладом.

Ошеломленный Томсон повернулся на каблуках и вышел. Когда он снова зашел в кабинет, то сумел доложить более или менее сносно:

— Майор Корнер в восемь часов вечера арестован в Будапеште, сэр. Прямо в вагоне поезда.

— Откуда вы узнали?

— От корреспондента «Юнайтед пресс», который случайно присутствовал при аресте. Он считает, что аресто-

ван коммунист Гупперт, чрезвычайно рад этой сенсации и уже послал телеграмму на четыреста слов своему агентству.

— Надеюсь, у вас хватило ума, чтобы не разубеждать его...

— За кого вы меня принимаете, сэр?

— Ладно, ладно, — поморщился Мерфи, — можете идти.

Когда дверь закрылась за Томсоном, полковник обхватил голову обеими руками и глухо застонал. Он привык к неудачам — недаром ведь работал в разведке. Но такого ошеломляющего удара, к тому же на самом пороге триумфа, он еще никогда не получал.

Как же это случилось? Корнер попался! Корнер... Да к черту Корнера, кто он ему, в конце концов, сын или брат? Он попался, он сам, старый дурак, именуемый полковником Мерфи, попался — это посущественнее. Такой провал!.. Теперь ему крышка. Придется подать в отставку. Этот идиот Кли будет торжествовать: «Я говорил, я предупреждал...»

Полковник чувствовал, что задыхается. Его распирала ярость. Один-ноль в пользу красных! Да какое там один-ноль! Десять-ноль! Сто-ноль, тысяча-ноль, черт подери!

Мерфи испытывал неукротимое желание на чем-нибудь излить свою злость. Схватив пачку газет с этажерки, он с размаху швырнул их на пол.

В глаза бросился яркий заголовок в одной из газет: «Инцидент на коммунистическом конгрессе в Венгрии. Австрийский коммунист Гупперт критикует народную демократию».

Что это такое? Ах да, его собственная вчерашняя идея. Боже, каким многообещающим всё это было...

Было?

А что, если...

Мысль была неожиданной, еще очень неопределенной и расплывчатой.

Полковник Мерфи сопоставил обстоятельства:

Корнер — Гупперт арестован. Свидетелем его ареста был американский корреспондент, который об этом протрубит на весь мир.

Австрийская, а следовательно, и вся мировая общественность знают (благодаря ему, Мерфи, находчивости), о

том, что вчера между Гуппертом и советским делегатом произошло столкновение.

Какой же вывод может сделать непредубежденный человек? Только тот, что Гупперт арестован венграми за свои нелестные высказывания по адресу народной демократии.

Совсем неплохо. Но, возможно, венгры вскоре докопаются, если уже не докопались, что собой представляет в действительности этот «Гупперт». Корнер, припертый к стене уликами, может заговорить. Всплывет на поверхность затея с Гуппертом. Да разве только это? Ведь Корнер знает многое, очень многое...

Как отвести удар?

Нужно его предупредить.

Перед мысленным взором Мерфи уже вставляли строки завтрашней передовой в «Винер курир»: «...Вот какая судьба постигает легковверных людей, которые считают коммунизм не кровавым террором, а неким учением о справедливости, равенстве и братстве. Пусть трагедия несчастного Макса Гупперта заставит призадуматься всех тех, которые по своей наивности, легковверности, неопытности тащат коммунистическую колесницу.

Всех волнует сегодня судьба Гупперта. Что с ним будет? Мы не сомневаемся: его ждет гибель. Гупперта, разумеется, обвинят в шпионаже. На процессе он «признается» во всем, а затем закончит жизнь в каком-нибудь застенке...»

Мерфи воспрянул духом. Еще не все потеряно. Родившаяся мысль сулила известную перспективу. Гупперта здесь знают многие. Если разумно повести дело, можно рассорить австрийских сторонников мира. И это будет совсем неплохим реваншем.

— Томсона, Диллингера и Йеля — ко мне немедленно, — приказал Мерфи своему адъютанту. — Затем поедете в «Винер курир» и доставите сюда Стивенсона. А к шести часам утра чтобы у меня был «Тридцать шестой».

— Где... — попробовал было заикнуться рыжий О'Бриен.

— Это меня не касается. Хоть из преисподней, но к шести чтобы был у меня. Не будет — завтра же отправитесь в Штаты.

Угроза подействовала. О'Бриену до смерти не хотелось возвращаться в Штаты. Здесь ему жилось куда веселее.

Еще не было шести, когда «Тридцать шестой» постучался в двери кабинета Мерфи.

— Как живете? — приветствовал его полковник.

Бессонная ночь дурно сказалась на нем. Уголки рта опустились еще ниже, под глазами набрякли багровые мешки.

— Спасибо, господин полковник, так себе...

«Тридцать шестой» снял очки и стал быстро-быстро протирать их носовым платком.

Карл Хор сильно волновался. Случилось, верно, нечто очень серьезное, если он потребовался так срочно.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

Оглядываясь на пройденный путь, Карл Хор не мог с точностью определить, что именно привело его в объятия американской разведки. «Судьба!» — думал он и печально вздыхал.

Однако если бы Карл Хор припомнил и правильно оценил некоторые обстоятельства, которые, как ему казалось, играли незначительную роль, он перестал бы сетовать на мифическую особу, именуемую судьбой. В самом деле, при чем здесь судьба, если Карл Хор сам, зажмурив глаза, добровольно полез в шелковую петлю, уготованную ему разведчиками.

В мальчишеские годы Хор дружил с Максом Гуппертом. Макс был не намного старше его, но гораздо взрослее и серьезнее. Под влиянием Макса формировались первые юношеские убеждения Хора, вместе с ним вступил он в подпольный комсомольский кружок.

Когда же Макса Гупперта забрали в гитлеровскую армию, Хор потерял связи с кружком. Он и не стал их особенно искать. Юношу привлекла карьера журналиста. Он поступил в венский университет и принялся за учебу.

Однажды — это было в последнюю военную зиму — Карл Хор вернулся в свою комнату со студенческой вечеринки. Он был под хмельком. Мурлыча песенку, повернул выключатель и разинул рот от изумления. На

его постели лежал грязный, оборванный мужчина, с истощенным, давно небритым лицом.

— Ну-ка, поднимайтесь! Кто вы такой? — растолкал Хор незнакомца и тут же узнал его. Это был один из членов комсомольского кружка. Ему удалось бежать из гитлеровского лагеря смерти. Спасаясь от погони, он вспомнил о Хоре и через незапертое окно пробрался в его комнату.

Хор не отказал беглецу в поддержке. Два дня тот прожил у него. За это время Хор прилагал все усилия, чтобы раздобыть для него какие-либо документы.

Хору не повезло. Он наткнулся на агента гестапо, был схвачен на своей квартире вместе с человеком, которого укрывал, и попал в концлагерь. От неминуемой гибели Хора спас лишь приход Советской Армии.

Он вернулся в Вену, преисполненный радужных надежд. Теперь все пойдет по-другому. Он закончит университет, станет известным журналистом, напишет книгу...

Но это осталось лишь мечтой. Через несколько дней после окончания войны Хор получил известие, что гитлеровцы, отступая, сожгли усадьбу его дяди, который все время оказывал ему материальную поддержку. Об учебе нечего было и думать. Пришлось искать работу. Но не так-то легко было найти место в Вене, где насчитывались десятки тысяч безработных.

С помощью друзей Хору удалось устроиться корректором в редакции прогрессивной газеты «Дер таг». Он воодушевился. Ничего, немного поработает корректором, осмотрится, затем начнет писать. Его оценят, и он все же станет журналистом. В партию Хор решил не вступать. Хватит с него политики.

Через некоторое время в газете появились интересные заметки о быте венцев. Они были подписаны «Кахо». Это был псевдоним, избранный Карлом Хором. Заметки имели некоторый успех. Редактор газеты обратил внимание на Хора и предложил ему написать что-нибудь посolidнее:

— Испытайте перо. Мне кажется, у вас недюжинные способности.

Вместе с Хором в корректорской временно работал некий Рихард Майзель, тихий, незаметный человек с вечной улыбкой на лице. Хор поделился с ним своей ра-

достью. Майзель обрадовался успеху коллеги и подсказал ему новую тему. В доме, где он проживает, поселился некий Отто Браун. Майзелю точно известно, что он работал в венском управлении гестапо.

— А теперь он метранпаж в «Винер курир». Эта газета принимает к себе всякий сброд, — возмущенно говорил Майзель. — Ваша статья насчет этого попала бы в самую точку.

— Да, подходящая тема, — согласился Хор и стал расспрашивать коллегу о подробностях.

Он не заметил, что в глазах у Майзеля мелькнуло злое торжество...

Через несколько дней в газете появилась новая статья Хора. В ней рассказывалось о гитлеровцах, пригретых новоявленными покровителями. В числе прочих приводился также пример и об Отто Брауне, бывшем гестаповце, ныне метранпаже «Винер курир».

Редактор газеты предложил Хору занять освободившуюся должность корреспондента по происшествиям. Хор с радостью согласился. Он был очень доволен. Наконец-то осуществилась его мечта. Он стал журналистом. В тот же день Хор перебрался из корректорской в предоставленную ему комнату рядом с кабинетом редактора.

Но вскоре случилась неприятность. Как-то в дверь постучали.

— Войдите.

Зашел старичок. Этаким опрятный, сухонький венский старичок в черном сюртуке, старомодной черной шляпе и с зонтиком в руках.

— Прошу извинения, — робко сказал он. — Видимо, я ошибся дверью. Мне нужен редактор.

— Редактора сейчас нет, — ответил Хор. — А по какому вопросу? Возможно, я буду вам полезен. Садитесь, пожалуйста.

Старичок, кряхтя, уселся на стул. Порывшись в кармане, он вытащил оттуда аккуратно сложенную газету «Дер таг». Это был номер со статьей Хора. Статья была обведена красным карандашом.

— Скажите, кто писал эту гадость? — спросил старичок. — Ведь меня, честного человека, здесь ошельмовали, смешали с грязью.

Кровь бросилась Хору в лицо. Неужели он что-то напутал?

— А кто вы такой, позвольте спросить?

— Я Отто Браун... Меня называют в статье гестаповцем, а между тем я жертва гитлеровского режима. Я был активным антифашистом, сидел в концлагере. Вот справка, смотрите.

Старичок положил на стол бумагу. Хор прочитал: «...в концлагере Маутхаузен с 1940 по 1945 год... Член общества жертв нацистского режима»... Боже, боже, старик сейчас пойдет к редактору, и его, Хора, с позором изгонят отсюда.

— Я этому негодяю ни за что не прощу, — говорил между тем посетитель, складывая газету. — Его надо отдать под суд за клевету... Не знаете, какой подлец написал статью, молодой человек?

Что оставалось делать Хору? Он пошел ва-банк.

— Я написал, — признался он. — Но прошу вас, не губите меня. Я сейчас все объясню.

Старичок внимательно и, казалось, сочувственно выслушал взволнованный рассказ Хора.

— Майзель у нас уже не работает. Но я завтра разыщу его и к вам приведу, если вы мне не верите. Только умоляю, не говорите ничего редактору. Я готов вам возместить все убытки, готов заплатить какое угодно вознаграждение.

— Много ли с вас возьмешь, — хихикнул старичок. — Да и деньги мне не нужны... Бог с вами! Вижу, не по злому умыслу вы это совершили. Только как же мне поступить, если кто-нибудь заинтересуется статьей, да вздумает допытывать меня? Еще и по судам затаскают, прежде чем докопаются до истины... Нет, как мне вас ни жаль, а все же придется потребовать у редактора поместить опровержение в газете.

Хор, покусывая губы, лихорадочно искал выхода. Он видел, что гнев посетителя остыл. Но в то же время старик был прав: из-за статьи Хора у него могли быть крупные неприятности.

— Послушайте, — вдруг предложил Хор, — а если я дам расписку в том, что все написанное мною про вас не соответствует действительности и основано на недоразумении, что я целиком и полностью признаю свою вину и приношу вам свои искренние извинения?.. Такая расписка вас устроит?..

Старичок наморщил лоб.

— Ладно, — взмахнул он зонтиком, который не выпускал из рук. — Так и быть, пишите расписку. Не хочется мне портить вашу карьеру. Но в следующий раз будьте осторожнее. Никогда не полагайтесь на других, а пишите только о тех фактах, которые вы лично проверили.

Хор кинулся за бумагой. Он был счастлив, что все кончается так благополучно.

Они расстались почти друзьями. Отто Браун получил расписку, а Хор вернул себе спокойствие.

Но не надолго.

Не прошло и недели, как старичок снова заявился к Хору. На сей раз он пришел с просьбой. Не может ли Хор сказать ему, какие материалы будут помещены в завтрашнем номере газеты «Дер таг»? Может быть, он покажет ему оттиски готовых полос? Дело в том, что его, как метранпажа, интересует верстка других газет. Его всегда упрекают, если какая-либо газета сверстана лучше, чем у него.

Отказ вертелся у Хора на языке. Он понимал, что поступит нечестно, если покажет человеку из другой газеты еще не готовый номер.

Но он вспомнил про расписку и промолчал. В конце концов, не так уж страшно. Завтра газета все равно выйдет в свет. Да к тому же никто об этом не узнает.

Так был сделан первый шаг по пути к предательству.

Отто Браун приходил несколько раз. Затем он попросил, чтобы Хор («не откажите в любезности») ежедневно сообщал ему по телефону о плане следующего номера газеты. Он ведь уже не молод, ему трудно ходить, да еще подниматься на третий этаж.

Хор наотрез отказался. Старичок тяжело вздохнул и произнес:

— А все-таки вы не умеете ценить добра. Ведь я мог бы с вами поступить совсем по-другому, не правда ли?

Хор почувствовал в его словах угрозу и согласился. Сначала он страшно нервничал, когда вечерами, в установленное время раздавались телефонные звонки. Но постепенно привык и стал относиться к ним, как к неизбежной необходимости. Когда через несколько недель звонки неожиданно прекратились, Хор даже почувствовал какую-то пустоту, словно из его жизни ушла привычная ноющая боль.

Он решил, что старик, вероятно, умер. Но прошло немного дней, и однажды утром к нему на квартиру постучался почтальон.

— Вам денежный перевод.

Хор вскочил с постели. Перевод? Очень кстати. Он на днях познакомился с прехорошенькой певицей из «Винтергартена». Девочка, видно, приняла его за птицу высокого полета, и ему не хотелось разубеждать ее. А для этого нужны были деньги.

Взглянув на сумму перевода, Хор округлил глаза. Ого, тысяча шиллингов! От кого же? Неужели снова от дяди?

Он расписался и повернул бланк. «За газетные услуги», — было выведено там каллиграфическим почерком. И подписано «Отто Браун».

Хор возмутился. Да как он смеет, этот мерзкий старикашка! Его покупать!

Он хотел вернуть деньги обратно почтальону, но тот отказался.

— Нельзя. Вы уже расписались.

— Ладно, — сказал Хор. — Я сам отошлю.

Но осуществить это оказалось не так-то легко. На бланке перевода не было обратного адреса.

В результате получилось, что Хор пошел на свидание с Эдной (так звали певичку) с тысячей шиллингов в кармане. Эдна была в тот вечер особенно мила. Она так прелестно надувала губки, что у Хора закружилась голова. Захотелось ошеломить ее своим богатством. Он повел Эдну в шикарнейший бар.

Утром, когда они расстались, в его кошельке не осталось ни единого шиллинга.

Певичка, несмотря на свою молодость, оказалась опытной особой. Ей ничего не стоило увлечь Хора. Вскоре он совсем потерял голову. Все его заботы сводились к тому, чтобы сохранить в глазах Эдны ореол преуспевающего журналиста, без счета разбрасывающего деньги направо и налево.

Вполне естественно, что в этих условиях Хор не только не смог привести в исполнение свое благое намерение вернуть Брауну тысячу шиллингов, но даже не отказался бы от еще одного такого перевода.

Вскоре Эдна, заметив, что деньги ее нынешнего ухажора находятся на пределе, стала охладевать к нему.

Ей вовсе не улыбалась перспектива нежных лобзаний при лунном свете на берегу Дуная. Она была очень практичной особой и считала, что с ее красотой было бы глупо не подцепить богатого покровителя и не обеспечить себе будущее.

Хор чувствовал, что для того, чтобы удержать Эдну, потребуется много денег. Влюбленный до потери сознания, он оправдывал девушку: ее окружают богатые поклонники, она привыкла к роскоши и комфорту.

Ему нужны были деньги, деньги, деньги... И он одалживал их у своих знакомых, писал под разными псевдонимами глупые статьи для полупорнографических журналов, занимал деньги у ростовщиков. Через месяц он оказался кругом в долгах.

Как раз в эти дни Хора вызвали в союз журналистов. Удивляясь, что бы это могло значить, он явился к секретарю союза.

— С вами хочет поговорить один американский коллега, — сказал тот. — Он заинтересовался вашими бытовыми картинками из прошлого Вены... Очень приличный человек, не из тех, которые кладут ноги на стол, — добавил он, заметив на лице Хора выражение досады.

Хор пожал плечами. Ладно, он побеседует с американцем. Может быть, тот из более или менее сносной газеты. Тогда можно будет заработать.

Секретарь союза вышел в соседнюю комнату и вернулся с высоким худым человеком в черном костюме. Он что-то пробормотал, представляясь Хору.

Секретарь посмотрел на часы и воскликнул:

— О, я опаздываю... Вы ничего не имеете против, господа, если я оставлю вас одних?..

Майор Томсон (это был он) не стал добираться до цели обходными путями. Выдавив несколько фраз о статьях, якобы заинтересовавших его, он вдруг выложил на стол расписку, которую Хор выдал Брауну, и бланк денежного перевода на тысячу шиллингов с подписью Хора.

— Узнаете?

Хор вскочил. Попался!.. Теперь он ясно понял, что наделал.

Томсон со свойственной ему лаконичностью изложил два возможных варианта поведения Хора и последствия каждого из них. Первый вариант: Хор отказывается от

дальнейшего сотрудничества с Си-Ай-Си (Томсон так и сказал — дальнейшего). Расписка пересылается редактору, Хор изгоняется из газеты. Позорный конец карьеры и полуголодное существование. Второй вариант: Хор закрепляет свои связи с американской разведкой («Вот кто был Браун», — с ужасом подумал Хор), придает им официальный характер и начинает выполнять задания. Выгоды этого варианта: полная материальная обеспеченность и негласное, но действенное американское покровительство.

Хор был ошеломлен. Значит, все это подстроено американской разведкой. Какие у них длинные руки! Американец прав: теперь существуют только два варианта. И раз все пошло прахом, и он запятнан, то выбор может быть один.

О том, что существует третий вариант: плюнуть разведчику в рожу, пойти к редактору и во всем ему честно признаться, Хор даже и не подумал. Вместо этого он шагнул в бездонную трясину предательства.

Хор обрел новое имя — «Тридцать шестой». Задание, которое он получил, было нетрудным. Он должен был принять активное участие в движении сторонников мира, добиться выдвижения на пост председателя либо секретаря одного из комитетов. Ему это удалось.

В дальнейшем Томсон потребовал от него подробных характеристик различных прогрессивных деятелей. Его интересовало все, вплоть до мельчайших подробностей личной жизни людей. Потом Хору пришлось принять участие в более серьезном деле. За это он был принят лично полковником Мерфи.

А затем наступила очередь Макса Гупперта...

Нельзя сказать, что Хор предавал со спокойной душой. Но Эдна требовала все более дорогих подарков. Нужны были большие деньги. А Си-Ай-Си хорошо платила. И вот Хор предавал и каялся, предавал и каялся, предавал и каялся...

Полковник Мерфи прекрасно знал историю Карла Хора. Он был осведомлен также об его взаимоотношениях с Эдной. Более того, эта достойная девица сама не раз бывала в кабинете полковника и получала от него вместе с определенными суммами денег подробные инструкции о том, как следует вести себя с молодым журналистом.

Поэтому свой разговор с «Тридцать шестым» Мерфи начал с обещания, которое подействовало на Хора, как рюмка крепкой водки на закоренелого алкоголика:

— Мне все известно про Эдну, Хор. Я помогу вам... Она будет вашей, если вы выполните мое задание. Но имейте в виду, придется основательно потрудиться.

Задание, действительно, было не из легких. Используя в качестве предлога арест венграми мнимого Гупперта, требовалось внести раскол в ряды австрийских сторонников мира.

— Представляете себе, с какого конца нужно браться за дело? — спросил Мерфи.

Хор задумался...

— Да, знаю... Начинать надо с жены Макса Гупперта — Мицци... Но, господин полковник, — он смущенно кашлянул, — насчет Эдны — это не шутка?

Мерфи, улыбаясь, клятвенно поднял два пальца.

— Клянусь! Услуга за услугу. Все будет в порядке. Считайте, что Эдна ваша.

МИЦЦИ ВСТРЕЧАЕТ МУЖА

Мицци решила сегодня ночью пойти на вокзал встречать Макса. Правда, Киршнер сказал, что Макс предварительно позвонит, когда будет выезжать из Будапешта. Но ведь могло случиться и так, что он не дозвонился. А потом, может быть, он звонил днем, когда в комитете никого не было.

Экспресс прибывал поздно ночью. Чтобы избежать неприятных встреч с назойливыми кавалерами из американских казарм, расположенных поблизости, Мицци поехала на вокзал еще вечером, когда на улицах было много народу.

В зале ожидания царила обычная толчея. Мицци едва удалось найти свободное местечко. Она с трудом втиснулась между двумя огромными корзинами. Их охранял спекулянтского вида толстяк в засаленном пыльнике, который тревожно посматривал в сторону усатого вокзального полицейского. Толстяк подозрительно покосился и на Мицци, но решил, видимо, что с этой стороны опасность ему не угрожает, и снова принялся наблюдать за полицейским.

Вечерние поезда убывали один за другим. Постепен-

но в зале стало не так многолюдно. Ушел и толстяк с его корзинами. Мицци смогла, наконец, усесться поудобнее.

Полицейский, расхаживавший с видом хозяина по залу, остановился у скамьи, на которой дремал пожилой, плохо одетый мужчина с землистого цвета лицом.

— Ишь, разлегся! — потряс он его за плечо. — Убирайся вон отсюда! Здесь тебе не ночлежка, понятно?

Мужчина не ответил ни слова, быстро поднялся и тенью скользнул к выходу. Лишь у самой двери он пугливо оглянулся, словно желал убедиться, не следует ли полицейский за ним.

Полицейский грозно посмотрел ему вслед и, крутнув усы, направился к другой скамье. Здесь примостился маленький старичок, совсем седой и сгорбленный. Заметив опасность, он с трудом встал и, опираясь на палку, потащился к двери.

Бездомные! Вот так они бродят всю ночь. Выгонят из вокзала, они пойдут дремать в сквер. Застыгнет там дождь, направятся в здание почты. Оттуда снова на вокзал...

Полицейский явно искал очередную жертву. Его взгляд с профессиональной пытливостью шарил по залу. «Чего доброго, еще ко мне придерется», — подумала Мицци. Она подошла к кассе, взяла билет и вышла на перрон.

Было еще только двенадцать. Ей пришлось ждать почти час. Но вот вдали, точно глазища чудовища, засверкали два ярких огня экспресса. Они быстро приближались. Раздались удары вокзального колокола. Постепенно замедляя ход, вагоны один за другим проплывали мимо Мицци. Наконец, поезд совсем остановился. Против нее оказался шестой вагон. Из него выскочил взлохмаченный краснолицый малый в роговых очках и с пачкой бумаг в руке. Он так спешил, что чуть не сбил с ног мужчину, стоявшего неподалеку от Мицци.

Они со злостью посмотрели друг на друга, но вместо того, чтобы поругаться, вдруг заулыбались.

— Томсон!

— Девис! О!

Оба заговорили по-английски. Мицци вдруг послышалось, будто краснолицый назвал фамилию Гулперта. Она стала прислушиваться, но почти ничего не поняла,

Но разговор шел действительно о Гупперте, так как его фамилия упоминалась несколько раз. Затем краснолицый, пожав руку своему собеседнику, снова понесся по перрону, озираясь по сторонам. Видимо, найдя то, что ему было нужно, он ринулся к двери со светящейся надписью «Телеграф».

Макс не приехал. Мицци обождала еще немного, а затем пошла домой. На сердце было тревожно. Почему говорили о Максе два иностранца? Неужели с ним что-нибудь случилось?

Так она и уснула, с тяжелым щемящим чувством.

Утром ее разбудил громкий стук. Накинув халат, она подошла к двери.

— Кто там?

— Скорей, — раздался голос Хора, — случилась беда!

У Мицци екнуло сердце. Вчерашний разговор на вокзале!..

Дрожащими руками она отперла дверь. Хор вошел в комнату и, даже не поздоровавшись, бросил на стол газету «Винер курир».

— На, читай, Мицци! Наш Макс арестован венграми!

Мицци схватила газету. «Сенсационный арест австрийского коммуниста Макса Гупперта венграми», кричал заголовок. Она быстро пробежала глазами текст.

— А это не ложь, Карл?

Хор горько усмехнулся.

— Я тоже так думал. Но об этом сообщается почти во всех газетах. Даже по радио передавали...

— Но... за что же его арестовали? — Мицци было трудно говорить. Она едва сдерживала рыдания: — Я... я ничего не понимаю. Что же делать?

Слезы заструились по ее щекам.

Хор шагал по комнате, заложив назад руки. Он ушел глубоко в себя и говорил, не глядя на Мицци.

— Они с ума посходили, эти венгры, вот что. Им всюду мерещатся шпионы и диверсанты. Арестовывают, кого попало. Недавно арестовали какого-то американского коммерсанта. Теперь Макса. Что он им сделал, спрашивается? Ведь он тоже коммунист... Но им на это наплевать. Макс, наверное, сказал, что в Вене трамваи быстрее ходят. Значит — уже шпион.

Мицци вытерла слезы и зашла за ширму. Оттуда доносился шорох одежды.

— Ты куда собираешься, Мицци? — спросил Хор.

— Как куда? — слышалось из-за занавески. — К Киршнеру, конечно. Посоветуюсь с ним, как быть.

Хор хмыкнул.

— Уж Киршнер тебе посоветует, как же... «Обожди, милая, все утрясется, все выяснится». — Он довольно удачно имитировал спокойный голос Киршнера. — А за это время твоего Макса в Венгрии повесят, — зло отчеканил Хор. — И тогда Киршнер тебе скажет: «Значит, милая, он действительно был шпионом». Вот и вся помощь Киршнера. Он ведь фанатик, способен отдать жену и детей, лишь бы престиж партии не пострадал. А уж Максом он, не задумываясь, пожертвует.

Мицци вышла из-за ширмы. Она уже была одета.

— Зачем ты так говоришь, Карл, — укоризненно сказала она. — Это несправедливо. Киршнер хороший человек.

Наступил решительный момент. Хор ринулся в лобовую атаку.

— Я вот что скажу тебе, Мицци. Нас двое близких у Макса: ты — его жена и я — его лучший друг. Послушай меня: Макс вернется к нам только в том случае, если мы поднимем шум. Нужно во весь голос протестовать против этого неслыханного насилия, нужно потребовать, чтобы венгры немедленно освободили Макса. Нас поддержат многие, очень многие. И, ей богу, не велика беда, если Киршнера среди них не будет.

Мицци задумалась. Хор ждал, затаив дыхание. От напряжения у него даже приоткрылся рот.

— Нет, Карл... Может быть, ты и прав, но с Киршнером надо посоветоваться. Макс всегда говорил, что Киршнер — добрейшая душа, любому готов помочь.. Так ты пойдешь со мной?

Она вытащила ключ из сумочки и выжидающе посмотрела на Хора.

Атака сорвалась.

— Если ты считаешь нужным... — Он пожал плечами. — Пойду, конечно.

Что еще оставалось делать!

Несмотря на ранний час, они застали Киршнера в комитете. Он уже знал о случившемся с Максом. Киршнер не стал прибегать к сомнительной помощи слов утешения. Он был с Мицци откровенен.

— Я пока сам еще ничего не пойму. Хорошего в этой истории, конечно, мало. Вишь, как все наши «друзья» захлебываются от восторга, — он кивнул головой на стопу реакционных газет, лежавшую у него на столе. — Для них это сущий клад... Одно только я знаю твердо: Макс ни в чем не виноват. А раз так, то вскоре недоразумение выяснится, и его выпустят на свободу. Главное сейчас для нас — не терять головы и не поддаваться ни на какие провокации.

— Вот видишь, Карл, — Мицци взглянула на Хора. — Ты был неправ.

— А что же ты говорил? — заинтересовался Киршнер. Хор не мог отмолчаться.

— Я считаю, что нужно предпринять какие-то шаги для освобождения Макса.

Киршнер пожал плечами.

— Согласен. Но пока еще мы слишком мало знаем. Вот выяснится обстановка, тогда сделаем все, что от нас зависит, для быстрого освобождения Макса... Да, да, быстрого, — подчеркнул он. — В том, что Макс рано или поздно будет освобожден, я абсолютно уверен.

Больше всего Хор опасался, как бы Мицци не вздумала вдаваться в подробности их разговора. Но она больше ничего не сказала, и он успокоился.

Хор проводил Мицци до выхода.

— Где ты будешь в течение дня? — спросил он. — Возможно, поступят новости о Максе. Как тебе их передать?

Мицци встрепелась:

— Ты думаешь, еще сегодня могут быть новости?

— Не исключено. Киршнер, вероятно, позвонит в Будапешт.

— Сейчас я пойду на телефонную станцию, отпрошусь домой на сегодня... Какая я сейчас работница! — Она слабо улыбнулась. — Очень прошу тебя, Карл, если что будет, — обязательно зайди. Я буду ждать...

Хор вернулся в помещение комитета и, остановившись у окна, погрузился в глубокое раздумье. Обработать жену Макса Гупперта оказалось тяжелее, нежели он рассчитывал.

На его плечо легла чья-то рука. Он вздрогнул и обернулся. Это был Киршнер.

— Чего задумался? О Максе, да? Не печалься, все

будет хорошо... Скажи, Карл, ты не забыл? Ведь завтра воскресенье.

— И что же? — не понял Хор. И тут же хлопнул себя ладонью по лбу:

— Забыл! Ей богу забыл!

— Вот видишь, — упрекнул его Киршнер. — Что теперь делать?

— Так ведь в моем распоряжении еще целый день. Успею.

— Сколько у тебя осталось билетов?

— Штук двести. Да вы не беспокойтесь. Все раздам...

Речь шла о билетах на общегородское собрание сборщиков подписей под Стокгольмским воззванием. Оно должно было состояться завтра на зимнем стадионе. На их район пришлось около шестисот билетов. Четыреста из них уже были розданы заводским комитетам сторонников мира.

Хор вытащил билеты из шкафа и стал составлять список. Клуб молодежи — двадцать штук, комитет сторонников мира служащих почты — шесть, союз демократических женщин...

Он почему-то вспомнил, что помещение союза женщин находится совсем рядом с резиденцией полковника Мерфи. Интересно, увидит ли его полковник, когда он будет заходить с билетами в союз?

И тут ему пришло в голову, что Мерфи может заинтересоваться билетами... Двести человек... Если подобрать решительных ребят, то они смогут основательно повлиять на весь ход собрания. И оно может стать очень бурным. Особенно, если поднять на нем такой вопрос, как арест венграми лучшего сборщика подписей Макса Гупперта...

Подать полковнику эту мысль? Может быть, тот станет к нему еще благосклонней. И то, что он говорил насчет Эдны... Да, да! Сейчас же к нему!

Хор сказал Киршнеру, что идет раздавать оставшиеся билеты. Потом ему нужно зайти в редакцию, так что в комитет сегодня он не вернется. Они встретятся завтра на митинге.

...Идея Карла Хора нашла у полковника Мерфи поддержку. Он дополнил ее еще несколькими важными штрихами.

— Имейте в виду, Хор, жена Гупперта должна обя-

зательно выступить, — приказал полковник. — Без нее мы не добьемся нужного эффекта. Я понимаю, вам тяжело... Но пусть это будет даже совсем безобидное выступление. Следующий оратор сможет истолковать ее слова так, как нам требуется. Главное, чтобы она выступила. Итак, первым выступаете вы, затем жена Гупперта, вслед за ней ваш депутат. Ребята поддержат...

Полковник второй раз за сегодняшний день подал Хору руку и с чувством пожал ее. Из «Тридцать шестого» выходит дельный работник, честное слово! Чего стоит хотя бы эта идея с билетами.

С тем, кого Мерфи называл «ваш депутат», Хор договорился быстро. Этот старик-пенсионер, который в самом деле когда-то являлся депутатом парламента, был введен в состав комитета благодаря настояниям Хора. Пользы от него не было никакой. Единственное, на что он был способен — это произнесение речей. Говорить он любил и, надо отдать ему справедливость, умел.

Старик знал, что в комитете многие настроены против него. Особенно он не любил Киршнера, как, впрочем, и всех коммунистов. Поэтому, когда Хор разъяснил ему, что от него завтра потребуется, он с радостью согласился.

— Я уже давно пришел к выводу, что с коммунистами пора кончать дружбу, — став в привычную позу оратора, заявил он. И тут же поделился с Хором только что созревшим у него планом:

— Мы создадим новый комитет сторонников мира, без коммунистов.

Хор горячо поддержал его. Он был уверен, что такое предложение очень понравится Мерфи.

К Мицци Хор зашел почти в полночь.

— Завтра у нас митинг, — сказал он. — Тебе придется выступить. Вот текст.

Он развернул припасенную бумажку. В ней было от имени Мицци очень коротко сказано о том, что она все свои силы отдаст делу борьбы за мир. Она очень сожалеет о недоразумении с Максом и надеется, что друзья помогут ей вернуть мужа целым и невредимым.

— Для чего это? — удивилась Мицци.

Хор пожал плечами:

— Я тоже доказывал Киршнеру, что ни к чему, но он настаивает на своем. Говорит, что если ты выступишь в

таком духе, врагам невозможно будет использовать твоё имя для разных темных спекуляций. Ты заткнешь им глотку своим выступлением.

— Ну, если только так...

Мицци спрятала бумажку в сумочку.

— И ещё, Мицци... Прошу тебя, забудь наш утренний разговор. Я был, конечно, неправ. Но, понимаешь, я так расстроился...

— Понимаю, понимаю, — мягко сказала Мицци и ласково посмотрела на Хора: — Мне казалось, что ты за последнее время стал чуждаться нас с Максом. А ты, оказывается, хороший и преданный друг, Карл.

Они условились, что на собрание пойдут вместе. Завтра Хор зайдет за ней в половине двенадцатого.

СПОР В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

Максу Гупперту казалось, что прошла уже целая вечность с тех пор, как его привезли в тюрьму. Но Марцингер говорил, что Макс находится в камере не более двух суток. Ему можно было верить: за долгие месяцы заточения он научился прекрасно ориентироваться во времени.

Макс не строил себе никаких иллюзий. Его похитители не будут возиться с человеком, который для них абсолютно бесполезен, более того, опасен — «молчит только групп». Макс прекрасно понимал, что ему грозит смертельная опасность. Но ещё больше угнетала его мысль о том, что, когда он будет умирать здесь, в тюрьме, от рук палачей, бессильный что-либо предпринять против них, — там, на свободной венгерской земле американский разведчик, прикрываясь его именем, будет безнаказанно творить свои гнусные дела.

Минутами Макс ясно представлял себе, как его двойник, самодовольно улыбаясь, расхаживает по улицам Будапешта. Он скрипел зубами от бессильной ярости. Ах, если бы можно было известить товарищей о том, кто уехал в Венгрию вместо него! Но как подать весточку из этой каменной могилы?

Лежа на своей цыновке, Марцингер из-под полуопущенных век наблюдал за Максом. Да, плохи дела у парня. Эти гангстеры постараются покончить с ним. Несчастный случай или ещё что-нибудь...

— Вы не спите? — внезапно обратился к нему Макс.

— Не сплю.

— Скажите, как же вам удалось тогда переправить записку в газету. Нельзя ли...

Марцингер понял, что он хотел сказать, и отрицательно покачал головой:

— Тогда я был в другой тюрьме. Среди стражи были австрийцы и...

— Понятно.

Макс задумался. Но через минуту снова спросил:

— Где же находилась та тюрьма? Тоже в Вене?

— Думаю, что да. Впрочем, точно не знаю.

— Как так? — удивился Макс.

— Потому что меня доставили туда в бессознательном состоянии. А когда перевозили в эту обитель, была глубокая ночь. Втолкнули в закрытую автомашину без окон и часа два возили по улицам или дорогам, не знаю.

— Как же они вас поймали? — заинтересовался Макс. — Расскажите, если это не тайна.

— Какая тут может быть тайна...

Марцингер рассказывал медленно, то и дело останавливался, припоминая подробности.

...Утро выдалось ненастным. Подойдя к окну, Марцингер увидел, что по запотевшему стеклу, перегоняя друг друга, быстро стекают струйки воды. Вдалеке едва угадывались расплывшиеся в тумане очертания старого Штефля.* Небо было покрыто темносерой пеленой без единого светлого пятнышка. По всему чувствовалось, что дождь зарядил надолго.

Нужно было сдать в редакцию обещанную статью. Но Марцингеру не хотелось идти в такую погоду. Он решил, что успеет сделать это и вечером.

Писатель вынул из ящика стола папку с бумагами и принялся за работу. Однако вскоре постучалась квартирная хозяйка:

— К вам гость, господин Марцингер.

В комнату вошел человек в дождевом плаще. Марцингеру он сначала показался незнакомым. Но когда гость скинул плащ, писатель вспомнил, что несколько

---

* Так жители Вены называют собор Стефана.

раз видел его в редакции одной из прогрессивных газет. Кажется, их даже знакомили, но он позабыл его фамилию.

— Погодка! — сказал, поздоровавшись, вошедший.

— Да, погода, действительно, скверная, — согласился Марцингер. Он выжидающе посмотрел на посетителя.

— Вы удивлены, не правда ли? — рассмеялся тот. — Но мое посещение объясняется очень просто. Вы знаете Яна Гусака из «Руде Право»?

Да, Марцингер был хорошо знаком с этим известным чешским литературным критиком. Они встретились на пражском фестивале молодежи и с тех пор переписывались. Гусак, как и Марцингер, очень интересовался проблемами детской литературы.

— Он сейчас в Вене, остановился в гостинице «Ройяль» и просил вас зайти к нему часов в одиннадцать утра... Но если вы не можете сейчас, — поспешно добавил посетитель, посмотрев на разбросанные по столу бумаги, — то я передам Гусаку...

— Нет, что вы, я сейчас пойду... Только где же находится «Ройяль»?

— Недалеко отсюда. Кварталов пять или шесть.. Впрочем, я вас провожу. Мне тоже в ту сторону.

— Буду вам очень признателен, — обрадовался Марцингер. Ему вовсе не хотелось разыскивать гостиницу под проливным дождем.

Гостиница оказалась, действительно, неподалеку, в самом начале американской зоны. Это было грязное трехэтажное здание, очень похожее на казарму. Входить нужно было со двора. Марцингер немного удивился, что Гусак поселился в такой невзрачной гостинице. Вероятно, он плохо знает Вену, и этим воспользовались предприимчивые шофера такси. Некоторые из них состоят в сговоре с владельцами гостиниц и получают от них плату за доставленных клиентов.

Внутри гостиница выглядела гораздо приличнее. Они прошли мимо портье и поднялись на второй этаж. Перед одной из бесчисленных дверей спутник Марцингера остановился.

— Здесь, — сказал он и постучался.

Никто не ответил, но это его не смутило. Он распахнул дверь и пригласил Марцингера войти. Видимо, он был здесь своим человеком.

В комнате никого не было.

— Прошу вас, присядьте, — провожатый указал на стул, стоявший у окна. — Господин Гусак, наверное, в соседнем номере. Там живет известный шахматист, чуть ли не Эйве. А господин Гусак — вы сами знаете, как он любит шахматы.

Он вышел, затворив за собой дверь. Марцингер посидел несколько минут, затем встал и прошелся по комнате.

И вдруг он инстинктивно почувствовал, что сзади к нему кто-то подкрадывается. Он быстро обернулся и тут же получил сильный удар по голове. На него навалились, бросили на землю, прижали к носу что-то холодное и мокрое. Он стал задыхаться и потерял сознание. Очнулся уже в тюрьме...

— Вот и вся моя печальная история, — сказал Марцингер, закончив рассказ. — Поймали меня, как зверя в капкан, — невесело пошутил он.

— Вы думаете, что тот, из газеты, заманил вас в ловушку?

Марцингер пожал плечами.

— Трудно сказать. Может быть, беднягу самого обманули, и он тоже попал им в лапы. На свободе я, разумеется, все выяснил бы. А отсюда, сами понимаете, очень трудно разобраться.

— Да, верно... Из какой же газеты был ваш знакомый?

— По-моему, я встречал его в редакции «Дер таг». Макс кивнул головой.

— Знаю эту газету. Там один мой приятель работает... Карл Хор звать его, может, слышали?.. Что с вами? — спросил он, заметив, что Марцингер изменился в лице.

— Карл Хор, Карл Хор... Карл Хор, — повторил несколько раз Марцингер. — Да ведь это же тот самый и есть! — неожиданно вскричал он. — В очках, да? Смуглолицый такой, долговязый? И он до сих пор в газете работает, никуда не исчезал? Так значит...

— Нет, это невозможно! Что вы говорите?

Марцингер не стал спорить.

— Ладно, оставим это... Вероятно, я ошибаюсь.

Однако сомнение уже было порождено. Макс не мог избавиться от тревожных мыслей. Хор? Неужели?..

Чем больше он думал об этом, тем быстрее сомнения перерастали в подозрение. Почему Хор принял такое деятельное участие в подготовке Макса к поездке в Венгрию? Что у него за знакомство с торговцами готовым платьем? Уж не повинен ли Хор в том, что с ним, Максом, случилось?

Мысли двигались непрерывно, как лента конвейера. Память подсказывала все новые и новые факты. С каждой минутой все определеннее вырисовывалась картина предательства.

Вместо Макса в Венгрию по планам Си-Ай-Си должен был отправиться тот, другой. Откуда они узнали, каким поездом он поедет? Да потом сыграть роль другого человека ведь не так просто! Нужно быть подробно осведомленным о его характере, привычках, даже о том, в какой одежде он уехал...

А не для этого ли потребовалось, чтобы Макс приобрел новый костюм? Не потому ли Хор так настаивал на его покупке? Тогда двойник Макса смог бы заранее облачиться в точно такой же костюм. Ну конечно! Именно так.

Хор — предатель! Он агент Си-Ай-Си. Он заманил в ловушку Марцингера. Он предал Макса.

Заскрежетал ключ в двери камеры. Макс переглянулся с Марцингером. У обоих мелькнула одна и та же тревожная мысль.

Макс встал и, накинув пиджак на плечи, шагнул вперед. Что ж, если это должно свершиться, он готов.

В камеру вошли двое американцев — солдат и офицер. Они остановились у двери.

— Шикарная берлога! — произнес офицер, когда глаза его немного свыклись с полумраком. Он шумно потянул носом: — Вот только воздух чуть тухловат...

Оба загоготали.

— Ну-ка, дай список, — сказал лейтенант Спеллман солдату. — Посмотрим, какой здесь водится зверь.

Он взял бумагу и, повернувшись лицом к ярко освещенному коридору, стал медленно водить по списку пальцем.

— Камера номер три... Камера номер три, — бормотал он. — Вот! — Палец лейтенанта остановился посредине списка. — А! Так это вы?

Спеллман посмотрел на Макса. В его глазах фарфорового херувима мелькнуло жадное любопытство.

— Для вас, герр спекулянт, — иронически улыбаясь, обратился он к Макс, — у меня есть радостная новость.

«Вот оно — конец! Только почему он называет меня так странно — спекулянт?» — пронеслось в голове у Макса.

— Завтра, то-есть нет, уже сегодня, — поправился Спеллман, взглянув на часы, — вас будут судить ваши соотечественники. Суд начнется в одиннадцать утра. Так что можете готовить свое последнее слово. Оно, наверное, получится у вас очень душещипательное — вы ведь пи-са-тель!..

Подбоченясь и широко отставив локти, как ковбой в голливудских кинофильмах, Спеллман прошелся по камере. И только теперь он заметил, что заключенный был не один.

— А это еще кто? — изумленно уставился он на Марцингера, лежавшего на цыновке. — Посмотри список!

Солдат вышел в коридор на свет.

— Вроде больше никого в третьей камере не должно быть... А, вот, нашел! В самом конце списка, — добавил он извиняющимся тоном. — Это Иоганн Миллер, сэр.

— Миллер, Миллер... Насобирали тут всякую дрянь.. Вставай, чертов Миллер, когда с тобой говорят, — неожиданно разъярился лейтенант. Он подошел к Марцингеру и с размаху ударил его ногой.

Кровь ударила Макс, в лицо. Негодяй! Бить беззащитного!.. Он с трудом подавил в себе мгновенно возникшее бешеное желание броситься на лейтенанта. Это означало бы верную смерть: солдат, стоя в двери, взялся за рукоятку пистолета, торчавшего из кобуры, и настороженно следил за Максом.

— Уоткинс со своими слюнтяями распустил вас порядком! — продолжал кричать Спеллман. — Теперь этого больше не будет! Я научу вас настоящей дисциплине... Пошли, Линдсей!

Железная дверь камеры затворилась с леденящим сердцем визгом.

— Американец принял вас за меня, — Марцингер улыбнулся, перемогая боль.

— Похоже на то... Он вначале думал, что я здесь

один... И потом, вероятно, мой костюм сбил его с толку. А впрочем, какая разница!

— Какая разница? Разница есть... У вас появился шанс, — понизил голос Марцингер.

Макс недоуменно посмотрел на него. О чем он? Какой тут еще шанс?

Но Марцингер знал, что говорит.

— Да, да. Не смотрите на меня с таким удивлением. Вы понимаете, что это означает? В тюрьме сменилась стража.

— Что из того? Кажется, эти тоже не спешат выпустить нас на волю?

— Неужели вы не понимаете?

Макс начал догадываться. Но, может быть, Марцингер имеет в виду что-либо совсем другое?

— Да что вы говорите загадками? Скажите прямо, о чем думаете.

Приподнявшись на локтях, Марцингер сел и прислонился спиной к стене. Глаза его блеснули. На впалых щеках появился румянец.

— Они вас приняли за писателя Марцингера. Завтра вас повезут на суд, передадут австрийцам. Понимаете, какие перед вами открываются возможности? Вы можете убежать!

— Не понимаю, почему же это должен сделать я. Кажется, Марцингер — вы.

— Нет, Макс, мне убежать не удастся, даже нечего думать. Ведь я уже год нахожусь в этой могиле, целый год. Я ослаб, понимаете? На воздухе у меня закружится голова. Нет, мне не убежать... Да и, кроме того, мне угрожает в худшем случае несколько лет... Вас же — прямо скажу — ожидает верная смерть.

Макс вздрогнул. Значит, и Марцингер считает так. Он великодушно предлагает ему свой шанс на спасение. Но нет! Он не имеет права принять жертву.

— Не могу, — решительно сказал Макс. — Когда они придут за мной, я скажу, что произошла ошибка.

— Ну и глупо, — вспылил Марцингер. — Вы погубите себя. Поймите, это неповторимый случай.

Макс окончательно рассердился.

— Да вы, видимо, считаете меня подлецом, что предлагаете такие вещи... Вас же немедленно убьют, как только обнаружится обман.

— Не убьют! — убежденно сказал Марцингер. — Не могут они меня убить, поймите, вся страна знает, что я их пленник. В этом мое преимущество перед вами.

Но Макс упрямо сдвинул брови. Он не имеет права подвергать товарища по несчастью такому риску.

Он сказал об этом Марцингеру. Писатель метнул на него взгляд, полный презрения.

— Я думал, что вы настоящий коммунист. А теперь вижу, что имею дело с нерешительным, слабовольным человеком. Нет, подумать только, — сердитой скороговоркой продолжал он. — Под его маской бродит по Венгрии американский разведчик, творит там черт знает какие дела, а он сидит в западне и разыгрывает из себя Дон Кихота. Скажу вам свое последнее слово: если вы не используете эту возможность, то совершите преступление, да, да, да, преступление перед своими товарищами и партией. Это будет равносильно самоубийству из-за боязни ответственности... Больше я с вами разговаривать не желаю.

И, подтверждая свои слова, он отвернулся.

Макс сидел, обхватив колени руками. Марцингер прав. Но бросить его здесь? Уйти, зная, что он останется во власти озверелых палачей?

А агент Си-Ай-Си в Венгрии? Его вряд ли послали только для того, чтобы представлять на конгрессе австрийских сторонников мира. А Хор? Скольких он еще предаст!

Марцингер снова повернулся к Максy:

— Ну как, еще не поняли?

Макс промолчал.

...Утром, когда Спеллман в сопровождении двух солдат вошел в камеру, австриец в сером костюме поднялся ему навстречу.

— Готовы, герр спекулянт? — спросил Спеллман.

Австриец кивнул головой и двинулся к выходу.

ЧЕЛОВЕК НА ЭКРАНЕ

Майор Ласло Ковач ясно представил себе, к какого сорта публике относится псевдо-Гупперт. Он заранее предвидел, что вывести его на чистую воду будет

нелегко. Не потому, что улики недостаточны. Наоборот, их хватало с излишком. Пусть арестованный упорствует сколько угодно, пусть запирается и юлит — доказательства неопровержимы.

Трудность заключалась в другом. Требовалось установить, кто скрывается под именем Гупперта. Это было майору Ковачу неизвестно. Он предполагал, что арестованный является американцем, офицером разведки, одним из близких сотрудников пресловутого полковника Мерфи (Ковач знал о нем от арестованных агентов). Но тут нужна была точность: имя, фамилия, звание и другие подробности. А этими сведениями Ковач пока не располагал.

Менее опытный человек, возможно, начал бы с допроса самого «Гупперта». Но Ковач знал, что это сейчас бесполезно. Арестованный ничего не скажет. Он будет прикрываться чужим именем.

Но зато потом, когда в руках Ковача окажутся необходимые сведения о мнимом Гупперте и маска будет сорвана, произойдет обратная реакция. Майор по опыту знал, что преступники этого пошиба в случае разоблачения ведут себя так, словно стараются наверстать упущенное. Они выкладывают все, вплоть до мельчайших подробностей, рассказывают, о чем их спрашивают и не спрашивают. Они снова и снова требуют к себе следователя и дополняют, уточняют, расширяют свои показания. Раньше им казалось, что их судьба зависит от того, насколько они сумеют держать язык за зубами. Теперь же они уверены в том, что вопрос жизни и смерти решается числом застенографированных страниц. Только бы выбраться! Хотя бы за счет других. Какое им дело до остальных! Каждый отвечает сам за себя.

И сыплются фамилии, даты, пароли, явки... Спасти! Сохранить жизнь! Любой ценой! Любым способом! Лишь бы жить, жить, жить...

В распоряжении майора Ковача имелись каналы, используя которые можно было внести ясность в интересовавший его вопрос. Но для этого требовалось время. Он так и доложил генералу.

— А долго ли придется ждать? — спросил генерал.

— Не могу точно сказать. Неделью—две, возможно, даже больше.

Генерал ничего не ответил. Он подошел к окну и, постукивая пальцами по подоконнику, посмотрел на улицу.

День обещал быть прекрасным. Дома на противоположной стороне улицы казались розовыми. в лучах восходящего солнца. Небо было совсем чистое. Лишь в стороне проплывала стайка маленьких облаков, удивительно похожих друг на друга: одинаково беленьких, пухленьких, завитых. Свежий утренний воздух звенел от щебетания птиц: напротив окна был небольшой сквер.

— Нет, товарищ Ковач, это слишком долго, — сказал, наконец, генерал. — Мы не можем так долго ждать. Я слушал сейчас венское радио. Там уже началось. .. Завтра завопят на разные голоса все реакционные агентства мира. Вы знакомы с музыкой? Надо им заткнуть глотки раньше, чем они дойдут до фортиссимо.*

— Я сделаю все, что в моих силах...

— И в силах офицеров вашего отдела, товарищ Ковач, — многозначительно добавил генерал. — Обязательно посоветуйтесь с ними. Сообща быстрее найдем выход.

Генерал оказался прав. На совещании офицеров отдела неожиданно попросил слово старший лейтенант Бела Дьярош.

— Товарищ майор, — сказал он, — кажется мне, что я видел арестованного в кино. На экране, — пояснил он. — Это было три или четыре года назад.

— Ты что-то путаешь, Бела, — сказал лейтенант Отрубаи. — Как он мог попасть на экран?

Участники совещания переглянулись. Кое-кто улыбнулся.

Дьярош покраснел.

— Нет, я ничего не напутал, — громко, чтобы скрыть охватившее его смущение, сказал он. — Я убежден, что это был именно он.

— Ну-ка, расскажите поподробнее, в чем дело, — заинтересовался Ковач. Он знал Дьяроша лучше, чем другие сотрудники отдела, и был уверен, что если уж тот сказал, значит, имеет веские основания.

Бела стал рассказывать.

Несколько лет тому назад он страстно увлекался кино. Не пропускал ни одного нового фильма.

---

* *Фортиссимо* — в музыке: очень сильно, громко.

Советский кинофильм «Чапаев» произвел на него потрясающее впечатление. Бела смотрел фильм пять раз, и все пять раз в кинотеатре «Уrania». Вместе с фильмом демонстрировался венгерский киножурнал. Он хорошо запомнил один эпизод из журнала, показавшийся ему комичным.

— Понимаете, — рассказывал Бела, — на экране празднество. Я уже не помню: демонстрация, народное гуляние или другой праздник. В общем, представьте себе: идут трудящиеся. Музыка, песни, веселые, радостные лица... А из окна третьего этажа виднеется совсем другое лицо: нахмуренное, злое. И вдруг этот человек поднимает голову, замечает, что как раз напротив него установлен киносъемочный аппарат, быстро отворачивается и исчезает в глубине комнаты... Если журнал смотреть один или два раза, то можно ничего не заметить. Но я смотрел пять раз и, конечно, обратил внимание. И знаете, кто был человек в окне? Гупперт. Я все эти дни думал, где я видел его лицо, уж очень знакомым оно мне казалось. Но никак не мог вспомнить. А вчера увидел его нахмуренным. И вспомнил.

— Где же происходило празднество? — спросил Ковач.

— Здесь, в Будапеште, на площади Свободы.

— Так ведь там американское посольство, — воскликнул кто-то.

— Ну да! Гупперт и смотрел из окна посольства.

В кабинете стало шумно. Но Ковач встал, и снова водворилась тишина.

— Скажите, Бела, а вы можете вспомнить, какой номер киножурнала смотрели тогда? Ведь они выпускаются еженедельно — пятьдесят два номера в год! Кроме того, есть еще специальные выпуски, посвященные различным празднествам. Понимаете?

— Номера журнала я, конечно, не помню. Ведь столько времени прошло. Но я вот что придумал. Копии всех киножурналов хранятся на фабрике «Мафильма». Если разрешите, я сейчас же отправлюсь туда и начну просмотр.

— Как ваше мнение, товарищи? — обратился майор к офицерам.

Все единодушно одобрили предложение Дьяроша...

Работник кинофабрики, выслушав просьбу старшего лейтенанта Дьяроша, широко раскрыл глаза.

— Вы представляете себе, сколько это займет времени?

— Представляю... Но ничего, — бодро заявил Дьярош. — Я люблю кино.

Действительно, первые киножурналы он смотрел с интересом. Затем интерес стал спадать. Через три часа Дьярош начал сомневаться в искренности своей любви к киноискусству. Через пять часов он уже начинал его ненавидеть.

— Может, сделаем перерыв? — предложил киномеханик.

— Нет, давайте дальше! — стиснув зубы, проговорил Бела.

Но, посмотрев еще два киножурнала, он не выдержал.

— Вы, кажется, говорили что-то насчет перерыва, — сказал он киномеханику. — С моей стороны возражений нет. Если устали, давайте сделаем перерыв.

Киномеханик вышел из своей будки и закурил.

— Вы не скажете мне, что именно требуется? — спросил он. — Может, я смогу ускорить дело.

— Понимаете, меня интересует эпизод, происшедший во время народного гуляния или демонстрации. Но вся беда в том, что я не помню, когда это было... Нет уж, видимо, придется крутить все подряд.

— Празднество вам нужно, говорите? — оживился киномеханик. — Эге! Так-то пойдет быстрее.

Он принес коробку с кинолентой.

— В паспорте каждого журнала есть перечень эпизодов. Вот, например, здесь: «Безземельные крестьяне получают землю». Уж давно получили... «Восстановление завода «Вайсманфред»... Уже давно восстановили... «Строительство нового моста через Дунай»... Уже целых пять построили... Нет, тут празднества не имеется. Значит, коробку в сторону. Берем другую...

Они отобрали несколько коробок. Механик пустил аппарат.

Вскоре Дьярош торжествующе воскликнул:

— Есть!

Человек на экране был виден ясно и отчетливо.

— Да, несомненно, он, — подтвердил Ковач, которо-

го Дьярош, как и было условлено, вызвал по телефону на кинофабрику.

— Нельзя ли в срочном порядке изготовить для нас несколько снимков с этих кадров? — спросил майор сопровождавшего его работника кинофабрики...

Когда Ковач утром следующего дня отдал распоряжение привести арестованного, он уже располагал необходимыми сведениями о его личности.

Корнер вошел в кабинет с высоко поднятой головой. Весь его вид выражал глубочайшее негодование. Он заговорил первым:

— Сколько еще вы думаете держать меня здесь?

— Ровно столько, сколько потребуется. Ни больше, ни меньше. Впрочем, это зависит также и от вас. Вы намерены попрежнему хранить гордое молчание?

Корнер только еще выше вскинул голову, давая понять, что считает излишним отвечать на подобные пустые вопросы.

— Ладно, как вам угодно. Только имейте в виду, настанет время, когда вы будете умолять, чтобы я вас выслушал... Уведите Корнера, — приказал майор конвоиру.

Корнер, повернувшись было в сторону выхода, вздрогнул и остановился. Венгр знает его фамилию! Кровь отхлынула от его лица.

— Вы удивлены, Гарри Корнер? — спросил Ковач. — А по-моему, тут удивляться нечему. Все это совершенно закономерно.

— Попросите его выйти, — хрипло сказал Корнер, показав на конвоира. — Я вам все скажу.

Ковач отрицательно покачал головой.

— Ничего мне от вас не надо. Вы опоздали. Все уже давным-давно известно. И про ваше пребывание в Будапеште в 1947 году, и про «операцию К-6», и даже про вашего почтенного шефа полковника Мерфи... Возвращайтесь в камеру. Вас позовут, когда потребуется.

— Нет! Нет! Я хочу говорить! Выслушайте меня!

Перелом произошел. Наступила реакция. Началась обычная, так хорошо знакомая Ковачу картина.

— Вы не знаете всего! Вы не можете знать всего! А я вам расскажу все, все. Выслушайте меня! Я знаю, где Гупперт. Я знаю очень многое...

Корнер тяжело дышал. Его широко раскрытые глаза были полны животного страха.

— Ну ладно, если вы так просите... Старший лейтенант Дьярош, займитесь арестованным.

Через час первые страницы показаний диверсанта уже были на столе у Ковача. Майор внимательно прочитал рассказ о том, как был похищен и подменен Макс Гупперт. Затем он снял трубку.

— Междугородная? Соедините меня с Веной...

«КТО СЕЕТ ВЕТЕР...»

Яркий дневной свет ударил Максу в лицо. Он почувствовал резкую боль в глазах и прикрыл их руками. Его схватили с обеих сторон, приподняли и швырнули куда-то.

Макс открыл глаза. Он был в маленьком, темном помещении без окон. По обеим сторонам стояли скамейки. На потолке светилась крохотная электрическая лампочка. Около двери сидели два американских солдата с винтовками в руках и скучающим видом. Они без тени любопытства смотрели на Макса. У обоих равномерно двигались челюсти.

— Поехали, — по-английски крикнул кто-то снаружи.

Фыркнул мотор. Лампочка мигнула и засветила сильнее. Помещение затряслось, как в лихорадке. Макс понял, что находится в закрытом кузове автомашины. Его качнуло. Раздался характерный шорох, который издают покрышки, когда катятся по гравию.

Машина остановилась. «Ворота», — подумал Макс. Дверь кузова отворилась. Солдат в белом шлеме — часовой — беглым взглядом окинул Макса и вновь закрыл дверь. Было слышно, как он перебросился несколькими фразами с шофером.

Машина опять тронулась с места. Неожиданно дверь широко распахнулась. Видимо, часовой недостаточно плотно прихлопнул ее. Солдат, сидевший поближе к выходу, громко чертыхнулся, встал со своего места и взялся за ручку двери.

Как раз в этот момент машина огибала угол здания. На какую-то долю секунды мелькнула табличка с названием улицы. «Нимфенгассе» — успел прочитать Макс.

Через полчаса они уже были у цели. Один из солдат вышел и вскоре возвратился в сопровождении австрийского полицейского.

— Вот этот, — кивнул американец головой в сторону Макса. Затем он предложил австрийцу подписать какую-то бумагу, очевидно, расписку о приеме арестованного.

И вот Макс оказался на улице.

— Скорей, скорей, — торопил Макса полицейский.

Через несколько секунд глаза Макса свыклись с дневным светом. Он узнал дом, в подъезд которого входил. В этом здании помещались суд и прокуратура. Отсюда было совсем недалеко до районного комитета сторонников мира.

Они вошли в вестибюль, затем поднялись по лестнице на первый этаж.

— Налево, — коротко приказал полицейский.

Макс оказался в небольшой комнате с закрытым решеткой окном. Полицейский, вошедший вслед за ним, накинул крючок на входную дверь.

— Садитесь, — сказал полицейский, указав на стул, стоявший спинкой к окну. — Садитесь, вам говорят.

Макс повиновался. Полицейский опустился на соседний стул. Он вытащил пистолет, повертел его в руках, как будто осматривая, и опять сунул в кобуру. Макс усмехнулся. Он отлично понял, для кого предназначался этот красноречивый жест.

Полицейский был не молод — лет пятидесяти. Грозный вид ему придавали лишь францисифские бакенбарды и усы. Макс мог бы с ним справиться без особого труда.

В комнате была и вторая дверь, обитая черной клеенкой. На ней был автоматический замок.

— Там зал заседаний? — спросил Макс у полицейского.

Тот ничего не ответил. По инструкции не полагалось разговаривать с подсудимыми.

Но все же Макс получил ответ на свой вопрос. В комнате раздалась громкая трель электрического звонка. Полицейский засуетился.

— Живее, живее, — заторопил он Макса. — Сюда!

Он повернул замок на обитой клеенкой двери, опустил собачку, придерживающую щеколду, и пропустил Макса вперед.

Дверь вела в зал суда, точнее, к скамье подсудимых, огороженной барьером. Напротив нее был столик прокурора, справа — судьи. Слева находились места для публики, но сейчас они пустовали, так как суд над Марцингером по указанию Мерфи должен был проводиться при закрытых дверях.

Макс прошел к барьеру и, не ожидая приглашения, сел. Позади него устроился усатый полицейский.

Нервы Макса были напряжены до предела. План действий окончательно сложился в голове. Теперь оставалось самое главное: осуществить его.

Маленький человек с бритой головой, сидевший за судейским столом, объявил о начале судебного заседания и начал перечислять прегрешения «австрийского гражданина Германа Марцингера, обвиняющегося в совершении преступлений, предусмотренных статьями...»

Закончив чтение, он обратился к Макс:

— Подсудимый Марцингер, встаньте.

Макс встал.

— Признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

— Нет, — громко ответил Макс. — Не признаю. Во-первых, потому, что обвинения все до одного вымышлены, а, во-вторых, потому, что я не Марцингер.

Брови бритоголового поползли вверх, словно хотели пройти по всему лбу.

— То-есть как это вы не Марцингер? А кто же вы такой?

— Я — Макс Гупперт.

— Макс Гупперт? Какой Макс Гупперт?.. О!

Маленькие, злые глазки судьи округлились, а брови подскочили еще выше.

За судейским столом началось явное смятение. Бритоголовый наклонялся то к одному, то к другому своему соседу и о чем-то шептался с ними. Наконец, он объявил:

— Суд откладывается на час для выяснения некоторых обстоятельств. Выведите подсудимого.

Наступила решительная минута. Сейчас или никогда! Если его снова передадут Си-Ай-Си... Макс перешагнул через скамью и направился к двери. За ним поднялся и полицейский. Внезапно Макс повернулся и резким движением обеих рук что было сил ударил своего стра-

жа в живот. Тот, охнув, перелетел через скамью и грохнулся на пол.

Миг — и Макс снова оказался в комнате с решеткой. Он с силой захлопнул дверь и поднял собачку автоматического замка. Звякнула щеколда.

Скинуть крючок входной двери, выскочить в коридор и оттуда на улицу было для Макса делом нескольких секунд. Мимо здания суда проезжал трамвай. Он кинулся за ним вдогонку.

— Когда-нибудь останетесь без ног, — укоризненно сказала пожилая кондукторша, когда Макс, уцепившись за поручни, вскочил на подножку.

— Лучше рисковать ногами, чем наверняка потерять голову, — ответил Макс.

Кондукторша нахмурилась: что за глупые шутки! Она даже и не подозревала, что это было сказано вполне серьезно.

Трамвай завернул за угол. Макс сошел на следующей остановке. Он отлично понимал, что американцы сейчас все поднимут на ноги и, пока он остается в их зоне, опасность продолжает висеть над головой. Но ему нужно было непременно видеть Киршнера.

Макса ожидало разочарование. В комнате он застал одну лишь старушку Кристину — уборщицу и сторожиху. Она уставилась на него, словно увидела пришельца с того света.

— Вы, господин Гупперт? — не веря своим глазам, вскричала она. — Ведь вас арестовали венгры!

— Венгры? — улыбнулся Макс. — Нет, венгры меня не арестовывали. Не скажете ли, где Киршнер?

— Он на стадионе, — все еще не спуская с Макса широко раскрытых глаз, ответила старушка. — Там в двенадцать часов какой-то митинг.

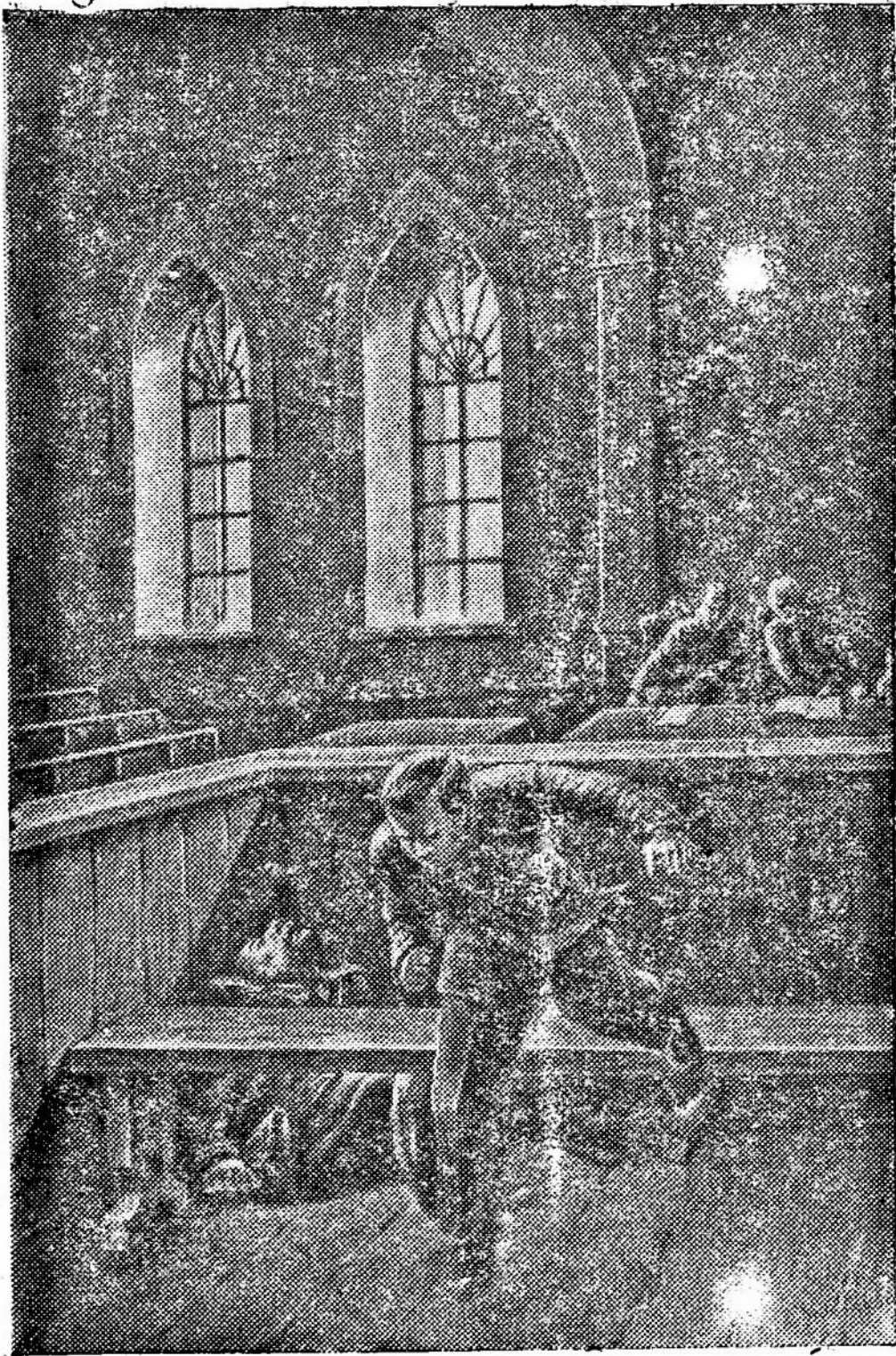
Макс посмотрел на стенные часы. Без пяти минут двенадцать. В этот момент раздался продолжительный телефонный звонок. Макс снял трубку.

— Товарищ Киршнер? Курт?

— Нет, не он.

— А кто же? — спросили с заметным иностранным акцентом.

— Один из членов комитета... Киршнера сейчас здесь нет. Он на митинге.

— Жаль... Прошу передать ему следующее. Только что в Будапеште объявлено о том, что под именем Макса Гупперта скрывался американский разведчик Гарри Корнер, засланный в Венгрию с диверсионной целью. Сам же Гупперт, как показал Корнер, захвачен агентами Си-Ай-Си и содержится в тюрьме на Нимфенгассе.

Только сейчас Макс понял, почему так удивилась старушка Кристина, когда увидела его. Ну и молодцы же эти венгры!

— Обязательно скажу Киршнеру.

— Передайте ему привет от Ласло. Он знает. Я ему вечером позвоню еще раз.

Теперь нужно было спешить на стадион. Хотя он находился в первом, межзональном районе Вены, где размещались учреждения всех четырех держав, в том числе и американские, Макс знал, что будет там в полной безопасности. В этом месяце комендантскую службу по межзональному району несли советские воины...

...Слово предоставили Карлу Хору. Он встал, ободряюще улыбнулся сидевшей рядом с ним Мицци и направился к трибуне. Когда Хор проходил мимо сидений третьего ряда, его взгляд задержался на худом бледном лице. Он сразу узнал Томсона, несмотря на то, что тот вырядился в традиционную австрийскую шляпу с пышной кистью и короткие кожаные штаны.

На трибуне Хор с полминуты молчал, собираясь с мыслями. Затем он, словно бросаясь с вышки в воду, взмахнул над головой обеими руками:

— Дорогие друзья!.. Меня очень удивляет, что все, которые выступали до сих пор, ни одним словом не обмолвились о странном происшествии с лучшим сборщиком подписей под Стокгольмским воззванием, нашим Максом Гуппертом...

Сразу стало тихо. Стадион затаил дыхание.

Хор повысил голос:

— Почему же никто не сказал об этом? Почему никто не поднял свой голос протеста против насилия венгров? Макса, нашего Макса они осмелились арестовать! Вот здесь, среди нас, сидит его убитая горем супруга. Как мы можем смотреть ей в глаза? Мы послали Макса своим представителем в Будапешт. Неужели мы сейчас молчаливо и покорно примем пощечину, которую венгры нанесли движению сторонников мира Австрии? Макс,

наш Макс, — патетически воскликнул Хор. — простишь ли ты нам это?

— Тебе, подлец, никогда не прощу!

Хор с возмущением обернулся. Кто посмел...

— Ты?

Да, это был Макс Гупперт. Перепрыгивая сразу по нескольку ступенек, он поднимался к трибуне.

Стадион покачнулся в глазах Хора. Макс все знает! Скорей, скорей отсюда!

Он сбежал с трибуны и, съезжившись, стал пробираться к выходу из стадиона, провожаемый недоумевающими взглядами тысяч людей.

Выход был близко. Хору удалось выскочить раньше, чем Макс начал говорить.

— Слушайте все, — донеслось до него, когда он был уже на улице. — Я — Макс Гупперт. Карл Хор — провокатор и предатель...

Хор бежал, задыхаясь, и звук громкоговорителя постепенно затихал. Наконец, Хор совершенно обессилел. Он остановился у фонарного столба в пустынном переулке. Боже, боже! Что теперь делать?

Он не заметил, как в переулок, тихо урча, въехала легковая автомашина. За ее рулем сидел широкоплечий человек с холодными голубыми глазами. Увидев Хора, он нажал на газ. Машина рванулась вперед. Вот она поравнялась с фонарным столбом...

Хор инстинктивно почуял опасность. Он метнулся в сторону, но уже было поздно... Глухой удар... Душераздирающий визг тормозов...

Человек у руля обернулся и посмотрел назад. На его лице появилась довольная улыбка. О'кей! Чистая работа! Награда, можно считать, в кармане...

А в это время на стадионе гремел гневный голос Макса:

— Я вырвался на свободу, друзья. Но все еще томятся в тюрьме Си-Ай-Си писатель Марцингер, другие наши сограждане. Наемники тайной войны все еще организуют на нашей земле свои подлые провокации.

И стадион вдруг заговорил:

— Вон! Вон их!

На трибуне рядом с Максом появился Киршнер:

— Все на площадь, друзья! Мы должны заявить протест против всех этих провокаций и бесчинств...

Потоки людей хлынули через выходы стадиона и тут же, на площади, собрались в колонны.

— Пошли!..

И вот они идут по улицам Вены. Идут, охваченные единым чувством, единым порывом. Идут мужчины и женщины, юноши и старики — австрийский народ.

Все больше и больше становится их. Все новые и новые группы вливаются в могучий поток. Тверда поступь множества людей. Согласно бьются их сердца.

— Свободы!

— Мира!..

— Их много! Они идут туда, к вам! — кричит в трубку майор Томсон. Он забился в будку телефона-автомата и с тревогой оглядывается на проходящие мимо бесконечные людские колонны.

...И мечется по кабинету полковник Мерфи, снедаемый злобой и страхом. Ревут сирены во дворах комендатур военной полиции. Бегут к своим джипам, отстегивая на ходу дубинки, краснолицые МП.

Тщетно!

Не остановить народ!

Он борется за правое дело. Он победит!

